

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВАЦИИ
В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

*Материалы всероссийской научной конференции
адъюнктов, аспирантов и соискателей
(18 мая 2021 г.)*

Выпуск 17

Омск
ОмА МВД России
2021

УДК 34 (082)
ББК 67в=67я54
П71

Редакционная коллегия:

И. В. Сидорова, кандидат юридических наук — председатель; *В. Н. Борков*, доктор юридических наук, доцент — зам. председателя; *В. В. Бабурин*, доктор юридических наук, профессор; *О. И. Бекетов*, доктор юридических наук, доцент; *Т. Е. Грязнова*, доктор юридических наук, доцент; *И. А. Вормсбехер*, кандидат юридических наук — отв. секретарь

П71 **Преемственность и новации в юридической науке** : мат-лы всерос. науч. конф. адъюнктов, аспирантов и соискателей (Омск, 18 мая 2021 г.) / отв. за выпуск канд. юрид. наук И. В. Сидорова. — Омск : Омская академия МВД России, 2021. — Вып. 17. — 132 с.

ISBN 978-5-88651-771-2

В сборнике публикуются тезисы докладов и сообщений участников научной конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей Омской академии МВД России и других юридических вузов. Освещается широкий круг теоретических и практических проблем развития права.

Предназначено для адъюнктов, студентов, курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России.

УДК 34 (082)
ББК 67в=67я54

ISBN 978-5-88651-771-2

© Омская академия МВД России, 2021

РАЗДЕЛ I.
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ;
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО;
КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС;
МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО; ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО;
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО;
МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО;
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Д. В. Андреев

(Омская академия МВД России)

**Особенности конфискации и изъятия алкогольной
и спиртосодержащей продукции в административном
законодательстве**

Согласно положению ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ основной функцией применения наказания выступает предупреждение совершения новых правонарушений и преступлений. При этом справедливо отмечено, что положение носит воспитательные и превентивные цели административного наказания, представляющего собой меру государственного принуждения к нарушителю¹.

Прежде всего государственные меры принуждения направлены на корректировку поведения лиц, отклоняющихся от определенных правил и норм поведения в обществе, а также принципов, закрепленных в нормативных правовых актах РФ. При этом административно-карательные санкции не ставят задачи наказать², но все же являются карательным инструментом государственного принуждения³.

---

¹ Дизер О. А. Административно-правовые основы предупреждения и пресечения милицией правонарушений в сфере оборота продукции, оказания услуг и проведения зрелищных мероприятий сексуального характера. Омск, 2004. С. 103.

² Россинский Б. В. Административная ответственность : курс лекций. 2-е изд. М., 2009. С. 74.

³ Максимов И. В. Административные наказания. М., 2009. С. 373.

В настоящее время одним из распространенных и, на наш взгляд, значимых административных наказаний считается конфискация орудия совершения или предмета правонарушения. В соответствии со ст. 3.7 КоАП РФ под конфискацией понимается принудительное безвозмездное обращение в федеральную собственность или собственность субъекта РФ не изъятых из оборота вещей. Рассмотрим некоторые проблемные вопросы конфискации и изъятия алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Следует отметить, что алкогольная и спиртосодержащая продукция относятся к особым предметам государственного контроля, а нарушение требований, касающихся их оборота, предусматривает наступление юридической ответственности в соответствии с действующим законодательством. Продажа гражданами алкогольной или спиртосодержащей продукции влечет ответственность по ст. 14.2 и ч. 1 ст. 14.17.1 КоАП РФ. Данные составы правонарушений различаются по субъекту и по предмету правонарушения. Так, предметом правонарушения по ч. 1 ст. 14.17.1 КоАП РФ является алкогольная или спиртосодержащая пищевая продукция, остальная спиртосодержащая продукция относится к предмету состава правонарушения, предусмотренного ст. 14.2 КоАП РФ.

Особое внимание, по нашему мнению, заслуживает вопрос конфискации предмета правонарушения, регламентированного ч. 1 ст. 14.17.1 КоАП РФ. В пункте 1 ст. 25 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (далее — Закон № 171-ФЗ) содержатся условия, при которых алкогольная и спиртосодержащая продукция находятся в незаконном обороте и подлежат изъятию.

Вместе с тем Верховный Суд РФ отмечает, что конфискация как вид административного наказания и изъятие из незаконного оборота имеют различные правовые основания. Так, при конфискации предмет правонарушения передается в собственность государства, а в случае изъятия суд принимает решение об уничтожении, и при установлении факта, что предмет не изъят из законного оборота, судом принимается решение о его возврате собственнику⁴.

---

⁴ *Обзор практики рассмотрения судами дел об административных правонарушениях, связанных с назначением административного наказания в виде конфискации, а также с осуществлением изъятия из незаконного владения лица, совершившего административное правонарушение, вещей и иного имущества в сфере оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, явившихся орудием совершения или предметом административного правонарушения.* URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/27131/> (дата обращения: 11.02.2021).

Таким образом, в случае пресечения сотрудниками полиции факта незаконной торговли гражданами алкогольной или спиртосодержащей продукцией в соответствии со ст. 27.10 КоАП РФ принимается решение об изъятии предмета правонарушения и дальнейшего проведения его исследования на установление химического состава. При обнаружении у правонарушителя иной алкогольной или спиртосодержащей продукции, предназначенной для дальнейшей реализации, сотрудники полиции решение об ее изъятии не принимают, так как такая продукция не является предметом правонарушения. Обратим внимание на п. 3 ст. 1 Закона № 171-ФЗ, в котором указано, что действие настоящего Закона не распространяется на деятельность физических лиц, производящих продукцию, содержащую этиловый спирт, не в целях сбыта. Значит если лицо осуществляет производство спиртосодержащей продукции в целях сбыта, то требования закона распространяются на его деятельность. Таким образом, обнаруженная алкогольная или спиртосодержащая продукция, не соответствующая требованиям действующего законодательства, на наш взгляд, подлежит изъятию. Также полагаем, что к предмету правонарушения конфискация как вид административного наказания применяться не может, так как и предмет в данном случае будет находиться в незаконном обороте.

Д. Е. Баталов

(Омская академия МВД России)

Президент Российской Федерации в механизме обеспечения национальной безопасности

С развитием российской государственности вопросы обеспечения безопасности приобретают особое значение. Это предопределено современной геополитической ситуацией, а также совокупностью вызовов и угроз внутригосударственного характера.

Под термином «обеспечение национальной безопасности» понимается «реализация органами государственной власти и органами местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества политических, военных, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности и удовлетворение национальных интересов»¹. Исходя из содержания определения, сто-

---

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ит отметить исключительную роль в механизме обеспечения национальной безопасности Президента РФ, который в соответствии с ч. 1 ст. 11 Конституции РФ наравне с иными органами осуществляет государственную власть².

Подчеркивает высокую значимость данного должностного лица в процессе обеспечения национальной безопасности ряд факторов: первый заключается в его избрании непосредственно гражданами РФ и является своего рода проводником их интересов, второй — в том, что глава государства не относится ни к одной ветви власти, однако обладает полномочиями, позволяющими влиять на деятельность органов государственной власти, выступая в роли координирующего звена, в том числе по вопросам обеспечения национальной безопасности.

Необходимо отметить, что нормативная правовая основа, регулирующая вопросы о месте и роли главы государства в механизме обеспечения национальной безопасности, достаточно обширна. В нее входят законы, подзаконные акты, документы стратегического планирования. Ведущую роль в правовом регулировании полномочий главы государства в обеспечении рассматриваемого нами феномена играют положения Конституции государства, в соответствии с которыми Президент РФ выступает гарантом прав и свобод человека и гражданина (ч. 2 ст. 80), а также именно он определяет основные направления внутренней и внешней политики страны (ч. 3 ст. 80). Эти положения закрепляют ряд основополагающих полномочий Президента, к которым относятся: право назначать на должность после консультаций с Советом Федерации и освободить от должности руководителей федеральных органов исполнительной власти (включая федеральных министров), ведающих вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий (п. «д.1» ст. 83), общественной безопасности, а также формировать и возглавлять Совет Безопасности РФ (п. «ж» ст. 83).

Федеральные конституционные законы «О чрезвычайном положении»³, «О военном положении»⁴ раскрывают полномочия Президента

---

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О чрезвычайном положении : федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О военном положении : федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

РФ в случае возникновения оснований введения чрезвычайного или военного положения. Также в соответствии с иерархией правовых актов необходимо назвать Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности». Этот нормативный правовой акт, хоть и обладает рамочным характером, условия и порядок реализации норм которого раскрываются в иных федеральных законах, содержит в себе «основные принципы обеспечения национальной безопасности и полномочия органов государственной власти в этой сфере»⁵, в том числе и Президента РФ. В этой области общественных отношений глава государства обладает правотворческой инициативой, всецело вовлечен в деятельность Совета Безопасности РФ, осуществляет контроль и координирует деятельность органов власти, направленную в том числе на обеспечение национальной безопасности, а также утверждает документы стратегического планирования. Однако законодатель не ограничился этой совокупностью предоставленных полномочий и закрепил в п. 8 ст. 8, что Президент РФ «осуществляет иные полномочия в области обеспечения безопасности, возложенные на него Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами»⁶.

Таким образом, стоит признать, что в механизме обеспечения национальной безопасности Президент РФ играет ключевую роль. Несмотря на это, сложная структура данного социально-правового явления предполагает активное участие иных субъектов, чья деятельность направлена на должное обеспечение жизни человека, общества и государства.

Е. В. Белоусова

(Сибирский юридический университет, г. Омск)

Договор строительного подряда в условиях пандемии

2020 год стал особенным для всех государств. Объявление 11 марта 2020 г. всемирной пандемии, введение во всех регионах нашей страны режима повышенной готовности из-за распространения коронавирусной инфекции COVID-19 повлияло на основные сферы жизни общества включая строительство. В целом можно констатировать, что пандемия и коронавирусные меры 2020 г. выявили некоторые сложности в исполнении договора строительного подряда. Прежде всего перед многими под-

---

⁵ Кардашова И. Б. Правовая политика в области национальной безопасности // Право и политика: теоретические и практические проблемы. Рязань, 2013. С. 59.

⁶ *О безопасности* : федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

рядчиками и заказчиками встал вопрос, можно ли признавать объявленную пандемию обстоятельством непреодолимой силы (форс-мажором) на основании ст. 401 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ).

При ответе на этот вопрос необходимо выяснить, распространялись ли введенные в регионе подрядчика ограничения на его строительную деятельность или нет. В связи со сложившейся в стране обстановкой 21 апреля 2020 г. Президиум Верховного Суда РФ (далее — ВС РФ) представил свой Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства, и мер по противодействию распространению на территории России новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1. В Обзоре Президиум ВС РФ разъяснил, что признание распространения новой коронавирусной инфекции обстоятельством непреодолимой силы не может быть универсальным для всех категорий должников, и существование обстоятельств непреодолимой силы должно быть установлено с учетом обстоятельств конкретного дела. Ранее Пленум ВС РФ в п. 8 постановления от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» указывал, что для признания обстоятельства непреодолимой силой необходимо, чтобы оно отвечало таким признакам, как чрезвычайность, непредотвратимость, независимость от воли (действий) сторон. В связи с этим не всегда пандемия может рассматриваться как обстоятельство непреодолимой силы при проблемных вопросах исполнения договора строительного подряда.

В период пандемии при исполнении обязательств по договору строительного подряда актуальным стал вопрос о продлении сроков выполнения работ. В главе 37 ГК РФ не определен порядок продления сроков. Только в рамках ст. 718 ГК РФ указываются основания продления сроков в случае неисполнения обязательств заказчика по содействию подрядчика.

Мы придерживаемся позиции, что в спорной ситуации возможно применение правовых норм Общей части ГК РФ, в частности ст. 451 ГК РФ. Однако сложно представить пандемию как обстоятельство, которое стороны могли бы разумно предвидеть. В то же время в уже упомянутом Обзоре Президиума ВС РФ допускается возможность изменения либо расторжения договора из-за эпидемиологической обстановки, ограничительных мер или режима самоизоляции, если это будет признано судом существенным изменением обстоятельств. Отметим, что в судебной практике по строительным спорам суды могут признать

в качестве существенных обстоятельств такие, как значительное увеличение сроков строительства по независящим от подрядчика причинам, в связи с чем существенно возрастет стоимость материалов, длительное отсутствие возможности возобновления работ¹. При этом суды не признают в качестве существенных изменений обстоятельств резкое ухудшение финансового состояния стороны договора, сокращение его штата, увеличение индекса цен на материалы, изменение курса иностранной валюты². Эти примеры показывают, что вопрос о признании обстоятельств существенными решается судами в каждом конкретном случае.

На наш взгляд, для обеспечения баланса интересов сторон договора строительного подряда целесообразно включить в раздел 3 главы 37 ГК РФ отдельную норму, предусматривающую основания и порядок продления сроков производства работ подрядчиком.

А. В. Веренич

(Омская академия МВД России)

Участие несовершеннолетних в несанкционированных митингах

Современная Россия, продолжая свои традиции и поддерживая международные стандарты, выделяет приоритетным направлением государственной политики обеспечение прав и свобод детей, что регламентируется ст. 67.1 Конституции РФ. Однако некоторые политические деятели используют несовершеннолетних для достижения своих целей. Последние события, произошедшие в ряде городов РФ 23 и 31 января 2021 г., напрямую свидетельствуют об этом. В эти даты несовершен-

---

¹ См., напр.: *постановление* Арбитражного суда Московского округа от 11 ноября 2019 г. по делу № А40-305776/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *постановление* Арбитражного суда Московского округа от 21 ноября 2014 г. по делу № А40-106486/2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См., напр.: *постановление* Президиума Высшего Арбитражного суда РФ от 30 ноября 2010 г. по делу № А17-1960/2009. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *постановление* Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 20 мая 2019 г. по делу № А82-16636/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; п. 8 *Обзора* судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 16 февраля 2017 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нолетние привлекались к участию в несанкционированных митингах в поддержку оппозиционера Алексея Навального. Эти обстоятельства говорят об угрозе не только общественной нравственности, но и национальной безопасности, которая напрямую зависит от господствующих политических взглядов. Такие действия вызывают широкий общественный резонанс, привлекая внимание не только публичной власти РФ, но и международного сообщества. Как отмечают М. А. Бучакова и О. А. Дизер, «этот факт может спровоцировать в ближайшем будущем потерю духовных ценностей в обществе, утрату ориентиров в воспитании подрастающего поколения»¹.

Не имея своего четкого мнения и твердой жизненной позиции, несовершеннолетние становятся инструментом в политических играх, не задумываясь о последствиях в силу своего физического и нравственного развития. Тенденция привлечения детей к несанкционированным собраниям и митингам становится актуальной проблемой современного российского законодательства. Конституция РФ определяет право граждан проводить собрания, митинги, демонстрации и т. д., при этом в Основном законе не оговорен возрастной ценз для участия в указанных мероприятиях. Важно отметить, что ключевым в праве участия граждан в собраниях и митингах является наличие мирных целей. Незначительные ограничения, касающиеся участия детей в публичных мероприятиях, содержатся в Федеральном законе от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», в соответствии с которым несовершеннолетние, не достигшие возраста 18 лет, не могут быть организаторами демонстраций, шествий и пикетирований, а несовершеннолетние, не достигшие возраста 16 лет, не могут выступать в качестве организатора в митингах и собраниях. При этом в Законе четко прописан принцип проведения публичного мероприятия — добровольность. Как отметила Уполномоченный по правам человека в РФ Т. Н. Москалькова, «люди, которые еще не созрели в своих политических убеждениях, не должны стать объектами для манипуляции и провокации»².

Факты вовлечения несовершеннолетних в публичные мероприятия вызывают особую обеспокоенность, так как данные действия не только

---

¹ Бучакова М. А., Дизер О. А. Государственная политика Российской Федерации в сфере защиты общественной нравственности // Права человека и правоохранительная деятельность (памяти профессора А. В. Зиновьева) : мат-лы регион. науч.-практ. конф. СПб., 2017. С. 50–52.

² URL: <http://beta.perebezhchik.ru/mneniya/5881.html> (дата обращения: 07.02.2021).

провоцируют детей к активным противоправным действиям, но и подрывают авторитет государственной власти и политического строя. В целях сдерживания нарастающей негативной тенденции применяются рычаги административного и уголовного законодательства. Так, в 2018 г. в ст. 20.2 КоАП РФ введена часть 1, предусматривающая административную ответственность за вовлечение несовершеннолетних в участие в несанкционированных собраниях, митингах и т. д.³ На наш взгляд, данный шаг был обоснован и необходим, ведь как справедливо отмечает Д. Н. Бахрах, «административная ответственность служит средством охраны правопорядка, средством осуществления государственной власти, особым видом государственной деятельности; является следствием противоправного, вредного и виновного деяния»⁴. Принятый Закон, безусловно, направлен на предупреждение фактов вовлечения несовершеннолетних в несанкционированные собрания, митинги, а также на пресечение незаконных действий, способных оказать на несовершеннолетних негативное влияние. Несомненно, обязательным элементом при реализации административного законодательства выступает привлечение к административной ответственности, отличительным признаком которой является административное наказание. Наказание за использование несовершеннолетних для достижения своих целей должно быть не только суровым, но и справедливым. По мнению В. Е. Севрюгина, «это позволит сохранить стабильность административно-деликтных норм, назначение которых — защищать определенные группы общественных отношений»⁵.

Полагаем, что помимо необходимости своевременного законодательного реагирования на противоправное поведение лиц, склоняющих и вовлекающих несовершеннолетних в несанкционированные публичные мероприятия, важно ввести в законодательство РФ возрастные ограничения для участия в мероприятиях, преследующих политические и идеологические мотивы.

---

³ О внесении изменения в статью 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 557-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Бахрах Д. Н. Административная ответственность как особый вид юридической ответственности // Ученые записки Пермского университета. 1974. Вып. 5. С. 78.

⁵ Севрюгин В. Е. Теоретические проблемы административного проступка : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994.

С. О. Волк-Леонович

(Омская академия МВД России)

О власти и управлении в Древнерусском государстве в трудах Александра Магнуса Фромгольда фон Рейца

Александр Магнус Фромгольд фон Рейц, историк русского права, педагог, статский советник. А. М. Ф. Рейц окончил юридический факультет Дерптского университета в 1820 г. и сразу же защитил кандидатскую диссертацию «Об опеке по русскому праву». После этого он был утвержден в звании кандидата прав и остался на преподавательской работе в Дерптском университете. В 1824 г. он получил степень доктора при Тюбингенском университете. В 1825 г. был утвержден экстраординарным профессором, а в 1829 г. — ординарным профессором по русскому праву. Научный интерес Рейца составляла история права славянских народов.

Несомненной заслугой, признанной современниками ученого, является монографический труд, увидевший свет в 1829 г. «*Versuch über die geschichtliche Ausbildung der russischen Staats-und Rechts-Verfassung*». Значение этого произведения наглядно подтверждается тем, что профессор Московского университета Ф. Л. Морошкин отказался от написания подобного труда, осознавая превосходство дерптского профессора, и решил перевести и издать сочинение Рейца¹ в качестве учебного пособия для студентов. В течение нескольких десятилетий «Опыт истории российских государственных и гражданских законов» становится единственным пособием по истории русского права, что окажет значительное влияние на формирование представлений об эволюции государственно-правовых институтов Российской империи у следующих поколений российских правоведов.

А. М. Ф. Рейц, развивая идеи И. Г. Неймана² и И. Ф. Г. Эверса³, рассматривает княжескую власть как принадлежащую родовому коллективу, из чего делает вывод о союзном характере Древнерусского государства⁴.

---

¹ *Морошкин Ф. Л.* Ученые труды по части истории русского законодательства // Ученые записки имп. Московского ун-та. 1835. Ч. 10. С. 145–147 ; *Его же.* О владении по началам российского законодательства. М., 1837. 237 с.

² *Нейман И. Г.* О жилищах древнейших руссов. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_/318377 (дата обращения: 04.04.2021).

³ *Эверс И. Ф. Г.* Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / пер. с нем. И. Платонова. СПб., 1835. 422 с.

⁴ *Рейц А. М. Ф.* Опыт истории российских государственных и гражданских законов / пер. с нем. Ф. Л. Морошкина. М., 1836. С. 28.

Транзит власти в удельных княжествах осуществлялся по праву наследования или по завещанию, иногда в соответствии с волей великого князя. Межкняжеские отношения строились, с точки зрения ученого, согласно нормам обычного права и конвенциональным нормам⁵. Обычай воспроизводили нормы внутрисемейного характера, предполагавшие отношения между людьми, имеющими общих предков и строящими свои отношения на родственных началах. Конвенциональные нормы предполагали равенство договаривающихся сторон, вне зависимости друг от друга⁶. С уменьшением политического влияния института великокняжеской власти значение конвенциональных норм, регулирующих отношения между князьями, существенно возрастает. А. М. Ф. Рейц первым обратил внимание на такой институт власти, как княжеские съезды (снемы). Их появление ученый объясняет недостатком верховной власти, обеспечивающей единство, вместо потерявшего свое былое значение института княжеской власти. Появляется институт княжеских съездов, решение которого носило обязательный характер для договаривающихся и скреплялось клятвой, крестоцелованием. В компетенцию снемов входили ключевые задачи внешней политики, прежде всего организация совместных походов, обороны, они решали вопросы о распределении и лишении уделов, осуществляли правосудие над отдельными князьями, разрешали межкняжеские конфликты. Таким образом, для А. М. Ф. Рейца форма правления, существовавшая в Древней Руси, сомнения не вызывает — это абсолютная монархия. Представительные органы как таковые отсутствуют, легальное ограничение княжеской власти ученый даже не допускает⁷. Исключением являются только Новгород и Псков, где сформировалась республиканская форма правления, которая, по мнению А. М. Ф. Рейца, выступала, безусловно, вторичной, по отношению к княжеской власти. В других княжествах вечевые собрания ученым рассматриваются как формы радикального протеста⁸.

Таким образом, А. М. Ф. Рейц рассматривал Древнерусское государство как абсолютную монархию по форме правления, по территориальному устройству — как союзное государство, выросшее не из объединения территорий, а из союза лиц, объединенных кровным родством и общим предком.

---

⁵ Там же. С. 22, 28.

⁶ Там же. С. 87.

⁷ Рейц А. М. Ф. Опыт истории российских государственных и гражданских законов / пер. с нем. Ф. Л. Морошкина. М., 1836. С. 28.

⁸ Там же. С. 50, 97.

К. С. Волков

(Омская академия МВД России)

Значение информационно-аналитической работы в нормотворческой деятельности органов внутренних дел Российской Федерации

Для нашей страны проблема избыточного нормативного правового регулирования является актуальной¹, не стала исключением и нормотворческая деятельность ОВД. На наш взгляд, в настоящее время количество правовых актов управления, обеспечивающих функционирование полицейской системы, чрезмерно и они слабо корреспондируются друг с другом. Существующие в них нормы допускают неоднозначную их интерпретацию, а порой входят в противоречие с законами. Все это приводит к тому, что «организационно-распорядительные документы не отражают реальную управленческую деятельность и не влияют на результативность оперативно-служебной деятельности»². Причиной тому, как верно отмечено Е. С. Щербаковой, «излишняя, не всегда оправданная поспешность подготовки, принятия новых правовых решений»³.

Полагаем, что подобного рода противоречия и другие недостатки создают предпосылки для нестабильности правового регулирования, несогласованности действий полицейской системы.

Сегодня одним из ключевых аспектов совершенствования обозначенной сферы деятельности является информационно-аналитическое обеспечение правовых актов управления.

Информационно-аналитическая работа затрагивает без исключения все направления оперативно-служебной деятельности полиции на каждом из ее уровней, в том числе и нормотворческую, продуктивность и результативность которой, несомненно, зависит от информационно-аналитической составляющей. В связи с этим в конце 2016 г. МВД России обратило внимание на важность совершенствования методологических основ принятия решений на основе информационно-аналитической поддержки, возведя эту работу в один ранг с приоритетными направлениями деятельности министерства.

---

¹ Куянова А. В. Регуляторная гильотина и источники полицейского права // Актуальные проблемы полицейского права : мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня образования Омской академии МВД России. Омск, 2020. С. 154–157.

² Докладная записка о проблемах документационного обеспечения управления в системе МВД России от 15 ноября 2017 г. № 5/5-2680.

³ Щербакова Е. С. Социологическое обеспечение нормативно-правовых актов в системе органов внутренних дел // Гражданин и право. 2009. № 3. С. 55–58.

В 2018 г. пересмотрена организационная основа обеспечения информационно-аналитической работы ОВД⁴. Одна из ее основных целей — это аналитическое обеспечение разработки планов и иных управленческих решений ОВД⁵. При этом под управленческим решением понимается «правовой акт уполномоченного руководителя (начальника) органа внутренних дел, основанный на анализе и оценке оперативной обстановки и содержащий постановку целей, обоснование способов и средств их достижения, имеющий директивный характер, принятый в установленном порядке, обеспечивающий организационную устойчивость, а также направленный на совершенствование деятельности органов внутренних дел при решении возлагаемых на них задач»⁶.

Отметим, что аналитическая работа при правильном ее понимании просто незаменима в нормотворческой деятельности ОВД. При должной обработке полученной информации возможно создание множества вариантов проектов правовых актов управления, строящихся на альтернативных решениях. При их сравнении появляется возможность выбора наиболее подходящего (оптимального).

О. С. Гоман

(Омская академия МВД России)

Административная ответственность владельцев гражданского оружия, допустивших его утрату: проблемы и перспективы

Как показывает анализ, одним из источников формирования незаконного оборота оружия является утрата гражданского оружия его владельцами. Любая утраченная единица оружия, выпадает из легального

---

⁴ *Вопросы организации информационно-аналитической работы в управленческой деятельности органов внутренних дел Российской Федерации* : приказ МВД России от 26 сентября 2018 г. № 623. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ *Абзац 4 пункта 3 Инструкции по организации информационно-аналитической работы в управленческой деятельности органов внутренних дел Российской Федерации*, утвержденной приказом МВД России от 26 сентября 2018 г. № 623. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ *Абзац 5 пункта 2 Инструкции по организации информационно-аналитической работы в управленческой деятельности органов внутренних дел Российской Федерации*, утвержденной приказом МВД России от 26 сентября 2018 г. № 623. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

оборота и потенциально становится орудием преступления. Принимая во внимание данные обстоятельства, а также то, что оружие выступает источником повышенной опасности, его оборот должен находиться под постоянным контролем уполномоченных органов и обеспечиваться силой государственного принуждения.

В настоящее время у населения России зарегистрировано более 6,6 млн единиц оружия, им владеют около 3,9 млн граждан¹. Такое количество оружия требует к себе повышенного внимания. Однако, несмотря на незначительное снижение ежегодной статистики (в 2018 г. — на 7,9% по сравнению с предшествующим годом²), утраты остаются серьезной угрозой общественной безопасности. В 2008 г. в российской картотеке учета утраченного огнестрельного оружия уже насчитывалось более 215 тыс. единиц³, что представляется серьезным арсеналом.

Главными причинами, способствующими утрате оружия, называют: нарушение правил оборота оружия гражданами; слабую профилактическую работу со стороны сотрудников, осуществляющих контроль в сфере оборота оружия; законодательные пробелы, препятствующие вынесению справедливого и обоснованного решения по каждому случаю утраты оружия⁴.

Основные требования к хранению, ношению, транспортированию гражданского оружия установлены Правилами оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации⁵ (далее — Правила). Так, пункт 59 Правил обязывает граждан хранить гражданское оружие и патроны к нему по месту жительства с соблюдением условий, обеспечивающих их сохранность, безопасность хранения и исключающих доступ к ним посторонних лиц. Оружие и па-

---

¹ Названо число зарегистрированного оружия у россиян. URL: <https://rg.ru/2020/01/07/nazvano-chislo-zaregistrirovannogo-oruzhiia-u-rossiiian.html> (дата обращения: 30.03.2021).

² В вопросах оружия нет мелочей и исключений. URL: <https://lenta.ru/articles/2019/06/17/guns/> (дата обращения: 30.03.2021).

³ Число разыскиваемых единиц огнестрельного оружия в России достигает 200 тысяч. URL: <https://www.interfax.ru/russia/36655> (дата обращения: 30.03.2021).

⁴ Глушкова Е. М. Ответственность лиц, допустивших утрату гражданского оружия либо создавших условия, повлекшие его хищение // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 4. С. 94.

⁵ О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

троны к нему должны храниться в запирающихся на замок сейфах или иных укрепленных устройствах.

Ношение гражданского оружия может осуществляться только во время охоты, проведения спортивных мероприятий, тренировочных и учебных стрельб, а также в целях самообороны. В соответствии с п. 63 Правил оно должно быть в расчехленном состоянии, со снаряженным магазином, поставленным на предохранитель, а огнестрельное короткоствольное оружие — в кобуре, в аналогичном виде. Условия, при которых можно транспортировать оружие, также детализированы в Правилах.

Необходимо отметить, что законодатель установил обязанность владельцев выполнять правила безопасного обращения с оружием. Несмотря на это, граждане теряют оружие, находясь на охоте в лесных массивах или на водоемах, при транспортировании к месту охоты или при возвращении, травматическое оружие теряют в пределах городских и сельских населенных пунктов при ношении и т. д.

Принимая во внимание тот факт, что вероятным следствием утраты гражданского оружия является его потенциальное попадание в незаконный оборот и противоправное использование, указанные действия владельца оружия могут квалифицироваться как по ст. 224 УК РФ, так и по ч. 4 ст. 20.8 КоАП РФ, в зависимости от последствий. Стоит отметить, что законодатель не устанавливает обязанности владельца оружия в наиболее короткий срок сообщить о его утрате в контролирующий орган.

В настоящее время не предусмотрено и специальной административной ответственности за утрату оружия. Таким образом, при квалификации правонарушения владельцу оружия вменяют нарушения правил ношения, хранения или транспортирования оружия, повлекшие в свою очередь его утрату. Иначе говоря, гражданин, нарушивший правила хранения и не утративший оружие, будет привлечен к такой же ответственности, что и владелец, нарушивший правила оборота оружия с более тяжкими последствиями, такими как его утрата. Пробельность законодательства в данном случае ведет к нарушению конституционных требований справедливости и соразмерности, выраженных в дифференциации юридической ответственности в зависимости от тяжести содеянного.

По нашему мнению, давно назрела необходимость внесения в КоАП РФ специальной административной ответственности за нарушение правил хранения, ношения, транспортирования оружия гражданами, повлекшее его утрату, с назначением более жесткого наказания, чем предусматривает санкция ч. 4 ст. 20.8 КоАП РФ.

Е. В. Красилова

(Барнаульский юридический институт МВД России)

Об отдельных аспектах правозащитной деятельности Федерального Собрания Российской Федерации

В настоящее время правозащитная функция государства осуществляется большим количеством субъектов, каждый из которых играет свою роль в указанной сфере. Одним из главных государственных органов, участвующих в правовой защите человека и гражданина, является Федеральное Собрание РФ.

К одной из форм деятельности Федерального Собрания РФ в правозащитном механизме относится направление парламентских запросов. Они в большей степени затрагивают проблемы соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина. Как справедливо отметил А. А. Матросов, обязательность ответов должностных лиц на парламентские запросы усиливает правозащитный потенциал соответствующих постановлений¹. Действительно, такая форма взаимодействия с другими органами государственной власти способствует всестороннему обеспечению прав и свобод. Например, одни из последних парламентских запросов были направлены Генеральному прокурору РФ, Председателю Следственного комитета РФ, Министру внутренних дел РФ, Председателю Центрального банка РФ в целях защиты прав граждан — участников долевого строительства в части осуществления текущих мероприятий контроля и надзора в рамках надзорной и правоохранительной деятельности в обеспечение защиты интересов государства и общества при использовании средств граждан по договорам страхования гражданской ответственности застройщиков².

---

¹ Матросов А. А. Обеспечение конституционных прав и свобод личности в деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 29 с.

² О парламентских запросах Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Генеральному прокурору Российской Федерации Ю. Я. Чайке, Председателю Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкину, Министру внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцеву, Председателю Центрального банка Российской Федерации Э. С. Набиуллиной «О проверке полноты соблюдения требований законодательства Российской Федерации в части обязанности страховщиков передать страховую премию по досрочно прекращенным договорам страхования гражданской ответственности застройщиков и о предоставлении информации о реализации государственной политики в сфере страховой деятельности и саморегулирования в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, ка-

Однако, исходя из анализа статистики направления парламентских запросов, значимость этой формы деятельности подвергается сомнениям. Так, в период с 2015 по 2020 гг. всего было направлено 13 парламентских запросов, а в период с 2011 по 2014 гг. — ни одного³. Такая активность может проявляться в низкой востребованности реализации представленной формы правозащитной деятельности. Вместе с тем парламентские запросы действительно имеют высокий правозащитный потенциал.

Существует другая форма запросов — депутатский, инициатором которого является член Совета Федерации РФ или депутат Государственной Думы РФ. Запрос направляется ими самостоятельно и не требует оглашения на заседании соответствующей палаты Федерального Собрания Российской Федерации. На официальном сайте Государственной Думы РФ данные статистики направленных депутатских запросов не публикуются. Исходя из того, что такая форма правозащитной деятельности неподотчетна, нельзя в полной мере сказать, что она является действенной.

Л. А. Нудненко отметила, что депутатский запрос является «потенциально коррупциогенным (что признали сами парламентарии), скрыт от граждан, что делает эту сферу еще более непрозрачной, а значит, повышается риск злоупотреблений»⁴. Мы согласны с автором и считаем, что необходима срочная модернизация направления запросов палатами Федерального Собрания РФ. В частности, необходимо:

— сделать открытой деятельность по направлению и содержанию конкретных запросов, представлять информацию на официальном портале и в виде специальных ежегодных сборников;

— размещать на официальном портале подробные ежегодные отчеты о результатах проведенной деятельности по разрешению проблем, заявленных в текстах запросов;

— установить обязательность оглашения депутатских запросов на заседании соответствующей палаты Федерального Собрания Российской Федерации.

питального ремонта, сноса объектов капитального строительства и предложений по ее совершенствованию» : постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 16 октября 2019 г. № 6921-7 ГД. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ *Парламентские* запросы. URL: www.gosduma.net/representative/interpellations (дата обращения: 11.03.2021).

⁴ Нудненко Л. А. Практика реализации парламентских и депутатских запросов в Федеральном Собрании Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 2(86). С. 89–95.

В связи с этим требуется срочное принятие мер по устранению недостатков, так как без законотворческого процесса защита прав человека не может быть реализована. Необходимо искоренить формализм в работе Федерального Собрания РФ, повысить уровень законотворческой техники, улучшить качество законопроектов, вносимых в Государственную Думу РФ.

Е. Н. Кротова

(Нижегородская академия МВД России)

Проблемы определения состава неправомерного деяния

При исследовании неправомерных деяний как юридического факта особое внимание необходимо уделить проблеме определения состава неправомерного деяния. Значимость анализа данного аспекта обусловлена несколькими моментами:

— во-первых, одним из оснований классификации неправомерных деяний является их подразделение в зависимости от структуры состава неправомерного деяния: на содержащие все элементы состава и содержащие не все элементы состава неправомерного деяния, что, безусловно, требует более конкретизированного освещения в целях устранения неясностей и неточностей, касающихся приведенного основания классификации;

— во-вторых, до сих пор в юридической науке состав неправомерного деяния не был изучен как самостоятельная правовая категория, что, в свою очередь, препятствует раскрытию сущности неправомерных деяний, поскольку они включают в себя совокупность элементов, которые как раз образуют состав неправомерного деяния, а значит — без наличия этих элементов сам факт его совершения ставится под сомнение;

— в-третьих, чтобы осуществить установление, квалификацию и, как результат, эффективное доказывание факта совершения неправомерного деяния, следует проанализировать все элементы состава неправомерного деяния, что будет представлять определенные сложности без его первоначального теоретического осмысления и определения каждого из элементов состава неправомерного деяния.

В научных разработках ученых-теоретиков можно выделить множество подходов к понятию «состав неправомерного деяния». Так, С. А. Зинченко считает, что состав неправомерного деяния выступает в качестве

«проводника правовой энергии»¹. Н. Г. Александров, в свою очередь, представляет состав неправомерного деяния как «совокупность признаков, при наличии которых соответствующий жизненный факт (комплекс фактов) с точки зрения социалистического государства, выражающего интересы трудящихся, должен влечь те или иные юридические последствия для лиц, которых данный факт касается»². Интересной точки зрения придерживался В. Н. Синюков, который сужал понятие «состава юридического факта» до двух элементов — субъективной и объективной стороны, и только в отдельных отраслях права признавал значение оставшихся двух элементов — субъекта и объекта.

По нашему мнению, наиболее логичным видится подход к понятию «состав юридического факта», в соответствии с которым последний представляет собой не что иное как фактический (юридический) состав. Именно в рамках этого подхода к составу юридического факта его элементы признаются не в качестве свойств, признаков или качеств юридического факта, а как самостоятельные юридически значимые факты, образующие в совокупности фактический (юридический) состав самостоятельного юридического факта, который способен породить то или иное юридическое последствие. Об этом писал в своей статье профессор В. А. Толстик³. Основная идея данного подхода заключается в соотношении между собой понятий «признак» и «элемент», которые нередко используются в качестве синонимов при описании состава юридического факта, что представляется противоречивым моментом в теории права, поскольку смысл, вложенный в понятия «элемент» и «признак», не тождественны друг другу и описывают разные по своей сущности характеристики явления.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что в теории права наблюдаются неопределенности относительно понятия «состав неправомерного деяния», что требует более углубленного его изучения, которое позволит прийти к консенсусу, в результате сформулировать общепотребительное понятие «состав неправомерного деяния».

---

¹ Зинченко С. А. Юридические факты в механизме правового регулирования. М., 2007. 152 с.

² Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955. 176 с.

³ Толстик В. А. Состав юридического факта как разновидность юридической конструкции // Юридическая техника. 2013. № 7. С. 770–776.

А. А. Мамонтова

(Омская академия МВД России)

Принцип справедливости в трактовке представителей теории «возрожденного» естественного права России

Предписывая праву роль юридически оформленного воплощения справедливости, представители отечественной естественно-правовой мысли второй половины XIX–начала XX вв. прочно закрепили данную идею в качестве идеологического фундамента социально-политических преобразований в России.

Справедливость или, как ее именует Б. Н. Чичерин, правда «состоит в признании за всеми равного человеческого достоинства и свободы, в каких бы условиях человек не находился и какое бы положение он не занимал»¹. Закрепление общеобязательных норм, предусматривающих равные гражданские права и одинаковые способы их приобретения, является одним из основных положений в понимании принципа справедливости.

Реализация изложенной идеи формального равенства, по мнению мыслителей, осложняется фактическим неравенством граждан, которое возникает в процессе свободного использования личностью предоставленных прав. При этом авторы единогласно отрицают идею «всеуравнивающей» силы закона, предпочитая разработку мер социального «выравнивания» государственному вмешательству в правореализационную деятельность граждан.

Осмысление отечественными юристами идеи социальной защищенности в контексте принципа справедливости способствовало развитию социальной функции государства, прошедшей путь от представлений о содействии частной благотворительности до осознания необходимости законодательного закрепления мер государственной поддержки социально уязвимых групп населения. «Высказать в самом законе принцип поддержки всех слабых и беззащитных — это значит возвысить в них чувство собственного достоинства, укрепить сознание, что за них стоит сам закон»², — подчеркивает П. И. Новгородцев.

Поскольку формирование принципов права представителями «возрожденной» естественно-правовой теории происходит в контексте разработки фундаментальных начал построения в России подлинно правового государства, идея справедливости становится основой реализации

---

¹ Чичерин Б. Н. *Философия права*. М., 1900. С. 99.

² Новгородцев П. И. *О праве на существование*. М., 1911. С. 6.

и защиты провозглашенной свободы личности. В рамках данного аспекта принцип справедливости раскрывается как руководящее начало права, призванное «беспристрастно, невзирая на личные интересы, разрешать столкновения, возникающие из взаимодействия человеческой свободы»³.

Признавая неизбежность так называемого столкновения волей, мыслители приходят к выводу о необходимости закрепления в законе «общих норм, определяющих ... что каждый может делать, не посягая на чужую свободу»⁴. Законодательная регламентация границ дозволенного поведения рассматривается авторами как механизм эффективной, но не абсолютной защиты свободы личности, прекращающий свое действие в случае нарушения гражданами соответствующих предписаний права.

Действия граждан в данной ситуации нарушают воплощенную в законе идею справедливости, восстановление которой мыслители усматривают в ограничении свободы личности, допустившей противоправное посягательство. С этой стороны интерпретируемый принцип права выражается в «воздаянии, то есть нравственном восстановлении нарушенного закона отрицанием виновной воли»⁵. Превентивное воспитание граждан, равно как и исправление правонарушителя, в воззрениях сторонников «возрожденного» естественного права имеют второстепенное значение по отношению к идее восстановления нарушенной справедливости.

Представляя суд олицетворением закона, авторы приходят к выводу о неукоснительном соблюдении принципа справедливости при отправлении правосудия. Особое значение приобретает идея неприкосновенности личности, согласно которой ограничение прав и свобод возможно только в результате справедливого и всестороннего рассмотрения юридического дела и допускается исключительно в том объеме, который соизмерим с совершенным правонарушением⁶.

Воплощением принципа справедливости в рамках политико-правовой сферы жизни общества представители отечественной школы «возрожденного» естественного права считают концепт народного суверенитета, который исключает господство единственной воли при решении государственно значимых вопросов. Кроме того, авторы отмечают,

---

³ Новгородцев П. И. Философия права. М., 1900. С. 99.

⁴ Там же. С. 90.

⁵ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1894. Ч. I. Кн. I. С. 333.

⁶ Там же. С. 333–334.

что принимаемое государственное решение будет признаваться справедливым при соблюдении границ легитимности и прав меньшинства, поскольку «в безграничном господстве большинства заключается такая же несправедливость по отношению к личности, вынужденной ему подчиняться, как и в безграничном господстве меньшинства над большинством»⁷.

Итак, принцип справедливости, по мнению сторонников «возрожденного» естественного права России, заключается в признании за каждым равного достоинства, прав и свобод, гарантирующих социальную защищенность и обеспечивающих беспрепятственный доступ к независимому, беспристрастному, основанному на законе правосудию. Многоаспектный подход, используемый мыслителями в рассматриваемой интерпретации, стал мощной интеллектуальной основой для дальнейшего развития историко-правовой науки.

В. Е. Мушаков

(Омская академия МВД России)

«Право на забвение»: к вопросу о правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации

С 1 августа 2016 г. в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — Федеральный закон № 149) вступила в силу ст. 10.3, закрепляющая так называемое право на забвение, представляющее собой законодательно предусмотренную возможность гражданина потребовать удаления касающейся его информации из общего доступа через поисковые системы сети Интернет, при условии, что такая информация является недостоверной, неактуальной либо утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или его действий. Учитывая, что подавляющее большинство интернет-пользователей получают информацию посредством ввода запроса в поисковую строку браузера, право на удаление незаконного указателя страницы сайта выступает элементом обеспечения защиты личных прав гражданина в виртуальном пространстве.

В правоприменительной практике ст. 10.3 Федерального закона № 149 возникли сложности в правовой определенности термина «право на забвение» и нахождении баланса между частными и общественными интересами в вопросе обеспечения доступа к информации. В Конститу-

---

⁷ Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания. М., 1909. Вып. 2. С. 209.

ционный Суд РФ поступил ряд жалоб, где в центре внимания находилось указанное право. Рассмотрим в хронологическом порядке решения Конституционного Суда РФ по данному вопросу.

Определением от 26 ноября 2018 г. № 3087-О Конституционный Суд РФ, во-первых, признал «право на забвение» производным от права на частную жизнь, гарантированного ст. 23 и ч. 1 ст. 24 Конституции РФ, тем самым определил его конституционно-правовую природу. Во-вторых, разъяснил, что реализация положений ст. 10.3 Федерального закона № 149 априори связана с решением судом общей юрисдикции вопроса о нахождении баланса между конституционно защищаемыми ценностями: доступом граждан к информации, с одной стороны, и защитой прав граждан при распространении информации о них, с другой. В-третьих, не исключается конституционность отказа в реализации права на забвение, так как в ряде случаев в приоритете находится общественный доступ к информации в целях защиты конституционно охраняемых ценностей, имеющих в конкретной ситуации преобладающее значение.

Определением от 12 февраля 2019 г. № 274-О¹ Конституционный Суд РФ, отмечая повышенную опасность сетевых СМИ для неприкосновенности частной жизни лица (в сравнении с печатными СМИ), высказался о праве на забвение как о самостоятельном внесудебном способе защиты прав. По этому делу Конституционным Судом РФ в рассмотрении жалобы заявителю А. В. Безрукову было отказано, так как в силу творческой деятельности его личность является публичной, поэтому размещенная информация о его частной жизни представляла публичный интерес. Аналогичная позиция содержится и в двух других определениях Конституционного Суда РФ².

---

¹ *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалоб Безрукова Сергея Витальевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 12 февраля 2019 г. № 274-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалоб Безруковой Анны Олеговны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 152.1 и пунктом 1 статьи 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 12 февраля 2019 г. № 275-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалоб гражданки Леоновой Ирины Юрьевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 152.1 и пунктом 1 статьи 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2019 г. № 698-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Определением от 26 марта 2019 г. № 849-О³ Конституционный Суд РФ разъяснил, что в случае безусловной публичной значимости распространяемой информации право частного лица на забвение такой информации может быть ограничено. Кроме того, по мнению Конституционного Суда РФ, такие понятия из ст. 10.3 Федерального закона № 149, как «неактуальная информация» и «информация, утратившая для заявителя значение в силу последующих событий или его действий», оценочные и наполняются содержанием в каждом конкретном деле.

Таким образом, Конституционный Суд РФ определяет конституционно-правовой смысл права на забвение, предусмотренного ст. 10.3 Федерального закона № 149. Реализация права на забвение выступает самостоятельным способом досудебной защиты права на неприкосновенность частной жизни в сети Интернет. Администрации поисковой системы и судам общей юрисдикции в каждом конкретном случае при решении вопроса о реализации положений ст. 10.3 Федерального закона № 149 следует исходить из необходимости соблюдения баланса частных и публичных интересов.

А. Е. Никитина

(Омская академия МВД России)

Последствия Октябрьской революции 1917 года: смена государственной политики в отношении права на свободу совести

Общепринято, что до 1917 г. Российская империя признавала православие в качестве государственной религии. Церковь и монастыри обладали значительной экономической мощью, развитым и эффективным хозяйством, были очагами культуры. Вместе с тем назревал вопрос о наличии правовых гарантий права на свободу совести. Временное правительство, пришедшее к власти после отречения от престола Ни-

---

³ *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы Региональной общественной организации содействия просвещению граждан «Информационно-аналитический центр „Сова“» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 10.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», пунктом 2 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“ и статей 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2019 г. № 849-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

колая II, ставило перед собой одну из задач — закрепление религиозной свободы. Кроме того, встал вопрос о снижении роли церкви в государственных делах. Подтверждением этому является принятие Временным правительством 4 апреля 1917 г. постановления «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений»¹, которое по своей сути явилось первым документом, ликвидирующим какие-либо ограничения на основе религии. Например, запрещались ограничения, основанные на религиозных убеждениях в отношении выдворения, жительства, передвижения и т. п.²

14 июля 1917 г. Временное правительство приняло постановление «О свободе совести», в котором впервые юридически было установлено право граждан на свободу вероисповедания, отсутствовали какие-либо наказания за исповедование негосударственных конфессий³. Названный документ во многом predetermined дальнейшую политику государства. Во-первых, государство отказывалось финансировать деятельность церкви, ликвидировало ее привилегированное положение. Во-вторых, образование и религия отделялись друг от друга: преподавание вероучения в образовательных учреждениях не допускалось. Юридически закреплялось право на обучение религии в частном порядке. Однако юридическое закрепление основ свободы совести не получило государственной поддержки в их реализации.

Таким образом, можно констатировать, что государством было провозглашено право на свободу совести и свободу вероисповедания. Вместе с тем положения, которые были закреплены в нормативных правовых актах, до конца не были реализованы в действительности, что легло в основу недовольства населения. Кроме того, церковь отрицательно отнеслась к такой политике. Поэтому к осени 1917 г. Временное правительство не обладало авторитетом в урегулировании конфессиональных отношений. К октябрю 1917 г. политика Временного правительства в сфере свободы совести не находила поддержки ни у Русской Православной Церкви, ни у религиозных объединений, ни у левых политических партий, которые все настойчивее выступали за полное отделение

---

¹ *Постановление* Временного правительства 1917 года. URL: https://ria.ru/revolution_spravka/20170402/1491098374.html (дата обращения: 27.10.2020).

² *Постановление* Временного правительства об отмене вероисповедных и национальных ограничений. URL: https://ria.ru/revolution_spravka/20170402/1491098374.html (дата обращения: 27.10.2020).

³ *Постановление* Временного правительства «О свободе совести» от 14 июля 1917 года. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5412> (дата обращения: 13.05.2020).

церкви от государства⁴. Говорить о том, что каждому было гарантировано право на свободу совести, на данном этапе не представляется возможным. В результате Октябрьской революции 1917 г. Россия столкнулась с экономическими трудностями, неудовлетворенностью в решении в том числе и религиозных вопросов, что способствовало свержению Временного правительства и утверждению новой власти большевиков, которую возглавил В. И. Ленин. Провозглашая религиозную и атеистическую свободу, 21 января 1918 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР принял Декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах»⁵. Однако практически сразу, 23 января 1918 г., Совет Народных Комиссаров РСФСР принял новый Декрет — «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», в его разработке принимал участие В. И. Ленин, который и положил начало закреплению права на свободу совести. По сути содержание двух названных документов осталось тем же, изменилось лишь название.

В дальнейшем положения Декрета нашли отражение в текстах российских конституций. Право на свободу совести было закреплено в Конституции РСФСР 1918 г., Конституции СССР 1924 г., Конституции СССР 1936 г., Конституции СССР 1978 г. Ленинский Декрет представляет собой акт, в содержание которого легли 13 принципов построения отношений государства с церковью. Все положения Декрета призваны обеспечить право на свободу совести. Значение Декрета Совета Народных Комиссаров РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» подтверждается его длительным существованием. Декрет был принят 20 января 1918 г., а утратил юридическую силу только в 1990 г. в связи с введением в действие Закона РСФСР от 25 октября 1990 г. № 267-1 «О свободе вероисповеданий». Кроме того, положения этого документа не были декларативными. Провозгласив религиозную свободу, советская власть гарантировала ее исполнение. В результате революции страна не только восприняла принципы светскости государства, но и закрепила юридические гарантии свободы совести, что привело к реализации людьми права на свободу совести, а следовательно, свободу вероисповедания.

---

⁴ *Одинцов М.* Церковь и революция. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2009-04-01/7_revolution.html (дата обращения: 27.10.2020).

⁵ Там же. С. 45–46.

РАЗДЕЛ II.
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ;
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Б. Анетулы

(Омская академия МВД России)

**Уголовно-правовая характеристика превышения
должностных полномочий или превышения власти
в Республике Казахстан**

В современном мире правовая система построена в неблагоприятных политических и экономических условиях. Ситуация в Республике Казахстан приводит к тому, что должностные лица государственных служб различного уровня, главная цель которых должна быть направлена на служение народу, своими действиями нарушают все этические и законодательные нормы.

В целях решения имеющихся проблем и дачи правовой оценки необходимо понимать термин «должностное лицо». Должностное лицо — это лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющее функции представителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах местного самоуправления.

Превышение власти или должностных полномочий понимается как совершение лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций либо приравненным к нему лицом, действий, явно выходящих за рамки его прав и полномочий и повлекших причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства (ст. 362 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее — УК РК)).

Превышение власти или должностных полномочий само по себе является одним из видов злоупотребления должностными полномочиями. Существенное отличие данного вида преступления от состава должностного злоупотребления, предусмотренного ст. 361 УК РК, со-

стоит в том, что при должностном злоупотреблении незаконное действие совершается в пределах обычного круга деятельности должностного лица, а при превышении действие фактически выходит за пределы прав и полномочий.

Права и полномочия, за пределы которых явно выходит должностное лицо, совершая свои преступные деяния, определяются, естественно, законами и подзаконными актами, а также постановлениями, приказами, уставами и иными нормативно-правовыми актами.

Следует отметить, что при злоупотреблении служебным положением, где установлена цель извлечения выгод и преимуществ при квалификации, при превышении должностных полномочий мотив преступления значения не имеет.

Совершение действий, связанных с осуществлением служебных обязанностей, является обязательным признаком при превышении власти или должностных полномочий. Для наличия состава превышения власти или должностных полномочий необходимо наступление неблагоприятных последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций и причинная связь между действиями лица и последствиями¹. На практике данное понятие проявляется лишь в виде причинения физического или психического насилия.

Под существенным вредом понимается нарушение конституционных прав и свобод человека, возникновение трудной жизненной ситуации и т. д. (п. 14 ст. 3 УК РК).

С субъективной стороны превышение власти или должностных полномочий может быть совершено лишь умышленно. Виновный осознает, что его действия явно выходят за рамки его служебных полномочий, предвидит, что этим он наносит значительный ущерб законным интересам и правам, указанным в законе, и желает превысить свои полномочия и нанести ущерб охраняемым законом объектам либо сознательно допускает их нарушение, либо равнодушно относится к этому. Мотив преступления не имеет значения для квалификации.

Субъектом деяния может быть только представитель власти, т. е. лицо, находящееся на государственной службе, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости, в том числе сотрудник правоохранительного или специального государственного орга-

---

¹ Агыбаев А. Двойная ответственность. URL: <https://www.zakon.kz/4811992-dvoijnaja-otvetstvennost-a.-agybaev.html> (дата обращения: 13.02.2021).

на, органа военной полиции, военнослужащий, участвующий в обеспечении общественного порядка.

В целях получения выгоды при превышении властных полномочий могут возникнуть тяжкие последствия².

На наш взгляд, в п. 16 ст. 3 УК РК следовало бы внести изменения в перечень лиц, занимающих ответственную государственную должность, наделенных правами по исполнению государственных полномочий муниципальных органов Конституцией РК и иными законами РК, и включить в него также депутатов Парламента, судей, приравненных к лицам, занимающим политическую государственную должность либо административную государственную должность.

В. П. Бойко

(Омская академия МВД России)

Информационно-телекоммуникационные технологии в незаконном обороте наркотиков

В настоящее время одной из приоритетных задач в Российской Федерации выступает борьба с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (далее — незаконный оборот наркотиков). Именно данная сфера преступного поведения влияет на физическое и моральное здоровье населения страны, экономическую ситуацию, правопорядок, социальную стабильность, а также будущее развитие молодого поколения. Указом Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733 была утверждена Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, одной из важнейших целей которой является сокращение незаконного оборота и доступности наркотиков для их незаконного потребления¹.

Преступления в сфере незаконного оборота наркотиков уже давно перешли в информационную среду, особенно в Интернет. Сбыт наркотиков осуществляется бесконтактным способом, исключая возможность личного знакомства сбытчика и потребителя.

---

² *Нормативное* постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 28 декабря 2009 г. № 7. URL: https://spinform.ru/shows_doc.fwx?rgn-30234 (дата обращения: 21.02.2021).

¹ *Об утверждении* Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Необходимо констатировать, что в этой сфере наблюдается увеличение профессиональной преступности. Для выявления преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, следует установить механизм совершения сделки, отследить перемещение денежных средств, используемые технические устройства связи со сбытчиком, соучастников совершения преступления.

Стоит отметить, что бурное и быстрое развитие информационно-телекоммуникационных технологий дает все новые и новые возможности по сокрытию своего преступного поведения в сфере незаконного оборота наркотиков, а также выстроить сложную организованную структуру наркобизнеса. Приложения для обмена мгновенными сообщениями в сети Интернет с различными возможностями и степенью шифрования передаваемых данных (Telegram, VIPole, Signal и т. п.), создание и организация автоматизированных веб-сайтов, которые регулярно пополняются сведениями о местонахождении тайников-закладок с наркотическими веществами, максимально осложнили деятельность по противодействию органов исполнительной власти преступности в сфере незаконного оборота наркотиков.

Наблюдается высокая технологичность наркопреступности, оперативно внедряются в преступную деятельность достижения науки. Примером тому служит использование технологий VPN (Virtual Private Network «виртуальная частная сеть») — программ, которые изменяют IP-адрес пользователя, что исключает возможность при взаимодействии с интернет-провайдером установить местоположение лица, осуществившего отправку сообщения с местоположения тайника-закладки с наркотическим средством.

3 марта 2021 г. на расширенном заседании Коллегии МВД России В. А. Колокольцев выразил обеспокоенность ростом количества несовершеннолетних, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения. При этом общее количество преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, сократилось почти на 12%, кроме этого, уменьшилось число подростков, находившихся при совершении преступления в состоянии алкогольного опьянения на 10%².

Основываясь на статистических показателях, можно сделать вывод, что привлечение в сферу незаконного оборота наркотиков несовершеннолетних лиц осуществляется чаще всего через сеть Интернет.

---

² URL: <https://мвд.рф/document/3172398> (дата обращения: 31.03.2021).

Лица, заинтересованные в развитии наркобизнеса, активно используют популярные среди молодежи социальные сети. Регулярно там распространяются сообщения от незнакомых лиц, предлагающих высокооплачиваемую работу с минимальной загруженностью. Причем в таких предложениях нет прямого указания на то, что эта работа будет связана с распространением наркотиков. Учитывая юношескую любознательность и желание заработать, подростков привлекают в данный вид преступной деятельности, не раскрывая возможных правовых последствий.

В настоящее время предпринимается большой комплекс мер по противодействию правонарушениям в сфере незаконного оборота наркотиков. Их цели направлены на установление и ликвидацию схем построения наркобизнеса, каналов поставок наркотиков, на выявление местонахождения лабораторий по производству наркотиков, на блокирование счетов, на которые поступают денежные средства от наркобизнеса, а также обнаружение и закрытие автоматизированных веб-сайтов, посредством которых производится сбыт наркотических средств.

На наш взгляд, комплекс принимаемых мер профилактики правонарушений в сфере незаконного оборота наркотиков в настоящее время недостаточен. Необходимо наделить правоохранительные органы правами по внесудебному получению информации о владельцах банковских счетов и движении средств, по оперативному блокированию интернет-ресурсов, пропагандирующих и осуществляющих сбыт наркотиков.

О. А. Дизер

(Омская академия МВД России)

Оправдывает ли провокатора потенциальная угроза преступления?

В настоящее время мнения относительно провокации преступления разделились: одни выступают за то, что от уголовной ответственности должно освободиться спровоцированное лицо, другие, напротив, что провокатор. При этом и те и другие едины во мнении, что провокация есть обстоятельство, исключающее преступность деяния. Вместе с тем нередкими являются случаи, когда Президиум Верховного Суда РФ в соответствии с ч. 5 ст. 415 Уголовно-процессуального кодекса РФ отменяет или изменяет судебные решения по уголовным делам в от-

ношении спровоцированных лиц на основании постановления Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ), указавшего на нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции¹. Однако при рассмотрении провокации преступления нельзя исключать и точку зрения тех, кто полагает, что провокатор в лице сотрудника правоохранительных органов также должен освобождаться от уголовной ответственности. Так, С. Ф. Милюков и А. В. Никуленко провокационную активность в отношении уже сформировавшегося коррупционера описывают как частный случай крайней необходимости, при этом указывая, что нарушение закона при проведении оперативного эксперимента формальное и является ничем иным как выполнение служебного долга². Кроме прочего, А. В. Никуленко предлагает включить в главу 8 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) статью о правомерной провокации, которая освобождает от уголовной ответственности сотрудника правоохранительных органов, прибегнувшего к провокации, при этом указывая, что «провокация посягательства не порождает состояния необходимой обороны, за исключением случаев, когда она выразилась в правомерных действиях, таких как: для изобличения виновного в совершении преступления и пресечения возможности совершения им новых общественно опасных деяний, если иными средствами изобличить такое лицо (лиц) в данной ситуации не представлялось возможным и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер, т. е. умышленных действий, явно не соответствующих характеру и степени общественной опасности совершенного им деяния и личности виновного»³.

Необходимо отметить, что в главе 8 УК РФ содержится исчерпывающий перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния, в соответствии с которыми лицо, хоть и совершившее деяние, формально содержащее признаки объективной стороны преступления, будет освобождено от уголовной ответственности. В теории уголовного права сформировался подход относительно обстоятельств, исключающих преступность деяния, учитывающий следующие признаки: 1) отсутствует

---

¹ *Руководство по статье 6 Конвенции. Право на справедливое судебное разбирательство (уголовно-правовой аспект). Council of Europe, European Court of Human Rights, 2014.*

² *Милюков С. Ф., Никуленко А. В. Провокация в борьбе с коррупцией: диалектическое противоречие и пути выхода из него // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10. № 4. С. 47.*

³ *Никуленко А. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2019. С. 16.*

общественная опасность деяния либо вина лица в его совершении⁴; 2) причиняемый вред общественно полезен или нейтрален⁵; 3) причиняемый вред допустим только при наличии законных оснований⁶.

Чаще всего сторонники провокации апеллируют к тому, что она направлена на достижение общественно полезной цели, а именно на выявление, раскрытие или предупреждение готовящихся преступлений. В последнее время особый интерес вызывает полицейская провокация, встречающаяся при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Сторонники допустимой полицейской провокации обосновывают ее применение исключительным характером посягательства и тем, что иными методами купировать общественную опасность не представлялось возможным. Правоприменительная практика, напротив, показывает, что полицейская провокация проявляла себя при раскрытии тех преступлений, которые охарактеризовать как динамично развивающиеся нельзя. Необходимо отметить, что пресечение одного преступного посягательства посредством другого недопустимо.

Данный подход нашел свое отражение в законодательстве Республики Казахстан (далее — РК). Так, Законом РК от 6 октября 2020 г. № 365-VI в Уголовный кодекс внесена статья 412-1 «Провокация преступления». В соответствии с названной статьей к провокации преступления отнесены незаконные действия должностного лица, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность или досудебное расследование, склонившие лицо к совершению преступления в целях последующего изобличения и привлечения к уголовной ответственности или шантажа. За это преступное посягательство предусмотрена максимальная санкция — лишение свободы сроком на 12 лет без права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 10 лет⁷.

Следует подчеркнуть, что предложенные ЕСПЧ критерии, ограничивающие провокацию от санкционированного оперативно-розыскного мероприятия, не всегда учитываются при вынесении приговора. Обусловлено это прежде всего тем, что отсутствует четкое понимание границ между провокацией преступления и проводимым

---

⁴ Келина С. Г. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния: понятие и виды // Уголовное право. 1999. № 3. С. 5–7.

⁵ Слуцкий И. И. Обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность. Л., 1956. С. 11–12.

⁶ Блинников В. А. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния, в уголовном праве России. Ставрополь, 2001. С. 25–31.

⁷ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V. URL: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575252 (дата обращения: 15.01.2021).

оперативно-розыскным мероприятием. На практике же такое игнорирование названных критериев приводит подчас не к предотвращению, а к совершению новых противоправных деяний. Резюмируя вышесказанное, отметим, что провокация преступления не должна рассматриваться как обстоятельство, исключающее преступность деяния провокатора, однако в условиях исключительной ситуации, требующей незамедлительных действий, лицо, спровоцировавшее преступление, при наличии достоверной информации о намерении провоцируемого совершить посягательство на жизнь одного и более человек, должно освобождаться от уголовной ответственности⁸.

А. А. Дорожинский

(Барнаульский юридический институт МВД России)

Перспективы применения в российском законодательстве службы пробации как института предупреждения повторной преступности на примере опыта зарубежных стран

В уголовно-исполнительных системах разных зарубежных стран служба пробации является важным и практически необходимым институтом как сферы уголовного правосудия, так и предупреждения преступлений.

Слово «пробация» в переводе с латинского языка означает «испытание», однако правовое применение «пробации» намного шире и включает в себя надзор за лицами, которым назначено наказание, не связанное с реальным лишением свободы, а также оказание данной категории лиц различной социальной помощи. В настоящее время среди отечественных правоведов активно обсуждается вопрос о необходимости разработки законодательства в сфере пробации и реализации данного института на практике¹. Перед законодателем остро стоит вопрос, связанный с тем, в каком виде будет реализована служба пробации. Либо она будет существовать в виде самостоятельной службы, либо станет частью действующей

---

⁸ Дизер О. А. Уголовно-правовое исследование провокации преступления // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 4. С. 224.

¹ Нестеров А. Ю. Перспективы развития института службы пробации в Российской Федерации // Власть. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-instituta-sluzhby-probatsii-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 20.03.2021).

щей уголовно-исполнительной системы РФ. Также не совсем ясно, в какое ведомство будет входить созданная служба пробации (в МВД России, в Минюст России). Однако ответить однозначно на эти вопросы без анализа зарубежной практики применения указанной службы будет крайне сложно. Европейским государством, успешно использующим в своем законодательстве службу пробации, является Великобритания. Здесь эта служба входит в Министерство юстиции. На территории Соединенного Королевства существует 45 служб пробации, в которых работают по разным направлениям 15 тыс. квалифицированных сотрудников, обладающих высшим юридическим и психологическим образованием². Полагаем, что служба пробации Великобритании выполняет две очень важные с точки зрения криминологии функции.

Первая, и основная функция — это исполнение наказания, не связанного с лишением свободы, которое было назначено лицу судом за совершение им какого-либо преступления. Также служба устанавливает жесткий надзор за лицами, совершившими преступления. Причем существует интересная особенность, заключающаяся в том, что сотрудники службы пробации имеют право установить персональный надзор за лицом еще до того, как суд вынесет законное решение по его наказанию. Применить данный надзор можно только в том случае, если сотрудники службы глубоко изучили социально-криминологические особенности личности, нарушившей закон, тем самым предупреждая совершение ею повторного преступления.

Вторая функция заключается в проведении профилактических бесед с потерпевшей стороной. Выясняя психическое и эмоциональное состояние граждан, в случае необходимости оказывают им квалифицированную помощь. Кроме этого, сотрудники пробации выясняют, не оказывает ли осужденное лицо, которое состоит у них на учете, какое-либо давление на потерпевшую сторону.

Стоит отметить, что помимо Великобритании службы пробации длительное время функционируют в ряде других европейских государств, таких как Дания, Финляндия, Латвия, некоторые страны Америки, Азии и Африки. На наш взгляд, в существующих уголовно-правовых реалиях в нашей стране возникла потребность в формировании службы пробации. В ней следовало бы соединить контрольно-надзорные функции и полномочия по социальной адаптации и реабилитации осужденных, которым назначено наказание, не связанное с изоляцией от общества.

---

² Аккулев А. Ш. Отдельные вопросы пробации // Вестник Евразийского гуманитарного института. 2010. № 4. С. 41–47.

Минюст России в настоящее время занимается разработкой проекта о службе пробации. Ряд ученых считают, что создание службы пробации может иметь сугубо формальный характер и может заключаться в простом переименовании уже существующей уголовно-исполнительной инспекции³.

Необходимо проявить совершенно новый концептуальный подход в организации службы пробации. По нашему мнению, при формировании законопроекта о службе пробации следует задействовать представителей науки, в том числе видных отечественных ученых-криминологов, общественности, работников судов и иных правоохранительных органов. Правильным было бы для начала апробировать деятельность новой службы на территории нескольких конкретных субъектов, далее проанализировать эффективность, и только затем создавать подобные службы на территории всей страны.

Е. С. Квасников

(Омская академия МВД России)

Факторы, обуславливающие уголовную ответственность за нарушение требований охраны труда (ст. 143 УК РФ)

Проблеме социальной обусловленности уголовной ответственности неоднократно уделялось внимание учеными-криминалистами. В теории уголовного права выделяются следующие основания социальной обусловленности уголовной ответственности: причиненный деянием существенный вред общественному отношению; антиобщественную ориентацию лица; распространенность деяний; неэффективность иных мер не уголовно-правового характера; восприятие обществом деяния как преступления; введение уголовной ответственности¹.

Обусловленность уголовной ответственности за нарушение требований охраны труда характеризуется как общими факторами, так и специ-

---

³ Уткин В. А. Европейские правила о пробации и проблемы их реализации // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 1(3). С. 47.

¹ См., напр.: Кригер Г. А., Кузнецова Н. Ф. Проблемы социальной обусловленности уголовного закона. М., 1977. С. 34 ; Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный характер. М., 2008. С. 357 ; Чемеринский К. В. Общественная опасность как категория уголовного права. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obshchestvennaya-opasnost-kak-kategoriya-ugolovnogo-prava/viewer> (дата обращения: 31.01.2021).

фическими. Проанализировав современный (постсоветский) период развития таких норм, изучив статистические данные относительно количества выявляемых нарушений требований охраны труда, числа возбужденных в связи с такими нарушениями уголовных дел по ст. 143 УК РФ, а также количества обвинительных приговоров, исследовав природу трудовых отношений между работником и работодателем, точки зрения ученых-правоведов, с учетом собственного видения ситуации, автор выделил следующие факторы, обуславливающие установление уголовной ответственности за нарушение требований охраны труда.

1. Значительное количество работодателей различных категорий (физические лица, юридические лица, публично-правовые образования) в связи с признанием Конституции РФ в равной степени частной и иных форм собственности. Необходимость уголовно-правового регулирования отношений в сфере охраны труда в современном виде была вызвана и перестройкой отношений собственности после распада СССР. Так, предприятия, народнохозяйственные комплексы в промышленности, энергетике, строительстве находились в общесоюзной собственности². Государственный характер собственности предприятий задавал вектор надзора за соблюдением требований охраны труда рабочих в большей мере государством-работодателем. С начала радикальных экономических реформ конца 1980-х — начала 1990-х гг., приведших к утверждению рыночной экономики, доля частных предприятий и различного рода юридических лиц-работодателей значительно возросла. Таким образом, возникла потребность более тщательного регулирования отношений в сфере охраны труда (о чем свидетельствует возросшее число субъектов, подразделений и служб, осуществляющих контроль за соблюдением требований охраны труда), и в том числе путем их уголовно-правовой охраны.

2. Зависимость в трудовых отношениях работника от работодателя. Работник фактически находится в зависимости от работодателя, так как подчинен его правопорядку в рамках трудовых отношений. Несоблюдение работодателем требований охраны труда, а также необеспечение им безопасных условий труда ставит под угрозу жизнь и здоровье работников.

3. Тяжесть последствий в результате нарушения требований охраны труда. Последствиями в результате совершения рассматриваемого деяния являются либо тяжкий вред здоровью, либо смерть человека, что, безусловно, во взаимосвязи с другими факторами является причиной криминализации нарушения требований охраны труда. В связи с харак-

---

² *О собственности в СССР* : закон СССР от 6 марта 1990 г. № 1305-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 11.

тером и степенью общественной опасности такого деяния привлечение виновного к иному виду юридической ответственности не соответствовало бы принципу справедливости.

4. Отдаленный характер наступающих последствий³ и латентный характер нарушений требований охраны труда, при которых квалификация рассматриваемого деяния и его доказуемость значительно усложняется. Например, непроведение работодателем специальной оценки условий труда сотрудников на соответствие нормам или неустранение опасных для жизни или здоровья работников нарушений влечет за собой указанные неблагоприятные последствия не одновременно, а по истечении неопределенного времени с момента нарушения работодателем таких требований.

5. Широкое распространение нарушений требований охраны труда, а также их прецедентный характер. В связи с постоянным прогрессом промышленного производства, увеличением количества техники и оборудования риск причинения вреда жизни и здоровью людей в ходе их трудовой деятельности не уменьшается, а напротив, прямо пропорционально увеличивается. При проведении систематических проверок выявляются тысячи нарушений условий труда, в том числе из-за которых произошли тяжкие для жизни или здоровья работников последствия⁴.

Таким образом, наряду с общими факторами, обуславливающими уголовную ответственность, криминализация нарушений требований охраны труда (ст. 143 УК РФ) характеризуется специфическими причинами, вытекающими из юридической природы соответствующих трудовых и уголовно-правовых отношений.

С. И. Кельм

(Омская академия МВД России)

Организационные факторы, детерминирующие преступность в сфере жилищно-коммунального хозяйства

Сфера жилищно-коммунального хозяйства (далее — ЖКХ) специфична, она включает в себя различные виды деятельности. Исходя из этого, организационные факторы, детерминирующие преступность, це-

---

³ Белецкий И. А. Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности при производстве работ или оказании услуг : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2017. С. 50.

⁴ URL: https://rostrud.gov.ru/control/soblyudenie-zakonodatelstva-o-trude/?CAT_ID=4185 (дата обращения: 05.03.2021).

лесообразно разделить на внутренние организационные, касающиеся деятельности и функционирования сферы ЖКХ, и внешние организационные, связанные с правоохранительной деятельностью по предупреждению преступлений в ЖКХ.

Внутренние организационные факторы, влияющие на возникновение преступности, связаны с состоянием самого ЖКХ, системой его функционирования, оснащенностью, кадровым персоналом, финансированием, платежами, их прозрачностью, эффективностью проводимых реформ и др. Недостаточно результативная организация контроля деятельности как государственных служащих, так и частных организаций, работающих в сфере ЖКХ, их коррупционная взаимосвязь, отсутствие прозрачности в их деятельности, а также непродуктивность ведомственного контроля создают благоприятную почву для совершения преступлений. Формирование таких условий носит субъективный и объективный характер. Последний выражается в недостатке механизма государственного управления и контроля за ЖКХ, а субъективный характер выражается в том, что весомой части государственных служащих и частным компаниям такое положение выгодно.

Внешние организационные факторы, влияющие на возникновение преступности в ЖКХ, включают в себя: отсутствие слаженного механизма взаимодействия между службами и структурами правоохранительных и контролирующих ЖКХ органов; недостаточный уровень подготовки сотрудников, осуществляющих борьбу с преступностью в ЖКХ; нехватку в правоохранительных органах экспертов-криминалистов по судебно-экономическим, бухгалтерским, строительным, комплексно-техническим экспертизам; недостаточное методическое, материально-техническое обеспечение раскрытия и расследования преступлений в рассматриваемой сфере. Из-за того, что преступления в сфере ЖКХ имеют сложный характер, сотрудники правоохранительных органов, расследуя такие дела, должны обладать не только знаниями оперативно-розыскного, уголовного и уголовно-процессуального законодательства, но и основами гражданского, финансового, налогового, предпринимательского, экологического и других видов права.

При характеристике внешних организационных факторов необходимо отметить латентность преступлений, совершаемых в сфере ЖКХ, которая обусловлена несколькими обстоятельствами.

Во-первых, особенностью законодательного регулирования правоотношений при борьбе с преступностью, связанной с возбуждением уголовных дел частного-публичного характера, именно таким образом соз-

даются условия для легальной латентности¹, в которую входит та часть преступлений, которая остается скрытой в силу того, что уголовное преследование начинается только по заявлению потерпевшего или его законного представителя.

Во-вторых, скрытым механизмом «откатов». Преступления, связанные с «откатами», представляющими собой разновидность взяточничества, которое может проявляться как в государственной, так и в частной сфере, являются высоколатентными. В юридической литературе под «откатом» понимают передачу должностному лицу, а равно принятие им денег, ценных бумаг, иного имущества или имущественных прав либо оказание ему услуг имущественного характера за совершение действий по предоставлению неправомερных преимуществ юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю при заключении или исполнении договора на поставку товаров, работ, услуг².

В-третьих, сложностью правовых отношений, возникающих в сфере ЖКХ. При оказании жилищно-коммунальных услуг, особенно ремонтно-строительного характера, появляются товарно-денежные отношения между заказчиком и их исполнителем. Исполнитель в лице подрядчиков может заключать несколько договоров с субподрядчиками на выполнение различных видов работ. Все правоотношения между данными субъектами функционируют в рамках гражданско-правовых отношений. В ходе проверочных мероприятий правоохранительным органам необходимо отслеживать цепочки исполнителей, соисполнителей, выявлять, кто конкретно исполнял работу, не изменялись ли названия и учредительные документы фирм. Сложность схем по выполнению работ и оказанию услуг в сфере ЖКХ создает скрытый характер преступлений.

Таким образом, при организации предупреждения преступлений в ЖКХ сотрудникам правоохранительных органов следует учитывать как внутренние, так и внешние организационные факторы, детерминирующие преступность в указанной сфере.

---

¹ Горяинов К. К., Исиченко А. П., Кондратюк Л. В. Латентная преступность в России: опыт теоретического и прикладного исследования. М., 1994. С. 11.

² Криминологическая характеристика «откатов» в современной России : монография / под общ. ред. д-ра юрид. наук Р. В. Жубрина. М., 2016. С. 12.

К. С. Князев

(Омская академия МВД России)

Борьба с массовыми беспорядками в социальных сетях и мессенджерах

Интернет — это всемирная система объединенных компьютерных сетей для хранения и передачи информации¹. Он уже давно стал неотъемлемой частью жизни современного общества. Интернет представляет собой источник огромного количества различных сведений, средство ведения бизнеса и общения между людьми, находящимися в любой точке земного шара. В настоящее время многие уже не пользуются классическими средствами массовой информации (газетами, журналами, телевидением, радио). Они черпают необходимые данные из сети Интернет. Однако следует отметить, что, развиваясь, Интернет несет для нашего общества и государства не только блага, но и множество отрицательных моментов. Он уже давно стал платформой для совершения различного рода преступных деяний (незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, преступления против собственности, экстремистская и террористическая деятельность и т. д.). Аудитория российского Интернета к 2018 г. составляла более 70% населения (т. е. более 90 млн человек), а в 2020 г. — уже 85% (124 млн человек). В подростковой среде уровень охвата сетью составляет около 100%. В связи с этим необходимо стремиться к тому, чтобы человек, используя возможности всемирной паутины, имел надежную защиту от противоправных посягательств. Каждый должен отвечать за свои поступки как в реальной жизни, так и в виртуальной.

В социальных сетях и мессенджерах люди обмениваются различной информацией часто обезличенно. Это создает представление о безнаказанности их действий, так как они понимают, что привлечь их к ответственности будет непросто.

При помощи сети Интернет, в частности социальных сетей и мессенджеров, в настоящее время организуются различные незаконные массовые мероприятия, перерастающие в групповые нарушения общественного порядка, а затем и в массовые беспорядки. Это явление представляет серьезную опасность для нашего государства и общества. Уже в ряде стран СНГ не без помощи социальных сетей и мессенджеров произошли так называемые оранжевые революции. Умело исполь-

---

¹ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B5%D1%82> (дата обращения: 10.03.2021).

зую интернет-площадки, организаторы могут оперативно управлять участниками массовых беспорядков, пополнять ряды новыми членами, применяя ложную общественно значимую информацию. Действительно, при проведении протестных акций в поддержку А. Навального 23 и 31 января 2021 г. в различных социальных сетях и мессенджерах распространялись открытые призывы к массовым беспорядкам, подробные инструкции и наставления (как себя вести, кому звонить, что говорить и т. д.) на тот случай, если участник будет задержан сотрудниками полиции или Росгвардии. Кроме этого, распространялись ложные сведения о численности участников, о случаях применения физической силы и специальных средств со стороны сотрудников полиции, а также публиковались посты, вызывающие отрицательное отношение к гражданам, не поддерживающим протестные акции.

Советом Федерации РФ (далее — СФ РФ) было предложено блокировать социальные сети за призывы к митингам. Комиссия СФ РФ по информационной политике и взаимодействию со СМИ считает, что в российском законодательстве необходимо предусмотреть возможность для временной или постоянной блокировки социальных сетей за призывы к несанкционированным акциям. По мнению комиссии, социальные сети — Facebook, Twitter, Instagram, Telegram и TikTok послужили для организаторов волнений средством распространения среди граждан призывов к массовым беспорядкам, ложных сведений, компрометирующих органы власти и Правительство РФ. После вышеуказанных событий следует пересмотреть российское законодательство в целях предотвращения использования социальных сетей для мобилизации граждан на противоправные действия. Считаем также необходимым введение системы наказаний за подобные нарушения — от штрафов до временной или постоянной блокировки интернет-платформ как таковых².

Полагаем, что в целях предотвращения дальнейшего роста преступлений, совершаемых виртуально, нужно вывести из тени пользователей социальных сетей и Интернета в целом.

---

² URL: <https://tass.ru/politika/10621597> (дата обращения: 16.03.2021).

Д. А. Конев

(Омская академия МВД России)

Международное сотрудничество в сфере обеспечения криминологической безопасности цифровых технологий

Международное сотрудничество представляет собой важное направление, основой которого является объединение усилий в противодействии наиболее опасным видам преступности. В настоящее время к ним относят и преступность в сфере цифровых технологий. Несмотря на то что на протяжении многих лет предпринимались шаги по изучению этого вида преступности, до настоящего времени так и не сложилось единого мнения по вопросам, касающимся проблем цифровой безопасности. Это обусловлено данными Всемирного экономического форума, согласно которым потери мировой экономики только от кибератак в 2019 г. оцениваются в 2,5 трлн долларов, а к 2022 г. этот показатель может достичь 8 трлн долларов¹. Вместе с тем работа в этом направлении ведется длительное время. Например, в 1998 г. Генеральная Ассамблея ООН принимает резолюцию «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности», предложенную Россией². Подписание этого документа позволило включать в повестку работы ООН вопросы противодействия этому виду преступности, подтвердило существование проблем обеспечения безопасности и положило начало обсуждению проблем создания совершенно нового международно-правового режима, субъектом которого в перспективе должны стать цифровая информация и информационная технология³. Позже в рамках сессии X Конгресса (Вена, 2000 г.) принимается «Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века». Согласно ее тексту были рассмотрены вопросы сотрудничества и взаимной правовой помощи в целях пресечения ряда преступлений и противодействия им, в том числе по предупреждению транснациональной организованной преступности и компьютерной преступности. С принятием резолюции Генеральной Ассамблеи по цифровой безопасности (2002 г.) расширяется деятельность по недопустимости использования

---

¹ Лавров С. В. Глобальные проблемы кибербезопасности и международные инициативы России по борьбе с киберпреступностью. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4350978 (дата обращения: 11.03.2021).

² Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности, предложенной Россией. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/53/70> (дата обращения: 16.03.2021).

³ Ищук Я. Г., Пинкевич Т. В., Смольянинов Е. С. Цифровая криминология : учеб. пособие. М., 2021. С. 102.

цифровых технологий и средств для оказания негативного воздействия на инфраструктуру государств⁴. К этим направлениям отнесены: определение уровня криминологических угроз террористического, криминального и военного характера; уточнение взаимоприемлемых мер предотвращения использования информационных технологий и средств в террористических и других преступных целях, ограничение применения информационного оружия. В дальнейшем это направление стало развиваться, и уже в 2005 г. уделяется внимание укреплению международного сотрудничества в противодействии различным формам преступной деятельности, в том числе киберпреступности. На следующей сессии Конгресса ООН (2010 г.) расширяется обсуждение проблем, связанных с противодействием киберпреступности и транснациональной организованной преступности. Особо была подчеркнута сложность выявления таких преступлений, их документирование и квалификация⁵. В 2011 г. Управление ООН по наркотикам и преступности, получив от Генеральной Ассамблеи ООН мандат на запуск программы по борьбе с киберпреступностью, расширило свои полномочия в части оказания технической поддержки и наращивания потенциала развивающихся стран в борьбе с киберпреступностью.

На международном уровне особое внимание уделяется регулированию и внедрению технологии блокчейн, криптовалюты, квантовых вычислений, направленных на борьбу с преступностью⁶. В докладе, посвященном обзору мирового экономического и социального положения в 2018 г., департамент по экономическим и социальным вопросам ООН сделал вывод о том, что криптовалюты и блокчейн являются важной частью мировой финансовой системы, с одной стороны, а с другой, анонимность криптовалюты мешает борьбе с финансированием терроризма, легализацией (отмыванием) преступных доходов и киберпреступностью⁷.

В ходе сессии XIV Конгресса ООН (7–12 марта 2021 г.) этим проблемам уделено особое внимание. Так, выделено шесть направлений, по которым сегодня международное сотрудничество должно укрепляться.

---

⁴ Генеральная Ассамблея ООН. Резолюции. URL: <http://www.un.org/ru/ga/sessions/> (дата обращения: 22.03.2021).

⁵ XII Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Сальвадор. Бразилия. 12–19 апреля 2010 г. URL: <https://undocs.org/ru/A/CONF.213/9> (дата обращения: 27.03.2021).

⁶ России нужен 51 миллиард на вторую квантовую революцию. URL: https://cnews.ru/news/top/2019-08-25_rossii_nuzhen_51_milliard_na (дата обращения: 02.12.2020).

⁷ Криптовалюты помогают террористам. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5d68caa79a79472991ab5e9c> (дата обращения: 02.12.2020).

К ним отнесены: использование криптовалюты в преступных целях, финансирование терроризма, незаконный оборот наркотиков, огнестрельного оружия с использованием цифровых технологий, торговля людьми, надругательство над детьми и их эксплуатацией и роль технологий в расследовании дел, связанных с незаконным ввозом мигрантов⁸.

ООН уделяет внимание и подготовке специалистов правоохранительных органов для решения этих проблем, и повышению потенциала для успешного и эффективного расследования и судебного преследования по таким уголовным делам.

Краткий анализ деятельности ООН в сфере предупреждения цифровой преступности позволил сделать выводы о том, что в этом направлении практика противодействия цифровой преступности только нарабатывается, существуют проблемы правового характера, так как еще нет методических рекомендаций по расследованию этих преступлений и их законодательного закрепления на региональном уровне.

О. С. Лазарчук

(Омская академия МВД России)

Правовая регламентация самоуправных действий в уголовном законодательстве стран ближнего зарубежья

Неизбежная глобализация современного мира делает исследование законодательного уголовно-правового опыта зарубежных стран очень актуальным и важным. Изучение иностранного законодательства полезно не только в контексте сравнения разных правовых систем в рамках одной исследуемой нормы, но и имеет большое значение прежде всего для отыскания потенциальных путей усовершенствования отечественного уголовного закона на основе приобретенных знаний.

Рассмотрим уголовные законы некоторых стран, имеющих общее историческое прошлое с Россией и образовавшихся после распада СССР (страны ближнего зарубежья). Уголовные кодексы (далее — УК) этих государств имеют сходство с УК РФ, в том числе и в вопросах правовой регламентации уголовной ответственности за самоуправные действия. Это объясняется прежде всего их длительным нахож-

---

⁸ *Четырнадцатый* конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Киото, Япония. 7–12 марта 2021 г. URL: <https://www.unodc.org/unodc/ru/crimecongress/about.html> (дата обращения: 02.12.2020).

дением в общем правовом пространстве советского периода и интегрирующим влиянием Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик¹.

Разделим условно все кодексы на три группы в зависимости от того, насколько идентична в них конструкция статьи о самоуправстве редакции ст. 200 УК РСФСР 1960 г., которая, по нашему мнению, считается наиболее полной и целесообразной. Под самоуправством понималось «самовольное, с нарушением установленного законом порядка, осуществление своего действительного или предполагаемого права, причинившее существенный вред гражданам либо государственным или общественным организациям»².

К первой группе отнесем уголовные законы, сохранившие практически прежнюю редакцию ст. 200 УК РСФСР. Это законы республик Армения³, Узбекистан⁴, Таджикистан⁵ и Молдова⁶, в которых содержится прямое и недвусмысленное указание на наличие у самоуправца некоего действительного или предполагаемого им права, реализация которого и происходит с нарушением установленного порядка.

Законодатели бывших союзных республик поместили рассматриваемую нами норму о самоуправстве в главу «Преступления против порядка управления». За исключением Молдовы, где признаки описываемого деяния закреплены главой «Преступления против публичной власти и безопасности государства», что в целом не противоречит общей позиции законодателей при размещении статьи о самоуправстве. Кроме этого, законодатель Республики Молдова существенно расширил перечень квалифицирующих признаков самоуправства, пытаясь предусмотреть все возможные варианты совершения самовольных действий. Но в целом понятие самоуправных действий остается в рамках советского права, которое не предусматривает

---

¹ Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик : закон СССР от 25 декабря 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. С. 6.

² URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950 (дата обращения: 01.03.2021).

³ Уголовный кодекс Республики Армения. URL: <https://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes> (дата обращения: 01.03.2021).

⁴ Уголовный кодекс Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/m/acts/111457> (дата обращения: 01.03.2021).

⁵ Уголовный кодекс Республики Таджикистан. URL: https://www.legislationline.org/download/id/8920/file/Tajikistan_CC_1998_am2020_ru (дата обращения: 01.03.2021).

⁶ Уголовный кодекс Республики Молдова. URL: https://www.legislationline.org/download/id/8276/file/Moldova_CC_2002_am2018_ru (дата обращения: 01.03.2021).

выхода за границы устоявшейся традиции рассматривать самоуправство в контексте, отличном от порядка управления.

Ко второй группе государств относятся страны, в большей мере принявшие новую версию ст. 200 УК РСФСР в виде ст. 330 УК РФ.

В статьях о самоуправстве в уголовных законах этой группы стран (Украина⁷, Азербайджан⁸, Латвия⁹) отсутствует формулировка «осуществление своего действительного или предполагаемого права» и, как следствие, теряется понимание того, что же именно толкнуло лицо на совершение самоуправных действий. Нет и намека на поправные, нарушенные права лица, восстановления которых он добивается, пусть и вопреки установленному порядку реализации этих прав. Вместо этого признак оспариваемости законности действий виновного потерпевшим или организацией включен законодателем в качестве обязательного в кодексы этих стран, что и без того осложняет применение данной статьи практическими работниками следственных органов.

К третьей группе стран отнесем Эстонскую и Литовскую республики, которые, сохранив некоторую общность с советским правом, пошли по собственному пути формирования уголовного законодательства. Так, эстонский законодатель напрямую связывает действия самоуправца с насилием или угрозой его применения и потому не относит его к квалифицирующим деяние признакам, а оставляет в основной части статьи. Закрепляет ключевой для понимания сути самоуправных действий признак «осуществление своего действительного или предполагаемого права». Законодатель Литвы, в свою очередь, предусматривает уникальную возможность некой переадресации своего мнимого или действительного права одним лицом другому для его дальнейшей реализации. Интересен тот факт, что до этого момента право оставалось нереализованным. При этом притязания самоуправца могут быть оспорены, также он может признаваться потерпевшим.

Проведя сравнительный анализ дефиниции о самоуправстве среди бывших советских республик, можно сделать вывод о том, что перспективной в плане правотворчества и наиболее удачной редакцией рассматриваемой нормы, на наш взгляд, обладает уголовный закон Эстонии.

---

⁷ Уголовный кодекс Украины. URL: https://www.legislationline.org/download/id/6333/file/Ukraine_CC_2001_am2016_ru (дата обращения: 01.03.2021).

⁸ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. URL: https://www.legislationline.org/download/id/8305/file/Azerbaijan_Criminal_Code_am_2018_ru (дата обращения: 01.03.2021).

⁹ Уголовный кодекс Латвийской Республики. URL: http://www.pravo.lv/likumi/07_uz.html (дата обращения: 01.03.2021).

Сохранив преемственность с советским правом и привнеся в него те изменения, которые соответствовали их новому политическому и экономическому порядку, законодатель усилил диспозицию статьи о самоуправстве ключевыми для него признаками, позволяющими отграничить его от смежных составов имущественных преступлений. Норма выглядит объективно полной и информативной, не имеет каких-либо противоречий, что особенно удобно для правоприменителя.

Т. А. Лозовская

(Омская академия МВД России)

Оценка деяния как малозначительного по Уголовному кодексу Монголии

В части закрепления понятия малозначительности деяния большой интерес представляет уголовное законодательство Монголии. Анализ данной уголовно-правовой категории позволит воспринять опыт зарубежного государства, выявить различия и сходства в понимании малозначительного деяния с Уголовным кодексом РФ (далее — УК РФ) и предложить альтернативные подходы к изменению и развитию национального уголовного права.

Так, в соответствии с ч. 4 ст. 2.1 УК Монголии «не является преступлением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса, но в силу малозначительности общественной опасности такого деяния, а также лица, его совершившего, не причинившее реального вреда или ущерба охраняемым настоящим Кодексом интересам»¹. То есть для принятия решения о наличии в совершенном деянии признаков малозначительности учитываются не только особенности совершенного деяния, но и опасность лица, совершившего деяние и не причинившее реального вреда или ущерба охраняемым интересам. Отсюда возникают справедливые вопросы:

1. Не противоречит ли данное положение принципу *non bis in idem*, поскольку при квалификации может учитываться ранее совершенное деяние, по которому уже было принято решение?

2. Насколько оправданно заложены в основу квалификации свойства личности, которые выходят за пределы состава преступления?

---

¹ Уголовный кодекс Монголии / пер. с монг. Батболд Галбадрах, Амарсанаа Вандаш-Иш; науч. ред. перевода и предисл. М. В. Бавсуна, А. А. Нечепуренко. Омск, 2020. С. 12.

Что касается проблемы соответствия принципу справедливости, считаем, что конструкция малозначительного деяния по монгольскому законодательству полностью соответствует принципу *non bis in idem*, так как ранее лицо не было привлечено к административной или уголовной ответственности, а основанием для применения мер уголовно-правового характера является совершение нового самостоятельного деяния лицом, продолжающим совершать малозначительные деяния, несмотря на официальное предостережение со стороны правоприменителя.

Стоит оговориться, что законодатель не уточняет, какие конкретно характеристики лица он закладывает в понимание этой нормы. Можно предположить, что к таким относятся обстоятельства, аналогичные приведенным в ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Так как учет личности — вторичный процесс деятельности после определения признаков состава преступления и общественной опасности, то в малозначительных деяниях он и вовсе выпадает из поля зрения правоприменителя, поскольку, по общим требованиям российского уголовного права, личность учитывается судом лишь на этапе назначения наказания для его индивидуализации.

Логика же монгольского законодателя обосновывается тем, что без учета личности субъекта умышленное совершение даже нескольких малозначительных деяний в относительно небольшой промежуток времени не влечет никаких правовых последствий в виде административной или уголовной ответственности. Примером может служить открытое хищение карандаша, которое может быть признано малозначительным, так как состав преступления есть, а общественной опасности нет. В свою очередь у лица, совершающего данные деяния, формируется устойчивая противоправная ориентация личности. В отсутствие эффективного механизма, препятствующего повторному совершению малозначительных деяний, лицо может продолжать совершать противоправные действия без возможности быть привлеченным к административной или уголовной ответственности.

Один из путей решения сложившейся проблемы предложен УК ФРГ, в котором описаны условия предупреждения с оговоркой наказания. В соответствии с нормой § 59 судом налагается условный штраф на 180 дней². Данная мера является сдерживающей, так как по истечении

---

² Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/> (дата обращения: 21.03.2021).

установленного срока, если лицо не совершило иного противоправного деяния, штраф автоматически аннулируется.

Таким образом, полагаем возможным воспринять опыт монгольского уголовного права в части закрепления учета лица при квалификации деяния как малозначительного, а также предложенное законодателем ФРГ решение проблемы, касающейся реакции государства на совершенное малозначительное деяние.

Д. А. Огорелков

(Омская академия МВД России)

Механизм исчисления штрафа в уголовном законодательстве стран Закавказского региона

Все страны постсоветского пространства в системе наказаний уголовного законодательства предусматривают штраф. В некоторых государствах его регламентация имеет сходство с российской, другие же предусматривают свои особенности применения этого вида наказания. Рассмотрим наиболее перспективные положения механизма исчисления штрафа в государствах Закавказского региона (далее — Закавказье), к которым относят Азербайджан, Армению и Грузию¹.

Обратим внимание на существенные отличия.

Так, Уголовный кодекс Грузии (далее — УК Грузии) предусматривает способ исчисления суммы штрафа, согласно которому определяется только нижняя граница данной суммы. Она равна 2000 лари. По состоянию на март 2021 г. в рублях эта сумма составляет 44 000 рублей². Если санкцией статьи Особенной части предусмотрено лишение свободы на срок до трех лет, то минимальный размер штрафа должен быть не менее 500 лари (представляется, что эта часть нормы относится к случаям назначения наказания ниже низшего предела)³. Такой вариант, на первый взгляд, максимально отражает идею индивидуализации наказания, однако, по нашему мнению, не является приемлемым, поскольку ставит назначение наказания в полную зависимость от усмотрения судьи.

---

¹ *Большая советская энциклопедия*. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/151951/> (дата обращения: 01.03.2021).

² *Конвертер валют*. URL: <https://ww.calc.ru/kurs-GEL-RUB.html> (дата обращения: 02.03.2021).

³ *Уголовный кодекс Грузии*. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=229> (дата обращения: 27.02.2021).

В случаях уклонения от уплаты штрафа или если его взыскание не представляется возможным, по УК Грузии, он заменяется общественно полезным трудом, исправительными работами, домашним арестом или лишением свободы. При этом сумма, уплаченная осужденным, засчитывается в срок иного назначенного наказания. Эта норма была введена в действие с 1 января 2018 г. и, на наш взгляд, является прогрессивным шагом, направленным не только на ужесточение наказания в случае злостной неуплаты штрафа, но и на возможность его замены при установлении условий, свидетельствующих об отсутствии реальной возможности уплаты. Считаем, что в таких случаях общественно полезный труд будет более гуманным наказанием.

Уголовный кодекс Азербайджана, наоборот, устанавливает только верхнюю границу суммы штрафа, равную 20 000 манатов⁴. При этом второй способ исчисления предусматривает как верхнюю, так и нижнюю границу — от однократного до десятикратного размера ущерба (полученного дохода), причиненного в результате преступления. По нашему мнению, указание минимального и максимального пределов наказания подлежит обязательному отражению в норме закона. Стоит отметить, что установление суммы штрафа в зависимости от размера причиненного ущерба или полученного дохода представляет интерес, так как данное положение полностью отражает принцип справедливости (соразмерность наказания совершенному деянию).

Уголовный кодекс Республики Армения предусматривает один способ исчисления суммы штрафа, базовой единицей которого служит минимальный размер оплаты труда. Штраф назначается в размере от тридцатикратного до трехтысячекратного размера минимальной заработной платы⁵. В настоящее время исчисление штрафа часто осуществляется в условных единицах. Базой для таких единиц кроме минимального размера оплаты труда может выступать необлагаемый минимум дохода граждан (Украина), базовая величина (Беларусь), условные единицы (Молдова) и т. д. Положительной стороной назначения штрафа при таком способе исчисления является установление размера единицы на каждый год, что позволяет нивелировать негативные инфляционные финансовые процессы, требующие изменения уголовного законодательства в части размера штрафа.

---

⁴ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. URL: https://base.spinform/show_doc.fwx&rgn=2670-- (дата обращения: 01.03.2021).

⁵ Уголовный кодекс Республики Армения. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7472 (дата обращения: 03.03.2021).

В заключение следует отметить, что рассмотренные нами положения не отражают полной картины регламентации норм о штрафе в странах Закавказья, однако демонстрируют некоторые положительные идеи, реализованные законодателями данных государств, и представляют интерес для российского уголовного права и отечественного уголовного законодательства.

И. В. Петрова

(Академия управления МВД России, г. Москва)

К вопросу о причинах и условиях совершения преступлений в сфере недвижимости

В целях усовершенствования противодействия преступлениям, совершаемым в сфере недвижимости, необходимо выявить и проанализировать причины их совершения. Нужно подчеркнуть, что «невозможно выделить какую-либо общую, основную, главную причину, объясняющую наличие преступности в реальных условиях во всех ее проявлениях»¹, вместе с тем «их объяснение имеет нечто общее: в основе этих причин всегда лежат объективные социальные противоречия»².

Совершение преступлений в сфере недвижимости обусловлено рядом причин.

Прежде всего следует отметить социально-экономические причины, сопряженные с прогрессирующей глобализацией, накладывающей свой отпечаток на внутригосударственные процессы. В частности, это влияет на уровень жизни граждан, инфляцию, обеспеченность граждан жильем и т. д.

Перечисленные составляющие в условиях экономического кризиса не отвечают возможности удовлетворения потребностей подавляющего большинства граждан в жилье или улучшении жилищных условий, поскольку производными являются удорожание строительных материалов, недобросовестность некоторых застройщиков, некачественное строительство объектов жилой недвижимости, нарушение сроков их сдачи и т. п., что определенно ведет к социальной напряженности, расслоению общества, резкой поляризации богатых и бедных «при незначительной части очень богатых большая часть населения страны —

---

¹ *Криминология* / под общ. ред. А. И. Долговой. М., 1997. С. 180.

² *Кудрявцев В. Н.* Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. М., 1983. С. 46.

за чертой бедности»³. В связи с этим необходимо выделить социально-политические причины и условия совершения преступлений в сфере недвижимости, связанные с процессами, происходящими в общественных отношениях, «особо негативную роль при этом играют недостатки культурно-бытовых условий жизни людей»⁴.

Также необходимо отметить идеологические причины и условия, связанные с формированием гипертрофированных идеалов, сопряженных с культом денег и материальных благ, что находит отражение в отношении к основным социальным ценностям и формирует устойчивую негативную тенденцию к совершению преступлений в сфере недвижимости.

Обозначенные причины и условия совершения преступлений в сфере недвижимости (социально-экономические, социально-политические, идеологические) позволяют прийти к выводу, что требуется серьезная работа, состоящая в их изучении и анализе для эффективной профилактической деятельности по предупреждению преступлений, направленных на основные жизненно важные блага.

И. С. Рюшин

(Омская академия МВД России)

Исторические предпосылки возникновения уголовной ответственности за мелкое хищение в досоветский период развития законодательства

Ретроспективное изучение возникновения и развития ответственности за мелкое хищение неотделимо от истории становления норм об ответственности за хищения. Разработчики первого письменного свода законов «Русская правда» по степени развития юридической мысли были еще не способны выделять мелкое хищение, но уже предусматривали разное наказание в зависимости от вида похищенного имущества. Первые упоминания о признаках мелкого хищения встречаются в ст. 5 Двинской судной грамоты и ст. 8 Псковской судной грамоты. В этих нормативных актах отсутствует исследуемое понятие, но акцентируется внимание на повторности, неоднократности деяний. Судебник 1550 г., развивая поло-

---

³ Быстрова Ю. В. Экономическая преступность в сфере жилищно-коммунального хозяйства и ее предупреждение: криминологическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Грозный, 2020. С. 275.

⁴ Малков В. Д. Криминология : учебник . 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 72.

жения Судебника 1497 г., конкретизирует и усиливает наказания за повторное хищение. Таким образом, до XVII в. российская законодательная мысль сосредоточивается на усилении ответственности за повторное деяние, не учитывая размер имущества, поэтому в нормативно-правовых актах отсутствуют упоминания крупного и мелкого хищения.

Впервые проследить зачатки квалификации хищения удастся в Соборном Уложении 1649 г. Так, в статье 11 главы XXI указано: «мошенникам чинить тот же указ, что указано чинить татем за первую татьбу»¹. И. Я. Фойницкий приравнивает ст. 15 к ст. 11, в которой говорится о мошенничестве, как оно понималось в XVII в., т. е. мелкой краже². Небезосновательно считать Соборное Уложение 1649 г. первым законодательным источником, упоминающим мелкое хищение.

Дальнейшее развитие институт мелкого хищения получает в уголовно-правовых документах петровского времени. В Артикуле воинском впервые в российском законодательстве размер причиненного ущерба при краже оказывал влияние на степень ответственности и меру наказания³. Артикул различает кражу до 20 рублей и кражу свыше 20 рублей (последняя рассматривалась как квалифицированная и каралась смертной казнью)⁴. Артикул 189 предусматривает ответственность за мелкие кражи (дров, кур, гусей). По-прежнему в законодательных актах отсутствует понятие мелкого хищения, но тенденции его развития становятся отчетливее.

Екатериной II 3 апреля 1781 г. подписывается именной Указ «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех Губерниях». Указом определяется три рода воровства: воровство грабеж, воровство кража, воровство мошенничество. Наказание за воровство кражу или воровство мошенничество определяется в зависимости от размера причиненного ущерба (воровство более 20 рублей и мелкое воровство менее 20 рублей). Статьи 7 и 8 предусматривают усиление наказания за совершение воровства кражи и воровства мошенничества ценою менее 20 рублей, совершенных во второй и третий раз. Следует отметить, что в XVII–XVIII вв. вопросу об экономических свойствах предмета воровства уделялось большое внимание.

---

¹ *Российское законодательство X–XX веков.* В 9 т. Т. 3: Акты земских соборов. М., 1985. С. 231.

² Там же. С. 414.

³ *Российское законодательство X–XX веков.* В 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 385.

⁴ Там же.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г. предусматривают уменьшение наказания за небольшой размер похищенного имущества. Н. С. Таганцев разъясняет, что малоценность похищенного служит лишь поводом к смягчению наказания, а не к его отмене⁵. В XIX в. правовая мысль развивается в сторону формирования института мелкого хищения в форме малозначительной кражи и малозначительного мошенничества и смягчения ответственности в случаях малой ценности похищенного имущества.

Статьи 581 и 591 Уголовного уложения 1903 г. предусматривают ответственность за воровство и мошенничество, когда стоимость похищенного не превышает пятидесяти копеек. В статьях 586, 587, 596, 597 содержатся положения, устанавливающие наказание за неоднократное совершение кражи и мошенничества. Уголовное уложение не устанавливает минимальную границу ценности имущества, на которое направлено посягательство, а только верхний предел — пятьдесят копеек. Разумно считать данный диапазон законодательным обозначением мелкого хищения.

Таким образом, в досоветский период мелкое хищение не выделяется в качестве независимого преступного деяния, но тенденции дифференциации хищений в зависимости от ценности и усиления наказания за повторные деяния становятся более выраженными.

Т. А. Симонова

(Омская академия МВД России)

Коррупция как проблема современной России

Коррупция в настоящее время — актуальная проблема. Конечно, это явление не ново. Можно сказать, где существуют государственные органы, там существует коррупция.

Корень проблемы, на наш взгляд, заключается в том, что так называемый капитализм представляет собой, по сути, коррумпированную систему, которая в конце концов имеет тенденции коррумпировать всех и везде, без исключений.

Для России коррупция особенно злободневна, так как антироссийские движения в мировой политике пытаются (или пытались в течение

---

⁵ Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Изд. 7-е. СПб., 1892. С. 711.

последних десяти лет) уничтожить международную репутацию России и ограничить ее интеграцию в мировой экономической системе через пропагандистские преувеличения о коррумпированности российских государственных органов¹.

Понятие «коррупция» имеет больше социологическое, чем правовое содержание. Можно, например, сказать, что при капиталистическом порядке все люди в той или иной степени коррумпированы, т. е. виноваты не люди, а сама система.

Но с другой стороны, если под коррупцией понимается злоупотребление властью среди государственных чиновников, то можно найти различные варианты проявлений коррупции, зависящие от характера деяния и мотива деятеля.

Людей, абсолютно не причастных к коррупции, в принципе нет. Все каким-то образом оказываются вовлеченными, хотя бы отчасти, но в коррумпированные отношения (через кровь, через род, через пол, через религию, через личный опыт). Все эти факторы влияют на то, как выполняет свои функции государственный деятель.

Коррупция (или злоупотребление властью, или взяточничество) среди сотрудников органов внутренних дел стало важной проблемой. Криминологами коррупционное поведение среди сотрудников полиции изучено слабо. Основанные на конкретных материалах исследования составляют совсем незначительную часть. В то же время широкое хождение имеют слухи, анекдоты и придуманные искусственные сюжеты, которые больше напоминают американские боевики и далеки от реальности².

Вопрос о коррупции в полиции, особенно в западных странах, политизирован до такой степени, что эта тема во многих государствах является закрытой и даже запрещенной.

На Западе так называемые специалисты по России часто говорят о том, что все органы внутренних дел в нашей стране полностью коррумпированы и предупреждения преступности в России практически не существует. Но это, конечно, не соответствует действительности. К сожалению, именно органы внутренних дел РФ оказываются целью такой антироссийской пропаганды.

---

¹ Андрианов В. Д. Коррупция как глобальная проблема. История и современность. М., 2016. 304 с.

² Долгова А. И. Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы. М., 2015. 361 с.

С. Е. Суверов

(Омская академия МВД России)

Заглаживание причиненного потерпевшему вреда — факультативное условие применения статьи 76 Уголовного кодекса РФ

Особенность нормы о примирении с потерпевшим заключается в том, что для обращения к ней результатом преступного посягательства должно быть причинение вреда (создание угрозы его причинения) интересам и благам конкретного потерпевшего (персонифицированного физического или юридического лица). Это обуславливает особые полномочия пострадавшего по оценке выполнения юридических требований, предъявляемых к освобождаемому от уголовной ответственности лицу.

Так, в диспозиции ст. 76 УК РФ наряду с указанием на достижение мира между сторонами конфликта законодательно закреплено требование о заглаживании причиненного потерпевшему вреда. В настоящее время в юридической литературе высказываются различные мнения относительно того, необходимо ли виновному лицу выполнить данное условие, чтобы быть освобожденным от уголовной ответственности. Ю. В. Голик обращает внимание на обязательность его достижения для применения ст. 76 УК РФ¹. В свою очередь Р. К. Плиско подчеркивает, что заглаживание причиненного вреда должно быть осуществлено в полном объеме, а не в какой-то его части².

Вероятно, к такому мнению исследователи приходят, поскольку полагают, что обозначенное условие выступает вторым непосредственным основанием ст. 76 УК РФ.

По нашему мнению, это требование не является основанием, а представляется лишь одним из условий применения рассматриваемой нами нормы. Дело в том, что основание для применения конкретного вида освобождения от уголовной ответственности (конкретной нормы, входящей в обозначенный правовой институт) всегда одно, оно определяет его специфику, сущность, название, а также его наличие обязательно при каждом использовании нормы. Для ст. 76 УК РФ основанием считается факт состоявшегося примирения виновного и потерпевшего. Все осталь-

---

¹ Голик Ю. В. Метод уголовного права // Журнал российского права. 2000. № 1. С. 75.

² Плиско Р. К. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009. С. 13.

ные требования, указанные в норме, являются условиями. Более того, «заглаживание причиненного потерпевшему вреда» имеет факультативный (необязательный) характер. В данном вопросе мы соглашаемся с мнением О. А. Владимировой³.

Полагаем, что потерпевший обладает правом как на предъявление претензии о восстановлении его нарушенных прав и свобод, так и на отказ от этого. Заглаживание любого вида вреда сводится к исполнению лицом тех обязательств, которые обусловлены фактом его причинения (так называемые деликтные обязательства)⁴. Однако из смысла нормы о примирении с потерпевшим следует, что последний может простить виновному совершенные посягательства на свои личные блага (когда это не нарушает права и интересы третьих лиц)⁵.

Х. Д. Аликперов справедливо отмечает, что условие о заглаживании причиненного потерпевшему вреда может быть не выполнено виновным в том случае, если пострадавший прощает его виновному или дает отсрочку в заглаживании⁶. При этом аналогичные рассуждения относятся к случаям, если потерпевшим от преступления выступает юридическое лицо (решение о прощении должно быть принято его надлежащим органом)⁷. Из изложенного делаем вывод о том, что потерпевший может простить причиненный ему вред (полностью или частично) либо в данный момент отказаться от осуществления права требования возмещения вреда (полностью или частично)⁸.

В целях соблюдения прав и интересов потерпевших, если последний отказывается от притязания по заглаживанию вреда (прощает его), особенно важно удостовериться в добровольности его волеизъявления, в том, что он осознает последствия своих действий. Если потерпевший не высказывает данного требования, необходимо четко указать: отказывается ли он от претензий по его заглаживанию вообще или соглашается на предоставление рассрочки виновному лицу.

---

³ Владимирова О. А. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим : дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2015. С. 11.

⁴ Головки Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 464.

⁵ Красиков А. Н. Примирение с потерпевшим и согласие потерпевшего — «частный сектор» в публичном уголовном праве // Известия высших учебных заведений. 1998. № 1. С. 180.

⁶ Аликперов Х. Д. Освобождение от уголовной ответственности. М., 2001. С. 49.

⁷ Головки Л. В. Указ. соч. С. 476.

⁸ Головки Л. В. Прощение долга — одно из оснований прекращения уголовного дела // Рос. юстиция. 1998. № 4. С. 16.

Таким образом, в ст. 76 УК РФ имеется только одно основание — примирение с потерпевшим, в то время как «заглаживание причиненного потерпевшему вреда» является условием и имеет факультативный (необязательный) характер. Данному пониманию не соответствует действующая редакция ст. 76 УК РФ, которую мы предлагаем изложить следующим образом: «Лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред *либо потерпевший отказался от требований по заглаживанию вреда или согласился на рассрочку полного заглаживания вреда в пределах сроков исковой давности привлечения к уголовной ответственности*».

А. С. Унукович

(Омская академия МВД России)

Преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: основные тенденции

Информационно-телекоммуникационные технологии охватывают практически все сферы жизнедеятельности общества. Однако человечество не подозревало, какие негативные последствия могут нести инновации, которые, на первый взгляд, созданы для упрощения жизни. Киберпреступность представляется достаточно самобытным явлением, изучая которое возможно просмотреть тенденции на ближайшую перспективу.

В настоящее время прослеживается тенденция к увеличению как числа киберпреступлений, так и их удельного веса в общей массе зарегистрированных уголовно наказуемых деяний. Это объясняется рядом факторов: охват аудитории в информационно-телекоммуникационном пространстве (далее — ИТ-пространство) значительно больше, чем в физическом мире; ИТ-пространство обеспечивает анонимность для большинства злоумышленников, которые в той или иной степени знакомы с технологиями VPN; ИТ-пространство облегчает совершение ряда преступлений (сбыт и приобретение наркотических средств, вымогательство, мошенничество) и т. д.

К тому же злоумышленники продолжают использовать новые способы получения охраняемой законом информации или доступа к ней.

Например, в 2020 г. правонарушители стали активно пользоваться JS-снифферами (онлайн-аналог скриммера), внедрять данный код на сайты для последующего перехвата вводимых данных (логины и пароли, реквизиты банковских карт и т. д.)¹.

Отмечается, что хакерство будет приобретать групповой характер, профессиональные хакеры продолжают объединяться в преступные группировки для совершения более глобальных и централизованных атак на организации, предприятия и государства.

Со временем могут появиться новые виды противоправной деятельности в ИТ-пространстве, которые не будут квалифицироваться ни по одной существующей в настоящее время статье Уголовного кодекса РФ. Еще неизвестно, как на криминальную обстановку в ИТ-пространстве повлияют такие технологии, как внедрение сети 5G, использование искусственного интеллекта (например, создание DeepFakes), технологий биометрии и машинного обучения.

Социальная инженерия является одним из основных инструментов преступников, совершающих уголовно наказуемые деяния в ИТ-пространстве. Полагаем, что в связи с доступностью этого ресурса в сети «ClearNet» злоумышленники чаще будут использовать социальную инженерию получения охраняемых законом данных пользователей.

Сохранится тенденция высокой латентности преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Так, согласно обзору Банка России, при совершении несанкционированных операций с использованием платежных карт в правоохранительные органы обращались лишь 4% от общего числа потерпевших. Правонарушители продолжают осваивать новые способы обеспечения анонимности в ИТ-пространстве, повышая тем самым уровень латентности киберпреступлений².

В настоящее время каждое третье ИТ-преступление — это мошеннические действия с платежными картами. Прогнозируется, что количество таких преступлений с годами будет расти и составит около 50% от общего числа киберпреступлений.

Подводя итог, можно отметить, что в ближайшие годы количество преступлений, совершаемых с использованием информационно-

---

¹ Филатов Р. В. Обратная пропорциональность роста киберпреступности в России уровню ее раскрываемости: возможности выравнивания // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 21. С. 1037.

² URL: <https://www.cbr.ru/statistics/nps/psrf/> (дата обращения: 06.03.2021).

телекоммуникационных технологий, продолжит увеличиваться. Для совершения преступлений злоумышленники продолжают использовать новейшие технологии, способы и методы получения доступа к охраняемой законом информации. По нашему мнению, в ближайшие годы количество ИТ-преступлений составит 33% от общего числа зарегистрированных, а в дальнейшем каждое будет совершаться в виртуальном пространстве, за исключением случаев, когда требуется непосредственный физический контакт между правонарушителем и жертвой.

Е. В. Шиманович

(Омская академия МВД России)

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных об обстоятельствах, смягчающих наказание

Досоветский период развития института смягчающих наказание обстоятельств прошел несколько этапов. Их история берет начало еще в сборнике правовых норм Древней Руси «Русская Правда». Так, с начала XI в. до середины XIX в. смягчающие обстоятельства встречаются лишь в некоторых статьях различных нормативно-правовых актов того времени. Систематизация списка смягчающих обстоятельств происходит лишь с оформлением и введением в действие 15-го тома Свода законов Российской империи, а именно — с принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в 1845 г. (далее — Уложение).

В первом разделе «О преступлениях, проступках и наказаниях вообще» третьей главы «О определении наказаний по преступлениям» отделения второго «О мере наказаний» имеется пятая часть «О обстоятельствах, уменьшающих вину и наказание», ст. 140 которой содержит сам перечень обстоятельств, уменьшающих вину и наказание. В их качестве, например, выступали: добровольная явка в суд, к местному или другому начальству с чистосердечным раскаянием, до того как на преступника пало какое-либо подозрение; полное признание с раскаянием уже после возбуждения насчет него подозрения; легкомыслие или слабоумие, глупость и крайняя невежесть виновного, которыми воспользовались другие для вовлечения его в преступление, и др.¹

Помимо списка вышеупомянутых обстоятельств отдельные нормы Уложения были посвящены смягчению ответственности малолетних и несовершеннолетних. Статья 144 содержала отдельный перечень смяг-

---

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. С. 44–48.

чения наказания для детей в возрасте от 10 до 14 лет. Для детей в возрасте от 7 до 10 лет была своя статья Уложения — 143, однако в ней были перечислены не сами смягчающие обстоятельства, а было лишь указано, что они не подвергались наказанию, так как еще не имели надлежащего разума о своих обязанностях, но отдавались родителям или благонадежным родственникам для строгого за ними присмотра, исправления и наставления. Заслуживающим внимания стало и условие смягчения наказания в отношении несовершеннолетних в возрасте от 14 лет до 21 года. Так, к ним применялись те же смягчающие обстоятельства, что и для совершеннолетних, однако телесные наказания над ними совершались не через палачей, а через полицейских служителей, и не плетьюми, а розгами. Также для этой категории лиц время работ было сокращено одной третью, а при приговоре к каторжным работам в рудниках без срока для них был определен срок в размере 20 лет. Статья 147 предусматривала для несовершеннолетних, вовлеченных в преступление совершеннолетними, уменьшение наказания по усмотрению суда одной или двумя степенями. При совершении преступления по неосторожности они подвергались лишь домашнему исправительному наказанию по распоряжению родителей или опекунов.

Изменение норм и системы смягчающих ответственность обстоятельств в дальнейшем было связано с судебной реформой 1864 г., а также изменением редакции Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в 1866 г. В юридической литературе отмечается, что основными причинами таких корректив являлись принятие российским правом элементов права французского и образование института присяжных заседателей, которые были уполномочены законом на снисхождение к подсудимому при наличии определенных смягчающих обстоятельств. Причем реализация такого права и факт наличия указанных обстоятельств были непосредственно взаимосвязаны, исключая тем самым возможность произвольного смягчения ответственности подсудимого². С проведением в Российской империи судебной реформы 1864 г. смягчающие наказание обстоятельства были отражены в Уставе «О наказаниях, налагаемых мировыми судьями» (далее — Устав)³. Их содержание показывает, как были усовершенствованы юридико-технические приемы, кото-

---

² Клишин Ю. Институт смягчающих обстоятельств в русском дореволюционном уголовном праве // Закон. 2002. № 12. С. 95.

³ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. // Российское законодательство X–XX веков. Т. 8: Судебная реформа / под ред. О. И. Чистякова. М., 1991. С. 396.

рые использовал законодатель. Несмотря на сходство с предыдущими нормами, они отличались большей четкостью и краткостью. Например, статьей 13 Устава были предусмотрены следующие обстоятельства, преимущественно «уменьшающие» вину подсудимого: слабоумие и крайнее невежество; сильное раздражение, происшедшее не от вины самого подсудимого, и др. Законодатель в данном случае целенаправленно использовал термин «преимущественно», поскольку он предполагает примерный характер и абстрактное изложение нормы, исключающие наличие исчерпывающего перечня обстоятельств, «уменьшающих» вину подсудимого⁴. С такой авторской позицией нельзя не согласиться, действительно, в соответствии с нормами Устава (ст. 13) и Уложения (ст. 141), законодатель позволяет применять не только те смягчающие обстоятельства, которые указаны в законе, но и те, которые суд посчитает таковыми. Нормы Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1866 г. позволяют заключить, что этот нормативный правовой акт принял систему обстоятельств, смягчающих наказание, закрепленную Уставом 1864 г.

Таким образом, уже в досоветский период происходило развитие российского законодательства в части, касающейся смягчения наказания путем подробной регламентации списка смягчающих обстоятельств в Уложении, что является одним из шагов к формированию известного нам современного института обстоятельств, смягчающих наказание.

---

⁴ Качан М. И. Обстоятельства, смягчающие наказание, в российском уголовном праве. Ростов н/Д, 2005. С. 21.

РАЗДЕЛ III.
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; КРИМИНАЛИСТИКА;
СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ;
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Л. Л. Абрамова

(Омская академия МВД России)

**Становление и развитие фактических оснований
для начала предварительного расследования
в отечественном законодательстве**

По результатам проведенного анализа источников отечественного уголовно-процессуального права различных исторических периодов представляется целесообразным выделить наиболее ключевые этапы эволюции нормативного регулирования фактических оснований для начала предварительного расследования.

Дореволюционный (до 1917 г.).

Обращаясь к Уставу уголовного судопроизводства 1864 г., можно усмотреть в тексте специальную терминологию о необходимости наличия «законного к тому повода и достаточного основания для начатия» предварительного следствия (ст. 289)¹. Применительно к содержанию основания употреблялась оценочная категория «достаточность» — «если судебный следователь в сообщении полицейских не найдет достаточных оснований к производству следствия, то немедленно сообщает о том прокурору или его товарищу» (ст. 309).

Советский период (1917–1991 гг.).

В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР (далее — УПК) 1922, 1923 гг. необходимыми условиями для начала производства по уголовному делу назывались повод и «наличие в заявлении указаний на состав

---

¹ Устав уголовного судопроизводства. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137> (дата обращения: 07.02.2021).

преступления»². В статье 108 УПК РСФСР 1960 г. содержание фактического основания для возбуждения уголовного дела звучало так: «только в тех случаях, когда имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления»³. При этом проверочная деятельность практически не была регламентирована, имелись лишь указания о необходимости до начала предварительного расследования принятия мер по сохранности следов преступления и устранению для подозреваемого возможности скрыться.

Постсоветский период (с 1991 г. — по н. в.).

В поиске оптимального пути развития была подготовлена Концепция судебной реформы в РСФСР от 24 октября 1991 г.⁴ Ее разработчики, описывая «системные пороки юстиции», критиковали сформировавшийся механизм проверки данных о преступлении. Обращаясь к центральному моменту эволюции, связанному с принятием УПК РФ 2001 г., следует признать, что содержание фактических оснований для начала предварительного расследования было сформулировано в нем как «наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления», однако критерии достаточности и категория «признаки преступления» в законе по-прежнему не определены⁵. При этом в ч. 1 ст. 144 устанавливалось прямое требование принять, проверить и разрешить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении. Однако правовой регламентации проверочных средств в первоначальной редакции УПК не содержалось. Предусматривалось лишь проведение осмотра места происшествия в случаях, не терпящих отлагательства. Но в то же время ч. 4 ст. 146 предписывала к постановлению о возбуждении уголовного дела, направляемому прокурору, прилагать материалы проверки, а в случае производства следственных действий — соответствующие протоколы и постановления. Допущенные в законе неопределенности не удовлетворяли потребности практики, притом что требования к проверке обоснованности возбуждения уголовных дел оставались прежними. Выход

---

² Об Уголовно-процессуальном кодексе : постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. (вместе с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О Концепции судебной реформы в РСФСР : постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

из сложившегося положения законодатель связал с идеей расширения средств познания. Так, в 2003 г. ст. 144 была дополнена требованием производства документальных проверок, ревизий и привлечением к их участию специалистов⁶. В 2007 г. полномочия прокурора, касающиеся самостоятельного принятия решения о возбуждении уголовного дела и дачи согласия на это, были упразднены⁷. 9 марта 2010 г. появляется право требовать исследования документов, предметов, трупов⁸. 28 декабря 2010 г. следователю предоставляется возможность давать органу дознания поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий⁹. В 2013 г. разрешается осмотр документов, предметов, трупов, получение образцов для сравнительного исследования, назначение судебной экспертизы, предпринята попытка процессуально легализовать получение объяснений, а также истребование и изъятие предметов и документов¹⁰. В октябре 2014 г. устанавливается особый режим проверки фактических данных и специальное основание для возбуждения уголовного дела о налоговом преступлении (заключение налогового органа)¹¹. Тем самым можно констатировать, что с 2013 г. механизм установления и оценки фактических оснований для начала предварительного расследования подвергся значительной трансформации. Указанное автоматически повлекло существенное завышение требований к объему фактических данных, необходимых

---

⁶ *О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации* : федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ *О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»* : федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ *О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации* : федеральный закон от 9 марта 2010 г. № 19-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия* : федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ *О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации* : федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ *О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации* : федеральный закон от 22 октября 2014 г. № 308-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

для принятия законного и обоснованного решения о начале предварительного расследования. Следует признать, что выявленные неопределенности норм, регулирующих обширный арсенал первоначальных средств познания, не позволили оптимизировать начальный этап досудебного производства, а наоборот, обострили вопросы обоснованности возбуждения уголовных дел.

Ю. А. Андриенко

(Омская академия МВД России)

О системном подходе к исследованию проблем обеспечения быстроты и полноты досудебного производства

Проблемы обеспечения следователем быстроты и полноты досудебного производства, как правило, становятся объектом рассмотрения в работах, посвященных исследованию отдельных аспектов уголовно-процессуальной деятельности, например, регулированию процессуальных сроков, реализации принципа разумного срока, совершенствованию некоторых процессуальных средств собирания доказательств, проблемам установления предмета доказывания и т. д. При этом вопросы быстроты и полноты чаще всего анализируются автономно друг от друга, без учета их тесной связи, взаимозависимости и взаимообусловленности.

Вместе с тем поиск оптимальных путей для разрешения вопросов, касающихся организации быстрого и полного исследования обстоятельств преступления, как представляется, связан с их комплексным рассмотрением и требует анализа различных уголовно-процессуальных институтов, на первый взгляд, лишь опосредованно влияющих на темпоральные и качественные характеристики досудебного этапа уголовного судопроизводства. И поскольку система уголовного процесса выступает как единая, внутренне организованная целостность¹, проблемы обеспечения быстроты и полноты нередко берут начало в тех аспектах уголовно-процессуальной деятельности, к которым, казалось бы, имеют лишь косвенное отношение, а их решение связано не только с необходимостью улучшения отдельных процессуальных механизмов, но и с повышением эффективности работы органов предварительного следствия в целом.

---

¹ Макарова З. В. Форма уголовного процесса // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 2. С. 7.

Исследования причин допускаемых следователями нарушений в досудебном производстве, в том числе волокиты, несоблюдения разумного срока, неполноты показывают, что пробелы в качестве расследования по указанным позициям обусловлены совокупностью факторов как субъективного характера (недостаточный профессиональный уровень, невыполнение необходимой работы по уголовному делу и т. д.), так и объективного (перегрузка должностных лиц, несовершенство нормативно-правового регулирования и др.)².

Решение рассматриваемых вопросов может обманчиво казаться простым, сводящимся к прописным истинам следственной работы о том, что «нужно расследовать быстро, не допуская промедлений; устанавливать обстоятельства преступления полно, объективно и всесторонне». Однако простая констатация этих требований едва ли приносит какую-либо пользу и ни на шаг не приближает следователя к решению важнейшей из возложенных на него задач, связанной с быстрым и полным расследованием³. В реальности проблема повышения качества досудебного производства остается нерешенной уже на протяжении многих лет, что дает основания сделать вывод о ее глубоком и системном характере.

Анализ вопросов правоприменения, а также собственный опыт практической деятельности позволяют утверждать, что в настоящее время особо уязвимыми для проявления процессуального «брака» в виде неполноты, волокиты и неоправданных задержек на этапе досудебного производства и одновременно обладающими большим потенциалом для оптимизации и совершенствования являются следующие аспекты уголовного процесса:

— *процедурное устройство досудебного производства*. Наиболее проблемным в рассматриваемом контексте представляется начальный этап досудебного производства, реализуемый в настоящее время в рамках стадии возбуждения уголовного дела. Полагаем, что действующая модель проверки сообщений о преступлениях не позволяет эффективно решать возложенные на нее задачи (быстрое реагирование на информацию, содержащую данные о признаках преступления, максимальная фиксация этих данных, создание условий для качественного расследования и разре-

---

² Баранов А. М., Мазунин Я. М. Причины нарушений законности в досудебном производстве // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 4(47). С. 3–6.

³ Гуляев А. П. Следователь в уголовном процессе. М., 1981. С. 3.

шения дела в суде; осуществление правозащитной функции)⁴ и поэтому нуждается в реформировании;

— *регламентация правоотношений следователя с иными участниками уголовного судопроизводства.* Особого внимания заслуживают отдельные проблемы, касающиеся злоупотребления участниками уголовного судопроизводства своими процессуальными правами и обеспечения следователя надлежащими средствами для противодействия этому явлению, а также вопросы оперативно-розыскного обеспечения досудебного производства и взаимодействия следователя с органами дознания;

— *нормативное регулирование и применение процессуальных средств доказывания.* В этой сфере наиболее существенными представляются вопросы научно-технического обеспечения досудебного производства, работы с цифровой информацией и ее электронными носителями, а также проблемы информационного обеспечения расследования;

— *реализация функционально-правового предназначения следователя.* По нашему мнению, значительная часть проблем, связанных с качеством предварительного расследования, в том числе в вышеперечисленных аспектах, напрямую связана с несоответствием текущего процессуального статуса следователя его истинной правовой природе. Возложение обвинительных функций с освобождением от обязанности осуществлять всестороннее, полное и объективное расследование, ужесточающийся ведомственный контроль, ограничение диспозитивных начал деятельности следователя ведут к умалению его процессуальной самостоятельности, следствием чего становится невысокое качество работы органов предварительного следствия.

Полагаем, что поиск оптимальных путей минимизации действия вышеперечисленных деструктивных моментов уголовно-процессуальной деятельности следователя позволит создать надлежащие условия для обеспечения оперативного и качественного досудебного исследования обстоятельств преступления.

---

⁴ Андреева О. И. О необходимости стадии возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 356. С. 110–112.

Т. Т. Баязитов

(Сибирский юридический университет, г. Омск)

Защита имущественных интересов подозреваемого, обвиняемого, заключенных под стражу

Уголовно-процессуальное законодательство РФ содержит нормы, направленные на защиту имущественных интересов подозреваемого, обвиняемого. Одна из них предусматривает обязанность следователя, дознавателя по обеспечению сохранности имущества и жилища лица, заключенного под стражу (ч. 2 ст. 160 УПК РФ). Данное положение имеет достаточно общий характер и не детализируется в последующих законодательных установлениях. По этой причине в правоприменительной деятельности возникают проблемы, связанные с ее реализацией. Понятия «жилище» и «имущество» предусмотрены в ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ). Между тем нельзя отрицать, что эти понятия имеют достаточно общий характер, поэтому в ряде случаев требуется учет отраслевого, гражданского законодательства, регулирующего имущественные отношения.

Очевидно, что лицо, заключенное под стражу, в значительной степени теряет возможность лично управлять своим имуществом. При этом защита частной собственности предусмотрена Конституцией РФ (ст. 35). Более того, анализ законодательства позволил прийти к выводу о том, что неисполнение следователем, дознавателем обязанности, связанной с обеспечением сохранности имущества лица, заключенного под стражу, может привести к наступлению гражданско-правовой ответственности (ч. 2 ст. 1070 Гражданского кодекса РФ). Сформулированная в ч. 2 ст. 160 УПК РФ норма не дает ответа на вопрос о том, что конкретно необходимо делать органам предварительного расследования для реализации указанного права. Наиболее распространенным является подход, предусматривающий передачу жилища и другого имущества в управление родственникам подозреваемого, обвиняемого¹. Вместе с тем такая возможность возникает не всегда.

В силу большого разнообразия имущества, его специфических особенностей либо других обстоятельств родственники не всегда могут взять на себя обеспечение сохранности ценностей, принадлежащих подозреваемому, обвиняемому, заключенным под стражу. В этом случае законодатель не предусматривает каких-либо алгоритмов действий правоприменителя.

---

¹ Дежнев А. С. Защита интересов семьи и несовершеннолетних в уголовном процессе России. Омск, 2009. С. 165–166.

Ориентиром в этом вопросе может служить порядок хранения вещественных доказательств (ст. 82 УПК РФ). Однако не во всех случаях соответствующий механизм может быть применен. В частности, обеспечение сохранности жилого дома может сопровождаться необходимостью его содержания и обслуживания. При отсутствии родственников подозреваемого, обвиняемого непонятно, кто готов взять на себя соответствующую функцию. В юридической литературе приводятся подходы, предусматривающие возможность передачи квартиры в управление жилищно-коммунальной организации², наблюдение за сохранностью жилища — органам внутренних дел³ и др. Однако указанные предложения не могут учесть весь спектр обстоятельств, возникающих при выполнении указанной функции. Например, встают вопросы о том, как обеспечить сохранность домашних животных либо подсобного хозяйства.

Обратившись к зарубежному опыту, мы видим, что в ч. 2 ст. 154 УПК Республики Казахстан закреплено следующее: «лицо, имущество которого осталось без присмотра в результате его содержания под стражей, а равно других действий органа, ведущего уголовный процесс, имеет право на присмотр за его имуществом и принадлежащими ему животными, который указанное должностное лицо обязано этому лицу обеспечить по его просьбе и за его счет. Поручения органа, ведущего уголовный процесс, организовать присмотр за имуществом лица и принадлежащими ему животными обязательны для соответствующих государственных органов и организаций»⁴.

Полагаем, что этот подход заслуживает положительной оценки. Решение обозначенной проблемы в УПК РФ видится в закреплении права собственника, находящегося под стражей, лично распорядиться своим имуществом. Гражданское законодательство содержит возможность заключения договора доверительного управления имуществом лица (ст. 1012 ГК РФ). Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» допускает участие подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, в гражданско-правовых сделках с разрешения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело (ст. ст. 17, 29).

---

² Цоколова О. И., Сурыгина Н. Е. Порядок заключения и содержания под стражей на стадии предварительного расследования. М., 2003. С. 38.

³ См., напр.: Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989. С. 197; Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997. С. 198.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗПК. URL: <https://adilet.zan.kz/docs/k1400000231> (дата обращения: 13.02.2021).

С учетом перечисленных обстоятельств считаем, что принятие мер по обеспечению сохранности имущества и жилища подозреваемого или обвиняемого, содержащихся под стражей, должно включать в себя не только его передачу другим лицам, но и возможность лично управлять своим имуществом через уполномоченных на это лиц⁵. Дополнительно следует учитывать, что предложенный вид управления собственностью должен осуществляться с учетом интересов доказывания, а также имущественных интересов потерпевшего или гражданского истца.

Д. В. Богатырев

(Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя)

Состав злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве

Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве по своей правовой природе напрямую связано с реализацией лицом своих процессуальных прав, что создает некоторые сложности при его выявлении. Наделяя тем или иным правом участника уголовного процесса, государство фактически устанавливает свободу реализации им его прав, что называется дискретностью права. Однако чрезмерная свобода реализации права может привести к тому, что своими действиями лицо будет ограничивать в правах или исполнении надлежащим образом обязанностей других участников уголовного судопроизводства, тем самым причиняя или стремясь причинить им вред, а также обществу и государству.

Конституция РФ в ст. 17 регламентирует, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Тем самым законодателем устанавливается презумпция добросовестности реализации права, однако, несмотря на указанную норму, уголовно-процессуальный закон не устанавливает меры предупреждения и пресечения злоупотребления правом, а потому на практике должностным лицам приходится пресекать такие факты самостоятельно доступными законными способами или не пресекать их вовсе.

В уголовно-процессуальном законе отсутствует термин «злоупотребление правом», однако в правоприменительной практике он используется и, кроме того, является весьма актуальным в науке. При этом следует учесть,

---

⁵ Дежнев А. С. Обеспечение сохранности имущества и жилища обвиняемого (подозреваемого), подвергнутого задержанию или заключению под стражу // Рос. следователь. 2010. № 11. С. 10–12.

что злоупотребление правом присуще не только уголовному судопроизводству, но и некоторым другим отраслям права. В качестве примера можно привести гражданское право, в котором на законодательном уровне, а именно в ст. 10 Гражданского кодекса РФ, закрепляется запрет на использование гражданских прав с намерением причинения вреда другому лицу.

Рассматривая состав злоупотребления правом, следует обратиться к теоретической базе смежной правовой категории, а именно — правонарушения. Рассматриваемые правовые явления имеют сходство по своей правовой природе, однако не являются идентичными, а потому мы полагаем, что состав злоупотребления правом будет иметь аналогичную структуру с правонарушением, имея различия лишь в некоторых моментах. Злоупотребление правом отличается от правонарушения наличием у лица субъективного права, которое используется им вопреки фактическому назначению и смыслу предоставленного ему права.

В юридической науке принято выделять следующие элементы состава правонарушения: объект, субъект, объективная сторона, субъективная сторона*. Проецируя указанные элементы на злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве, рассмотрим его состав.

Объектом в данном случае будут выступать общественные отношения, складывающиеся в сфере уголовного судопроизводства по поводу реализации участниками уголовного процесса предоставленных им прав.

Объективной стороной будет являться деяние, выраженное в форме действия, которое хотя и находится в правовом поле, но противоречит фактическому назначению лицом субъективного права, реализуемого им недобросовестно. При этом важно, чтобы в конкретный момент времени лицо обладало возможностью воспользоваться правом и имело на это основания.

Субъектом злоупотребления правом будет являться участник уголовного судопроизводства, наделенный соответствующим субъективным правом.

Субъективная сторона выражается в форме умысла — прямого или косвенного. В данном случае умысел лица направлен на реализацию собственных интересов, противоречащих фактическому назначению предоставленного ему права, при этом лицо желает наступления вредоносных последствий либо относится к ним безразлично.

---

* *Варпаев В. О.* Теоретические аспекты определения состава правонарушения // Актуальные проблемы права : мат-лы V междунар. науч. конф. (Москва, декабрь 2016 г.). М., 2016. С. 1–3.

В заключение отметим, что несмотря на очевидное сходство состава злоупотребления правом с составом правонарушения, не следует забывать о том, что лицо, злоупотребляя своим правом, не выходит за рамки его реализации, а значит и не нарушает рамки закона. Однако при этом злоупотребление правом является специфичным деянием, требующим квалификации, которая видится нам весьма затруднительной без общепринятого состава. А потому необходима законодательная и теоретическая база, которая позволит выявить и установить злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве.

К. О. Бойкова

(Омская академия МВД России)

К вопросу о назначении сроков досудебного производства по уголовным делам

Современный уголовный процесс характеризуется большим количеством различных сроков в досудебном производстве, начиная от сроков проверки сообщения о преступлении, сроков предварительного расследования, заканчивая сроками обжалования решений субъектов расследования.

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее — УПК РФ) назначение сроков не определено. В связи с этим в науке сформировались различные взгляды о целях сроков в досудебном производстве по уголовным делам.

Г. Б. Петрова в своем исследовании обозначила, что сроки играют роль механизма уголовно-процессуального регулирования и должны способствовать принятию своевременного процессуального решения¹. С точки зрения К. Ю. Хатмуллина, целями сроков являются исключение поспешности в расследовании преступлений и борьба с волокитой². И. В. Маслов определил назначением сроков своевременное выполнение назначения уголовного судопроизводства, соблюдение прав участников уголовного процесса³.

---

¹ Петрова Г. Б. Сроки как элемент правового регулирования в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 26 с.

² Хатмуллин К. Ю. Правовая природа процессуальных сроков в уголовном судопроизводстве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 4. С. 70–74.

³ Маслов И. В. Правовая регламентация уголовно-процессуальных сроков (досудебное производство) : монография. М., 2004. 160 с.

Наличие сроков в уголовном судопроизводстве вызвано требованиями объективной действительности при расследовании уголовных дел. Позиция законодателя, выразившаяся во введении большого количества временных рамок в уголовном процессе, понятна и обусловлена желанием обеспечить защиту прав и законных интересов участников уголовного процесса, а также создать единообразную уголовно-процессуальную форму. В практике правоприменения такой объем сроков порождает массу ошибок, совершаемых при производстве предварительного расследования, что негативно сказывается на его качестве. На международном уровне в рекомендациях Комитета министров Совета Европы от 17 сентября 1987 г., связанных с рационализацией досудебного производства, отмечается, что задержка в раскрытии преступлений ведет к дискредитации уголовного права и сказывается на надлежащем отправлении правосудия⁴.

В. В. Никольский в своем исследовании отметил увеличение норм, регламентирующих сроки досудебной стадии уголовного процесса, с 40 до 60 норм (согласно УПК РСФСР) до величины, превышающей 60 норм (УПК РФ)⁵. Злоупотребление временными ограничениями в деятельности органов предварительного расследования на практике привело к формализации досудебной стадии уголовного процесса, концентрации на внешней форме расследования преступлений по уголовным делам, отодвинув на второй план его содержание. Аналогичных научных воззрений придерживаются Б. Я. Гаврилов, В. Н. Кушнарев⁶.

Сроки обеспечивают минимизацию волокиты по уголовным делам со стороны субъектов, ведущих расследование, реализацию гарантий участников, что подтверждает их правообеспечительный⁷ характер, но часто являются препятствием для надлежащего и качественного расследования уголовных дел.

---

⁴ *Рекомендация* Комитета министров Совета Европы от 14 мая 1981 г. № R 7(81). URL: <https://base.garant.tu/2541415> (дата обращения: 21.01.2021).

⁵ *Никольский В. В.* О некоторых проблемах правового регулирования сроков досудебного производства // *Уголовное судопроизводство*. 2018. № 3. С. 28–33.

⁶ См., напр.: *Гаврилов Б. Я.* Современное досудебное производство и меры по его деформализации // *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России*. 2016. № 1(76). С. 9–20 ; *Кушнарев В. И.* Проблемы правового регулирования уголовно-процессуальных сроков стадии возбуждения уголовного дела // *Труды Академии управления МВД России*. 2016. № 3(39). С. 19–22.

⁷ *Никольский В. В.* Система гарантий обеспечения сроков досудебного производства по уголовным делам // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2019. № 2(127). С. 215–221.

В практике предварительного расследования продолжается тенденция необоснованного приостановления уголовных дел в целях экономии сроков расследования, продления сроков расследования по формальным основаниям, а также остается достаточное количество спорных вопросов у органов предварительного расследования в исчислении сроков досудебного производства. В целом указанные обстоятельства влекут нарушение процессуальных сроков.

Назначение сроков уголовного процесса на досудебной стадии широко освещено в научной литературе, что нельзя сказать об истоках их возникновения. Стоит отметить, что ни нормативно-правовые акты, ни научные исследования не объясняют и не рассматривают количественный аспект конкретного срока.

Если обратиться к истории уголовного процесса, то можно обнаружить две особенности: 1) «основные» сроки, регулирующие досудебное производство и производство в суде возникли в древности и при судебных реформах во время буржуазных революций; 2) «основные» сроки установлены протяженностью в одни, три, десять и тридцать суток (месяц). Выскажем предположение, что нынешняя традиция существующих сроков в период их установления была вызвана имевшимися правоотношениями.

Почему определенное количество часов, суток, месяцев установлено в законе для совершения какого-то конкретного процессуального действия (группы действий) либо принятия процессуального решения? Есть ли для этого объективные основания? Не пришло ли время для критической оценки установленных в законе сроков производства по уголовному делу и их пересмотра в связи с изменившимися общественными отношениями?

А. А. Бондаренко

(Омская академия МВД России)

Выделение в отдельное производство уголовного дела или его материалов при установлении в ходе предварительного расследования нового преступления

В ходе предварительного расследования нередко устанавливается преступление, по признакам которого уголовное дело не возбуждалось. Для таких ситуаций, когда вновь выявленное преступное событие не связано с тем, которое уже расследуется, в уголовно-процессуальном

законодательстве предусмотрено два решения, позволяющие разделить уголовно-процессуальную деятельность по разным производствам.

Следователь (дознатель) вправе выделить из уголовного дела в отдельное производство другое уголовное дело в отношении иных лиц, подозреваемых, обвиняемых в совершении преступления, не связанного с деянием, вменяемым в вину по расследуемому уголовному делу, когда об этом становится известно в ходе предварительного расследования (п. 3. ч. 1 ст. 154 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ)).

Кроме того, в ст. 155 УПК РФ регламентировано решение о выделении в отдельное производство материалов уголовного дела, если в ходе предварительного расследования становится известно о совершении иными лицами преступления, не связанного с расследуемым преступлением, и направлении выделенных материалов для принятия решения в соответствии со ст. ст. 144 и 145 УПК РФ: следователем — руководителем следственного органа, дознавателем — начальнику органа дознания.

Процессуальные решения о выделении уголовного дела или материалов в отдельное производство имеют похожую фактическую основу — это установление нового, т. е. не связанного с расследуемым преступления. Возникает закономерный вопрос: каково соотношение обозначенных решений о разделении производств?

Е. И. Жидковой высказано мнение о том, что основным критерием разграничения служит наличие либо отсутствие по конкретному эпизоду либо факту совершения преступного деяния процессуального решения о возбуждении уголовного дела. При его наличии производится выделение уголовного дела, при отсутствии — выделение материалов уголовного дела*. Позиция автора основана на классическом подходе, в соответствии с которым пределы производства по уголовному делу формируются только актом возбуждения уголовного дела. Это исключает исследование в ходе предварительного расследования обстоятельств, не имеющих связи с преступлением, по признакам которого возбуждено уголовное дело.

Вместе с тем формулировка основания выделения уголовного дела по новому преступлению подразумевает установление отсутствия его взаимосвязи с тем преступным событием, по которому возбуждалось основное уголовное дело. Выяснение же указанного обстоятельства сопровождается полноценным доказыванием по каждому из преступлений. Само полномочие выделить уголовное дело в отдельное производство по любому из оснований является дискреционным, дающим возможность

---

* Жидкова Е. И. Курс уголовного процесса / под ред. проф. Л. В. Головки. М., 2017. С. 669.

следователю (дознавателю) дать оценку полученным фактическим данным на более поздних этапах расследования. Кроме того, положения ч. 2 ст. 154 УПК РФ прямо предписывают одновременно с решением о выделении в отдельное производство уголовного дела для расследования нового преступления или в отношении нового лица принимать решение о возбуждении нового уголовного дела. Срок предварительного расследования при этом исчисляется со дня выделения и возбуждения уголовного дела (ч. 6 ст. 154 УПК РФ). Таким образом, анализ нормативного регулирования позволяет говорить о том, что законодатель все-таки допускает фактическое возникновение нового уголовного дела в границах того уголовного производства, из которого оно может быть выделено. По крайней мере, расследование новых обстоятельств ведется в рамках основного уголовного дела.

Однако при этом не совсем понятна императивность нормативного регулирования другого процессуального решения — выделение материалов уголовного дела в отдельное производство в связи с установлением преступления, не связанного с расследуемым преступным событием (ст. 155 УПК РФ). В одной ситуации следователь (дознаватель) может принять решение по итогам предварительного следствия, в другом же случае он вправе только зафиксировать информацию о новом преступлении и обязан направить материалы с этими сведениями руководителю следственного органа для поручения предварительной проверки в порядке ст. ст. 144 и 145 УПК РФ.

Кроме того, сложно говорить о четкости нормативного регулирования выделения одного уголовного дела из другого. Если должностное лицо должно принять решение о возбуждении нового уголовного производства, то можно ли говорить о том, что выделяется именно уголовное дело?

Также, на наш взгляд, не совсем справедливо положение УПК РФ об исчислении срока предварительного расследования с момента выделения уголовного дела по новому преступлению (ч. 6 ст. 154 УПК РФ). Само основание разделения производств и необходимость возбуждения нового уголовного дела подразумевает начало фактической обвинительной деятельности до принятия соответствующего решения. Можно высказать мнение об исчислении срока предварительного расследования с момента фактического начала уголовного преследования по конкретному факту.

Выявленная коллизия нормативного регулирования процессуальных решений, имеющих одну и ту же фактическую основу, не приводит к стабильности правоприменительной практики и требует внимания законодателя.

С. Б. Буламбай

(Омская академия МВД России)

Совершенствование правовой регламентации судебных запретов при применении мер уголовно-процессуального принуждения

Внесение Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ* ряда изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее — УПК РФ) свидетельствует о поиске законодателем разумного баланса применяемых в ходе производства по уголовным делам ограничительных мер при избрании мер пресечения с точки зрения их достаточности для достижения назначения уголовного судопроизводства. Это касается такой меры пресечения, как запрет определенных действий (ст. 105¹ УПК РФ), которая подняла вопросы ее применения в уголовном судопроизводстве. Учитывая непродолжительный период ее действия, проблеме посвящено небольшое количество работ, а судебная практика немногочисленна.

Несмотря на это, определенный опыт применения похожей меры имеется в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан (далее — РК). Так, согласно ст. 165 УПК РК судья может санкционировать запрет на приближение. Эта норма ограничивает подозреваемого, обвиняемого и подсудимого в розыске, преследовании, посещении, телефонных переговорах и иных способах общения с потерпевшим.

В законодательстве РФ рассматривается более широкий спектр ограничительных действий. Например, суд с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого, фактических обстоятельств уголовного дела и представленных сторонами сведений может избрать меру пресечения в виде запрета некоторых действий: выхода в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, нахождения в определенных местах, посещения определенных мероприятий и участия в них, общения с определенными лицами, отправления и получения почтово-телеграфных отправок, использования средств связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет (ст. 105¹ УПК РФ), управления автомобилем или иным транспортным средством.

Правовой механизм реализации указанных судебных запретов имеет проблемный характер как по УПК РФ, так и по УПК РК. Значительное

---

* *О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста* : федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

количество решений и процессуальных действий в этой сфере выполняется без опоры на ясные предписания законодателя. В этих условиях их эффективность остается невысокой.

Запрет на приближение либо на определенные действия выступает одной из мер, которая была принята с течением времени и обстоятельств, с учетом требований современного общества. Цель вносимых в законодательство новелл, в первую очередь, предотвращение нарушения прав личности, безопасность и чувство уверенности, что они ограждены от посягательств в течение определенного времени. В основном запреты распространяются на близких людей и нередко возникают в близких отношениях, где одна из сторон пытается обезопасить себя от поведения другой.

Рассмотрим семейные отношения, когда один из супругов пытается причинить физическое либо психологическое насилие в отношении другого супруга.

Разбирая эту ситуацию и говоря о семье и семейных отношениях, нужно понимать, что часто насильственные действия имеют длительный характер, а в случае обращения в правоохранительные органы жертве насилия приходится длительно доказывать и сам факт насилия.

Во многих случаях бытового насилия нуждающиеся в защите делят общую жилплощадь с правонарушителями. При применении запрета на определенные действия либо на приближение суду необходимо предусмотреть не только сферу применения, но и условия применения этих норм.

Так, в случае наложенного на правонарушителя запрета на общение или приближение у последнего может не оказаться дополнительного жилья либо материальной возможности арендовать его, что создаст некоторый прецедент.

Отсюда возникает вопрос, насколько далеко должно распространяться действие запрета. Причем чем больше это расстояние, тем больше оно ограничивает права лица, на которое наложен запрет.

Одним из проблемных вопросов является также применение полного либо частичного запрета на определенные действия, приближение.

Например, в случае отсутствия ограничения в отношении детей любой из родителей имеет право видеть своего ребенка без ограничения.

Говоря о правах любого из родителей, нельзя, чтобы в результате применения запрета на приближение один из родителей остался в стороне от воспитания. В таких ситуациях суд может определить исключение из запрета, в связи с чем предполагается возможный контакт защищаемого лица с лицом, на которое наложен запрет, что затрудняет сферу его исполнения.

Достаточно разнообразный спектр обстоятельств, требующих оценки в рамках данной сферы правового регулирования, влечет необходимость их дальнейшего изучения и научного осмысления, выработки научно обоснованных рекомендаций для различных сторон правового конфликта.

Р. Р. Валюлин

(Омская академия МВД России)

Влияние постановления Правительства РФ на решение вопроса о содержании под стражей подозреваемого, обвиняемого в порядке ч. 1¹ ст. 110 УПК РФ

В соответствии с ч. 1¹ ст. 110 Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее — УПК РФ) заключение под стражу как мера пресечения изменяется на более мягкую в случае выявления у подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей. Заболевание должно быть удостоверено медицинским заключением, выносимым по результатам медицинского освидетельствования.

Уголовно-процессуальным законом предусмотрено, что перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, порядок их медицинского освидетельствования и форма медицинского заключения утверждаются Правительством РФ.

Использование в данных целях постановления Правительства РФ — принятая практика. Так, по разделу 4 УПК РФ, регулирующему применение мер процессуального принуждения включая упомянутое, их принято три. Оставшиеся определяют перечень и порядок использования аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля (ч. 11 ст. 105¹ УПК РФ), порядок оценки содержания предмета залога, указанного в ч. 1 ст. 106 УПК РФ, управления им и обеспечение его сохранности (ч. 3 ст. 106 УПК РФ). Обойтись без утвержденных Правительством РФ решений достаточно сложно, потому что большинство регулируемых ими положений не имеет прямого отношения к уголовному процессу и не должно находиться в УПК РФ. Они, как правило, касаются деятельности самостоятельных министерств, в данном случае — Министерства здравоохранения РФ и Министерства юстиции РФ, а дать им соответствующие поручения и составляет прерогативу Правительства РФ.

Постановлением от 14 января 2011 г. № 3 «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений», принятым в соответствии со ст. 110 УПК РФ, перечисленные документы были утверждены Правительством РФ.

Перечень и форма медицинского заключения не содержат положений, относящихся к уголовно-процессуальному праву. Порядок медицинского освидетельствования изложен в правилах медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений. Они регламентируют основания производства медицинского освидетельствования; возможные решения, принимаемые по рассматриваемому заявлению (ходатайству); сроки рассмотрения заявления (ходатайства), сроки направления подозреваемого (обвиняемого) на медицинское освидетельствование после принятия соответствующего решения и сроки производства самого освидетельствования; уведомление о принятии соответствующих решений.

Их отдельные положения можно охарактеризовать как близкие к уголовно-процессуальным. В частности, когда лицо (орган), в производстве которого находится уголовное дело, либо начальник места содержания под стражей рассматривает заявление или ходатайство о направлении на медицинское освидетельствование; принимает решение о направлении для его производства подозреваемого или обвиняемого или отказе об этом; уведомление подозреваемого, обвиняемого, его законного представителя и защитника о результатах исследования; возможность обжалования отказа в соответствии с установленным законодательством РФ.

О близости отдельных положений постановления Правительства РФ к уголовно-процессуальным отношениям свидетельствует практика правоприменительной деятельности. Из определения Конституционного суда РФ от 3 июля 2014 г. № 1484-О однозначно следует, что гарантированное Конституцией РФ право лиц, содержащихся под стражей, на охрану здоровья и медицинскую помощь обеспечивается должностными лицами, ведущими производство по уголовному делу, и администрацией места содержания под стражей. Исполнение этой публично-правовой обязанности государственные органы и их должностные лица должны обеспечивать соответствующими процессуальными средствами¹.

---

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гродецкого Владимира Павловича на нарушение его конституционных прав частью первой.1 статьи 110 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 2014 г. № 1484-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

На принадлежность к уголовно-процессуальным правоотношениям ряда правил обращают внимание Б. Б. Булатов и В. В. Николук². Более того, на страницах юридической литературы обсуждается вопрос о возможном отнесении постановлений Правительства РФ при определенных условиях к источникам уголовно-процессуального права. В их числе называют следующие: постановление должно быть прямо предусмотрено нормами УПК РФ, не противоречить ему и обязательно быть официально опубликовано³.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. Положения постановлений Правительства РФ применяются в уголовно-процессуальной деятельности в случаях, когда это прямо предусмотрено в УПК РФ.

2. Прерогативой Правительства РФ является регулирование правовых отношений, в которых участвуют подчиненные ему министерства.

3. Нуждается в дальнейшем изучении вопрос об отнесении постановлений Правительства РФ к источникам уголовно-процессуального закона.

Е. В. Герасименко

(Омская академия МВД России)

Реализация права на получение квалифицированной юридической помощи в оперативно-розыскной деятельности

Право на получение квалифицированной юридической помощи имеет конституционное происхождение и предусмотрено ст. 48 Конституции РФ. В ходе анализа существующего правового механизма, обеспечивающего возможность его реализации при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ), мы сталкиваемся с достаточно дискуссионным вопросом соотношения двух, на первый взгляд, противоречивых правовых дефиниций, а именно конституционного права человека на получение квалифицированной юридической помощи и законодательно закрепленной возможности негласного проведения ОРМ оперативно-розыскными органами.

---

² Булатов Б. Б., Николук В. В. Медицинское освидетельствование обвиняемого для установления заболевания, препятствующего содержанию его под стражей // *Законы России*. 2020. № 7. С. 63–69.

³ *Ильютченко Н. В.* Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М., 2017. С. 254–255.

Представляется очевидным, что в процессе осуществления как гласных, так и негласных ОРМ должно быть обеспечено соблюдение конституционных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Как справедливо отметил А. Е. Чечётин, обеспечивая защиту личности и общества от преступных посягательств путем проведения предусмотренных Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД) ОРМ, необходимо соблюдать при этом неотъемлемые, т. е. не подлежащие ограничению конституционные права всех участников оперативно-розыскных отношений, в том числе и правонарушителей¹.

Полагаем, что любое лицо, попавшее в сферу оперативно-розыскных правоотношений и предполагающее, что действия оперативных подразделений государственных органов могут привести к необоснованному ограничению его прав, свобод и законных интересов, имеет право на получение квалифицированной юридической помощи. С учетом специфики современного правового регулирования в этой сфере считаем, что в Российской Федерации субъектом, способным оказывать юридическую помощь в ходе оперативно-розыскных правоотношений, является исключительно адвокат. Однако при проведении в отношении лица негласных ОРМ, когда сам факт осуществления таких мероприятий является тайным, привлечение адвоката не представляется возможным и необходимым условием. Невозможность лица воспользоваться помощью адвоката при проведении негласных ОРМ, по нашему мнению, не будет нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина и не повлечет за собой абсолютной правовой незащищенности, учитывая предусмотренные законодателем механизмы восстановления нарушенных прав путем обжалования действий должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в вышестоящий орган, осуществляющий указанную деятельность, прокурору или в суд, что предусмотрено ст. 5 Закона об ОРД.

Кроме того, актуальным представляется вопрос определения момента вовлечения адвоката в оперативно-розыскные правоотношения. По нашему мнению, разрешение указанного вопроса возможно путем правового регулирования участия адвоката в Законе об ОРД.

---

¹ Чечётин А.Е. Актуальные проблемы обеспечения прав личности в оперативно-розыскной деятельности уголовного розыска // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1(49). С. 126.

Исследователи неоднократно уделяли внимание некоторым аспектам рассматриваемой проблемы². Нам наиболее близка позиция В. А. Лаврентьева и С. М. Луговича, которые отмечают необходимость введения в Закон об ОРД дополнительных норм, регулирующих правовое положение всех участников оперативно-розыскных правоотношений (*включая адвоката*), посредством закрепления положений, раскрывающих права и обязанности, правовые гарантии деятельности, ответственность, пределы самостоятельности при принятии решений, порядок их вступления в оперативно-розыскные правоотношения и других элементов их правового статуса³.

Учитывая приведенные доводы, считаем, что в настоящее время механизм реализации права на получение квалифицированной юридической помощи при вовлечении лица в оперативно-розыскные правоотношения нормативно не урегулирован. В целях обеспечения возможности его эффективного практического осуществления необходимым представляется детальная регламентация указанного вопроса в нормативных правовых актах, в том числе в Законе об ОРД.

В. Е. Дивольд

(Омская академия МВД России)

Использование результатов картографического анализа о состоянии преступности

Применение в деятельности МВД России географических информационных систем для анализа и прогнозирования преступности в силу различных причин пока не находят своего широкого применения. Вместе с тем технологии картографического анализа в пресечении, раскрытии и расследовании преступлений активно используются в полицейских структурах других государств. При этом определение общих

---

² См., напр.: *Чуркин А. В.* Участие адвоката в оперативно-розыскной деятельности требует законодательного решения. URL: <https://ordrf.ru/wp-content/uploads/2018/09/Статья-А.В.-Чуркина-2014-г.pdf> (дата обращения: 23.02.2021) ; *Семенов В. А.* О возможности участия адвоката в гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятиях // *Юридический вестник Кубанского государственного университета.* 2018. № 3. С. 26.

³ *Лаврентьев В. А., Лугович С. М.* Законодательное закрепление правового положения участников оперативно-розыскных правоотношений — направление совершенствования правового регулирования оперативно-розыскной деятельности // *Оперативно-розыскное право.* 2020. № 1. С. 50–53.

тенденций через наглядное отражение результатов криминологической статистики — не единственная и далеко не самая важная часть задач геоанализа. Гораздо более информативным и полезным в данной технологии является исследование комплексных связей, взаимозависимость преступления и окружающей среды, характера преступления и поведения лица. Картографические методы позволяют обнаруживать связи между различными криминальными, территориальными и демографическими факторами.

При проведении такого анализа целесообразно обращать внимание на те места и то время, где и когда преступления совершаются чаще, и соответственно, существует большая вероятность задержания преступника либо в момент совершения преступления, либо сразу же после его совершения.

Современные картографические системы позволяют включать в себя неограниченное количество слоев, каждый из которых может содержать информацию о любых объектах, содержащих территориальную характеристику, такую как адрес, географические координаты, протяженность, площадь. Причем каждому объекту может быть сопоставлена запись из базы данных, например, информация из ведомственных учетов о совершенном преступлении.

Картографической системой может выводиться как общая схема населенного пункта, так и подробная схема отдельных участков местности. Для большей информативности в качестве одного из слоев карты возможно включение в схему спутниковых фотографий местности. Такие снимки могут позволить более точно представить схему местности и ее пораженные участки, например, лесопарковые зоны, гаражные кооперативы, стоянки автотранспорта. Ощутимый эффект электронные снимки земной поверхности дают при раскрытии преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, так как позволяют оперативно выявлять и уничтожать посевы наркосодержащих растений, пресекать преступления по уничтожению и повреждению лесов, незаконной добыче и контрабанде ценных видов животных и растений, угонах автотранспорта и др.

Картографический анализ преступности начинается с составления списка зарегистрированных преступлений, подлежащих изучению. Таким образом формируется база данных об изучаемых преступлениях, из которой в дальнейшем автоматически создаются дополнительные слои в схеме карты, в зависимости от условий анализа. Геоинформационная система позволяет осуществлять отбор сведений из базы данных изуча-

емых преступлений и дальнейший их анализ по различным критериям, в том числе по видам преступлений, способам их совершения, предмету преступного посягательства, распределению по территориальному, временному признаку. Например, вывод в отдельные слои мест концентрации зарегистрированных грабежей в отношении определенного типа предметов, распределенных по времени суток, дням недели и времени года.

Результатом такого исследования могут стать предложения об усилении наружных нарядов, о приближении маршрутов патрулирования к местам концентрации преступлений и проведение дополнительных мероприятий в указанных районах в выявленные периоды времени.

Также возможно использование выводов о серийности преступлений и приметах преступника при конкретных разработках лиц, обрабатываемых на причастность к совершению этих преступлений, в том числе уже задержанных за аналогичные преступления.

Применять картографию целесообразно и при розыске без вести пропавших; лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания; лиц, которые в силу возраста или состояния здоровья не могут сообщить сведения о себе, создавая из имеющихся данных о лицах отдельный слой.

Кроме создания слоев с выборками определенного вида преступлений рационально выносить на карту слои с нанесенными маршрутами патрулирования, местонахождением стационарных, пеших, мобильных постов полиции. Немаловажно для проведения анализа и применение слоев с нанесением мест нахождения увеселительных и развлекательных заведений, банкоматов, круглосуточных алкогольных магазинов, притонов. Эти сведения при комплексном изучении помогут подтвердить или опровергнуть выдвинутую гипотезу, наглядно продемонстрировать причину концентрации преступности на отдельных участках местности и своевременно создать условия для планирования мероприятий по их профилактике.

Подобный анализ позволяет демонстрировать динамику изменения оперативной обстановки в зависимости от ранее принятых действий, а также принимать взвешенные управленческие решения.

Е. Ю. Дорош

(Омская академия МВД России)

Основания применения мер принуждения при проведении оперативно-розыскных мероприятий

Одним из актуальных вопросов, стоящих перед сотрудниками оперативных подразделений при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ), является проблема оснований применения мер принудительного характера, необходимость в которых возникает для обеспечения их проведения. Основания применения мер государственного принуждения можно разделить на *фактические*, под которыми мы понимаем какой-либо факт, а именно правонарушение, иные обстоятельства, указывающие на необходимость их предотвращения или защиты нарушенного права, законного интереса, и на *юридические* основания, представляющие собой соответствующую правовую норму (санкцию или диспозицию), указывающую на меру принуждения.

По нашему мнению, фактическим основанием применения мер государственного принуждения могут быть как совершенное правонарушение, так и возникновение иных нежелательных для общества и государства правовых аномалий. Меры оперативно-розыскного принуждения направлены прежде всего на обеспечение проведения ОРМ, следовательно, основания их применения будут коррелироваться с основанием проведения конкретного ОРМ. Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» определены следующие основания проведения ОРМ: наличие сведений, фактических данных о совершении деяния, имеющего признаки преступления, о событиях или действиях, которые могут представлять угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности (ст. 7)¹. При этом законодателем не ограничены источники появления таких данных, и они могут быть получены в результате проведения других ОРМ, из конфиденциальных источников и т. д. Таким образом, можно сделать вывод, что для проведения ОРМ, а следовательно, и для применения мер оперативно-розыскного принуждения, достаточно лишь предположения, которое может носить характер версии относительно подготовки или совершения преступления, а также о наличии отдельных признаков, указывающих на такие деяния либо на лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. Нужно учитывать, что лица, в отношении которых проводятся ОРМ, как прави-

---

¹ Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ло, не имеют процессуального статуса подозреваемых или обвиняемых и применение мер принуждения не всегда связано с совершением ими преступлений, тем более мы говорим лишь о сведениях или информации о противоправных действиях, которые нередко не проверены должным образом и часто не находят своего подтверждения. Исходя из этого меры оперативно-розыскного принуждения должны применяться лишь при действительном или реально возможном проявлении препятствий для проведения ОРМ. Меры принуждения могут быть применены и к иным лицам, вовлекаемым в проведение ОРМ, не являющимся проверяемыми или разрабатываемыми (например, при оцеплении, блокировке участков местности, при прерывании услуг связи и др.). При этом при наличии доброй воли подчиниться законным требованиям сотрудников оперативных подразделений лицо, вовлекаемое в ОРД, может и не подвергаться каким-либо принудительным мерам воздействия. Вместе с тем сотрудники оперативных подразделений должны рассматривать возможность оказания какого-либо противодействия в будущем и иметь возможность применить превентивные меры (например, личный досмотр в целях обеспечения личной безопасности и др.).

Таким образом, мы приходим к выводу, что фактическим основанием применения мер принуждения при проведении ОРМ является как возможное совершение преступления, так и возникновение иных, нежелательных для общества, государства, а также должностных лиц правоохранительных органов правовых аномалий (отклонений), а равно наличие сведений о реальной угрозе возникновения таких действий в будущем. Возможность применения мер оперативно-розыскного принуждения как при совершении правонарушений, так и при угрозе их совершения говорит об их универсальном характере, что позволяет эффективно решать задачи ОРД.

Другим аспектом рассматриваемого нами вопроса является юридическое основание применения мер принуждения, под которым мы понимаем указание на соответствующую меру в правовой норме. Как справедливо отмечает Ф. М. Кудин, «Государственное принуждение, прежде всего, характеризуется урегулированностью правом, представляющим нормативную основу данного вида принудительного воздействия»². При этом законодательная неурегулированность принуждения в ОРД является препятствием законному применению ряда принудительных мер. Считаем, что рассмотренная проблематика требует четкой формулировки предложений по изменению законодательства РФ.

---

² Кудин Ф. М. Принуждение в уголовном судопроизводстве. Красноярск, 1987. С. 7.

М. А. Дударева

(Омская академия МВД России)

Актуальные вопросы совершенствования порядка защиты сведений о частной жизни человека в уголовном процессе

Развитие цифровых технологий, бесспорно, создает ряд преимуществ в разных сферах жизни человека. В то же время ускоренная цифровая трансформация общества приводит к тому, что все чаще нарушаются права граждан, связанные с неприкосновенностью частной жизни. Современные технологии в сфере коммуникации не позволяют в полной мере обеспечить тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Несанкционированный доступ к сетям связи относится к числу глобальных проблем современности. Если говорить об официальной статистике, то применительно к производству по уголовным делам за 6 месяцев 2020 г. поступило 239 712 ходатайств об ограничении прав, касающихся тайны переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений, из которых 239 369 было удовлетворено. Подобная ситуация складывается с ходатайствами о производстве выемки предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях, и с ограничением конституционных прав граждан на неприкосновенность жилища^{*}. Совокупность указанных факторов формирует риски для произвольного, нерегулируемого ограничения интересов физических и юридических лиц в рассматриваемой сфере.

Право гражданина на конфиденциальность сведений о его частной жизни в ходе производства по уголовным делам ограничено определенными правилами. Положения, закрепленные в ст. ст. 23 и 24 Основного закона РФ, как раз направлены на защиту частной жизни человека, к которой мы также относим и сведения, касающиеся его персональных данных. Вместе с тем в отраслевом уголовно-процессуальном законодательстве этот вопрос не раскрыт. Так, понятие «частная жизнь» упоминается в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее — УПК РФ) всего два раза (ч. 3 ст. 161, ч. 7 ст. 182). К тому же многие вопросы из этой сферы правового регулирования оказались рассредоточенными в системе принципов уголовного процесса, других разделах УПК РФ. Нельзя не обратить внимания на то, что ряд аспектов, касающихся рассматриваемого вопроса, имеют межотраслевое регулирование. Это обстоятельство приводит

---

^{*} URL: <http://www.cdep.ru/index.php> (дата обращения: 26.03.2021).

к тому, что уголовно-процессуальное законодательство отстает от меняющегося формата общественных отношений. Пандемия подтолкнула государство к ускоренной цифровой трансформации многих сфер жизни, и вопросы, связанные с защитой конфиденциальных данных, приобрели в последнее время особую актуальность.

Следует констатировать, что до настоящего времени не выработано единого подхода, определяющего пределы вторжения в частную жизнь при производстве по уголовным делам, и мер по защите соответствующих сведений. Вмешательство и возникающие при этом риски, касающиеся разглашения сведений о личных и семейных тайнах человека, могут быть связаны с проведением следственных и других процессуальных действий. В процессе доказывания при ознакомлении с материалами дела нередко конфиденциальные сведения об участниках уголовного судопроизводства становятся известными не только представителям правоохранительных органов, но и иным задействованным в рамках расследования субъектам. Имеется реальная возможность утечки сведений о частной жизни гражданина третьим лицам. Такая угроза может негативно сказаться не только на эффективности расследования, но и создаст предпосылки для незаконного распространения данных о частной жизни человека.

Указанные обстоятельства приводят к необходимости тщательной проработки также и блока уголовно-процессуальных норм, направленных на обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства. Нельзя упускать из виду достаточно чувствительную сферу, касающуюся отношений среди несовершеннолетних и лиц, страдающих определенными заболеваниями. Их персональные данные, а также ряд обстоятельств частной жизни нуждаются в повышенной защите.

Считаем, что следует закрепить на законодательном уровне понятие «частная жизнь», прописав его в ст. 5 УПК РФ. Целесообразно отразить в законе примерный перечень того, что будет входить в это понятие, а также средства и способы защиты указанной сферы при производстве по уголовным делам. Это относится к сведениям, полученным в ходе предварительной проверки сообщения о преступлении. Соответствующее правовое регулирование должно учитывать современные технологические способы получения и распространения информации. Реализация этих предложений будет способствовать повышению качества расследования уголовного дела и более ответственному отношению должностных лиц к вопросам получения, хранения и распространения данных о частной жизни человека.

А. А. Еркалов

(Омская академия МВД России)

Акты применения норм оперативно-розыскного права

Оперативно-розыскная деятельность (далее — ОРД) достаточно многообразна, состоит в проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) и принятии управленческих решений компетентными должностными лицами государственных органов как в гласной, так и в негласной форме.

Так, решения и действия компетентных лиц, управомоченных на осуществление ОРД, а также их письменные документы могут именоваться оперативно-розыскными правоприменительными актами.

В теории права тема индивидуальных правоприменительных актов раскрыта достаточно широко, имеются различные точки зрения ученых-юристов о понятии, классификациях, признаках правоприменительных актов.

Указанная тематика исследовалась такими учеными, как Г. Ф. Шершеневич, Н. И. Матузов, Е. В. Васьковский, С. С. Алексеев, А. Ф. Шебанов, П. Е. Недбайло и др. Из анализа их точек зрения можно сделать вывод, что существует ряд характерных особенностей, присущих правоприменительному акту.

Например, А. В. Константинов приводит достаточно широкий перечень характерных особенностей актов правоприменения в общей теории права¹.

Современные исследователи путем анализа черт, свойственных правоприменительным актам в теории права, вырабатывают понятия и признаки отраслевых правоприменительных актов.

М. П. Пронина, исследуя вопросы правоприменения в уголовно-правовом поле, приходит к выводу, что «правоприменительный акт представляет собой формализованное нормативно-правовое предписание, принимаемое по конкретному делу, носящее государственно-властное, персонифицированное решение специально уполномоченного органа, направленное на урегулирование юридического дела»². К. В. Муравьев, анализируя характерные черты уголовно-процессуальных правоприменительных актов, отмечает, что «под уголовно-процессуальными актами понимаются акты-документы (а), процессуальные действия (б) и процес-

---

¹ Константинов А. В. Административно-правовая сущность актов применения норм права // Наука, техника и образование. 2015. № 10. С. 176–180.

² Пронина М. П. Особенности правоприменения в уголовном законе // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4. С. 197.

суальные решения (в), а уголовное судопроизводство представляет собой деятельность по применению норм уголовно-процессуального закона»³.

В то же время вопрос правоприменительных актов в оперативно-розыскной деятельности остается малоизученным. Какие-либо фундаментальные исследования по этой тематике отсутствуют.

Так, С. И. Гирько, В. Ф. Луговик, В. А. Гусев в своей научной статье приводят достаточно аргументированную позицию о том, что оперативно-розыскное право — это самостоятельная отрасль права, имеющая собственный предмет и метод правового регулирования⁴. В исследовательской работе М. С. Десятова вопросы применения норм в оперативно-розыском праве более конкретизированы, определено собственное понятие актов правоприменения в оперативно-розыскной деятельности⁵.

Полагаем, что в связи с законодательной регламентацией оперативно-розыскной деятельности появилась возможность теоретического рассуждения о природе применения норм оперативно-розыского права, в том числе о понятии и признаках актов правоприменения в ОРД.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что существующие точки зрения об актах правоприменения как в общей теории права, так в отраслях права не затрагивают ту специфику, которая свойственна правоприменительным актам в ОРД.

К особенностям в первую очередь относится то, что ОРД носит как гласный, так и негласный характер. При этом, независимо от формы ее проведения, должностные лица органов, осуществляющих данную деятельность, формируют акты правоприменения в виде действий, решений и документов, влекущих за собой юридически значимые последствия.

В дальнейшем еще предстоит конкретизировать, какие из всего многообразия действий, решений и документов в ОРД причисляются к правоприменительным актам, а какие носят только процедурный характер.

В настоящее время акты правоприменения в оперативно-розыском праве можно представить в следующей классификации:

- гласные;
- негласные с отсрочкой;
- полностью негласные.

---

³ Муравьев К. В. Уголовно-процессуальные правоприменительные акты // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 2. С. 77.

⁴ Гирько С. И., Луговик В. Ф., Гусев В. А. О правоотношениях, процедурах и оперативно-розыском праве // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4. С. 19–25.

⁵ Десятов М. С. Акты правоприменения в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 2. С. 126.

По нашему мнению, классификация раскрывает специфику актов правоприменения в ОРД, так как акты-действия, акты-решения и акты-документы могут быть изначально гласными, не содержащими в себе конфиденциальных данных; негласными, но в последующем, при наступлении законных оснований, предаваться гласности; полностью негласными, которые нет необходимости предавать гласности.

Д. В. Зенькин

(Омская академия МВД России)

Ведомственный контроль за соблюдением законности при производстве по делам оперативного учета

Учитывая специфику оперативно-розыскного производства по делам оперативного учета (далее — ДООУ), которая заключается только в негласной форме ее реализации, можно утверждать, что она требует особого контроля со стороны руководителей органов, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД).

Ведомственный контроль за ОРД представляет собой управленческую функцию руководителей органов, осуществляющих ОРД, по обеспечению законности действий должностных лиц оперативных подразделений, реализующих цели и задачи этой деятельности, эффективного применения сил и средств ОРД, прав и свобод человека и гражданина¹. Таким образом, ведомственный контроль за производством по ДООУ ведется в двух направлениях:

- 1) обеспечение законности данного вида деятельности;
- 2) контроль за ее организацией и тактикой.

Рассмотрим ведомственный контроль с позиции гарантии обеспечения законности при оперативно-розыском производстве по ДООУ.

В целом правовой основой ведомственного контроля за ОРД выступают Конституция РФ, Федеральный закон «О полиции»², Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»³ (далее — Закон об

---

¹ Вагин О. А., Исиченко А. П., Чечётин А. Е. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ОРД), приказ МВД России от 19 июня 2012 г. № 608 «О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России» и другие ведомственные нормативные правовые акты, в том числе содержащие сведения, относящиеся к государственной и служебной тайне.

Правовым основанием ведомственного контроля за производством по ДОУ является ст. 22 Закона об ОРД, конкретизирующая в ряде ведомственных нормативных правовых актов. В ней, применительно к ведомственному контролю, сделан акцент на соблюдении законности. Контроль за организацией и тактикой ОРД реализуется в соответствии с положениями ведомственных нормативных правовых актов.

Выражая свое мнение по нормативной регламентации ведомственного контроля с позиции гарантии обеспечения законности при производстве по ДОУ, отметим как положительные, так и отрицательные стороны данного правового института.

Позитивным эффектом ведомственного контроля, на наш взгляд, является то, что он осуществляется на всех стадиях производства по ДОУ, с момента получения оперативно значимой информации и заведения дела до принятия решения о прекращении такого дела. При этом контроль ведется непрерывно, методом не выборочного, а сплошного наблюдения, что способствует немедленному реагированию на факты нарушения законности. Такой контроль, в зависимости от времени, осуществляется в трех основных видах: предварительный, текущий, последующий⁴. Кроме того, ведомственный контроль, в отличие от прокурорского надзора, включает в себя проверку исполнения требований не только законов, но и подзаконных ведомственных нормативных правовых актов.

В то же время необходимо отметить отрицательные моменты организации ведомственного контроля, заключающиеся в том, что в оперативно-розыском законе не определен правовой статус руководителя органа, осуществляющего ОРД, также до настоящего времени нет единого нормативного правового акта, который устанавливал бы объем и пределы его полномочий. Кроме того, в теории ОРД отсутствует единое понимание круга субъектов ведомственного контроля за производством по ДОУ. Также в ведомственных приказах не приведена система норм, регулирующих вопросы осуществления контроля непосредственным руководителем оперативного подразделения.

---

⁴ Дубоносов Е. С. Оперативно-розыскная деятельность : учебник и практикум для прикладного бакалавриата. 5-е изд. перераб. и доп. М., 2016. С. 420.

На основе проведенного анализа нормативно-правовой регламентации можно сделать вывод, что такое регулирование носит фрагментарный, а иногда и противоречивый характер, и не позволяет сформировать единую систему ведомственного контроля за производством по ДОУ. Выделенные нами проблемы организации и нормативного регулирования ведомственного контроля требуют дополнительного осмысления и обсуждения.

А. Л. Карлов

(Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск)

Условия и обязательства досудебного соглашения о сотрудничестве

В данной работе хотелось бы обратить внимание на довольно неочевидную проблему разграничения условий и обязательств досудебного соглашения о сотрудничестве. Указанные понятия применяются законодателем в связке, по смыслу они несколько похожи, что затрудняет их соотношение между собой. До настоящего времени ни в теории, ни в практике единого подхода по данному вопросу не сложилось. Некоторые авторы применяют названные понятия как тождественные¹ либо вообще не рассматривают в сравнительном аспекте, однако полагаем, что их отграничение имеет принципиальное значение.

Установление условий и обязательств досудебного соглашения важно на всех этапах заключения и реализации досудебного соглашения, так как законодатель использует рассматриваемые понятия довольно часто: в основаниях изменения² или прекращения действия досудебного соглашения (ч. 5 ст. 317⁴ УПК РФ), в критериях оценки прокурором и судом результатов сотрудничества с обвиняемым (ч. 1 ст. 317⁵, ч. 5 ст. 317⁷ УПК РФ), в основаниях для отмены или изменения приговора суда в апелляционной (п. 6 ст. 389¹⁵ УПК РФ), кассационной (ч. 1 ст. 401¹⁵ УПК РФ) и надзорной (ч. 1 ст. 412⁹ УПК РФ) инстанциях.

---

¹ Ковалёв Р. Р. Правовое регулирование досудебного соглашения о сотрудничестве на стадии предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 149–162.

² Карлов А. Л. Основание и порядок изменения (перезаключения) досудебного соглашения о сотрудничестве // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей. Томск, 2019. С. 240–248.

При таких обстоятельствах вызывает недоумение тот факт, что, определяя содержание досудебного соглашения о сотрудничестве в ч. 2 ст. 317³ УПК РФ, законодатель упоминает только об обязательствах соглашения, при этом включать в текст его условия не обязывает. Соотношение обозначенной проблемы с гражданско-правовой терминологией позволяет по-иному взглянуть на поставленный вопрос. В гражданском праве условия соглашения делятся на обычные (те, которые предусмотрены законом, в силу чего не согласуются сторонами и могут отсутствовать в тексте договора) и случайные (включаемые в текст договора по усмотрению сторон)³. Может быть, в УПК РФ законодатель придерживался той же логики и условия досудебного соглашения сторонам не обязательно согласовывать? Но имеется и противоположное мнение, что условиями гражданско-правового договора могут быть только те обстоятельства, которые согласованы сторонами в тексте такого договора⁴.

Решая эту задачу, правоприменитель сталкивается с определенными трудностями, так как уголовно-процессуальный закон не приводит перечня условий досудебного соглашения и не определяет их. В первую очередь следует отличать условия самого досудебного соглашения от условий его заключения или условий последующего рассмотрения уголовного дела в суде в особом порядке судебного разбирательства (хотя некоторые из них могут быть актуальными и в период его действия, например, участие защитника, согласие с предъявленным обвинением и др.). Условия досудебного соглашения представляют собой обобщенные требования, с наличием которых закон (и/или стороны) связывает возможность оценки сотрудничества как достаточного для применения специальных правил назначения наказания. Обязательства же являются конкретными действиями или совокупностью действий, «определяющих соблюдение условий данного соглашения»⁵.

В части содержания условий соглашения существуют разные мнения, среди которых наиболее приемлемым, на наш взгляд, видится подход О. Н. Тиссен. Она отмечает, что на несоблюдение условий досудебного соглашения указывают: отказ от дачи изобличающих соучастников совершенного преступления показаний; отказ от участия в следственных действиях, проводимых в целях изобличения соучастников преступле-

---

³ Новицкий И. Б. Луиц И. Б. *Общее учение об обязательстве*. М., 1950. С. 148.

⁴ URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/sukhanov_ea_rossijskoe_grazhdanskoe_pravo_tom2 (дата обращения: 24.02.2021).

⁵ *Топчиева Т. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе* : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2013. С. 31.

ний, розыска имущества, добытого преступным путем; установление факта сообщения обвиняемым заведомо ложных сведений; сокрытие обвиняемым существенных обстоятельств совершения преступления, в том числе уменьшение собственной роли в содеянном⁶.

Каждое из приведенных обстоятельств имеет нормативное обоснование в соответствующих статьях главы 40¹ УПК РФ и может быть указано в тексте досудебного соглашения. Полагаем, что приведенный перечень может быть дополнен условием об обязательном обнаружении преступлений или возбуждении уголовных дел в результате сотрудничества с обвиняемым (п. 3 ч. 1 ст. 317⁵ УПК РФ), а также о существенном значении такого сотрудничества (п. 2 ч. 1 ст. 317⁵ УПК РФ), а с учетом положений ч. 5 ст. 317⁴ УПК РФ — и условием о сообщении обвиняемым сведений, неизвестных органам предварительного расследования.

Полагаем, что обязательность включения в текст досудебного соглашения такого рода условий можно поставить под сомнение. Имеет смысл выделить среди условий существенные, однако наличие в тексте досудебного соглашения как обязательств, так и условий сделает его более «честным», позволит стороне защиты иметь более объективное представление о перспективах оценки сотрудничества и его содержательной стороне.

Е. А. Криворучкина

(Омская академия МВД России)

К вопросу о структуре криминалистической характеристики незаконной рубки лесных насаждений

В последние десятилетия все большее распространение получают преступления, связанные с добычей природных ресурсов, в число которых входит и незаконная рубка лесных насаждений. В наши дни одной из проблем борьбы с преступной деятельностью является слабая научно-криминалистическая разработка. По нашему мнению, все еще недостаточно изучены общие научные положения криминалистической методики расследования незаконной рубки лесных насаждений и в частности такой элемент криминалистической методики, как криминалистическая характеристика.

---

⁶ Тиссен О. Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Оренбург, 2017. С. 173–174.

Анализ материалов о проблеме криминалистической характеристики и ее структуры свидетельствует, что существует разнообразие позиций авторов относительно числа элементов, входящих в структуру криминалистической характеристики, и их содержания¹.

Рассматривая криминалистическую характеристику методики расследования незаконной рубки лесных насаждений, полагаем, что ее первым элементом является обстановка совершения преступления. Это обусловлено тем, что информация о времени и месте совершения незаконных рубок предоставляет возможность правильно дать оценку обстоятельствам события преступления, определить лиц, которые могли быть очевидцами преступления, а также лиц, которые могли совершить его. На основе изучения полученной информации в дальнейшем осуществляется выдвижение версий и планирование расследования в целом.

Вторым элементом криминалистической характеристики методики расследования данных преступлений выступают сведения о способе их совершения, который включает в себя подготовку, совершение и сокрытие. Кроме того, один и тот же способ может свидетельствовать, что преступление совершено одним и тем же лицом или одной и той же группой лиц. В частности, распространенными способами являются:

— совершение незаконной рубки леса путем его валки (в соответствии со ст. 16 Лесного кодекса РФ валкой признаются процессы спиливания, срубания, срезания);

— оставление на месте происшествия следов, свидетельствующих о незаконной рубке лесных насаждений (наличие пней, опилок или стружки, следов транспортных средств, на которых осуществлялся вывоз леса).

Третьим элементом криминалистической характеристики методики расследования незаконной рубки лесных насаждений выступа-

---

¹ См., напр.: Чурилов С. Н. Принципы разработки и построения частных криминалистических методик : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1981. С. 15 ; Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика : учебник . М., 2008. С. 490–491 ; Васильев А. Н. О криминалистической классификации преступлений // Методика расследования преступлений (общие положения). М., 1976. С. 23–27 ; Возгрин И. А. Введение в криминалистику: история, основы теории, библиография. СПб., 2003. С. 294 ; Образцов В. А. Общие положения криминалистической методики расследования // Криминалистика : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 588 ; Колесниченко А. Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1976. 28 с. ; Баев О. Я. Основы криминалистики : курс лекций. М., 2001. С. 223 ; Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. М., 1973. 216 с. ; Винберг А. И., Шавер Б. М. Криминалистика. М., 1949. 200 с.

ют сведения о следах и механизме их образования. Это обусловлено тем, что именно на основе следов органы предварительного следствия определяют направленность расследования, поиск преступников и их соучастников.

К четвертому элементу методики расследования незаконной рубки лесных насаждений относится информация о личности вероятного преступника. Как общие данные о лице (пол, возраст, наличие судимости ранее и др.), так и сведения о его профессиональных навыках рубки деревьев влияют на то, какие версии будут выдвигаться и насколько будет эффективным поиск преступников.

Необходимо обратить внимание на то, что И. А. Фоминой² и Н. Э. Шаповаловым³ в качестве самостоятельного элемента криминалистической характеристики выделяется мотивация преступного поведения личности. Однако, на наш взгляд, она неотделима от такого элемента криминалистической характеристики, как личность вероятного преступника, и является его составной частью.

Пятым элементом криминалистической характеристики методики расследования незаконной рубки лесных насаждений выступают сведения о предмете преступления. Нередко от предмета преступного посягательства зависит содержание остальных элементов криминалистической характеристики, а также выдвижение следственных версий. В нашем случае, если в качестве предмета будет выступать лес в целях заготовки, то можно в качестве версии выдвинуть, что незаконная рубка была совершена местными жителями для собственных нужд, например, для отопления жилища.

Как уже указывалось, шестым элементом типовой криминалистической характеристики являются сведения о личности потерпевшего. По нашему мнению, этот элемент не должен входить в криминалистическую характеристику незаконных рубок, так как в данном виде преступления отсутствует привычное понятие «потерпевший». Ущерб причиняется государству в лице уполномоченных органов власти, в связи с чем указанный элемент не найдет своего практического применения.

---

² Фомина И. А. Криминалистическая характеристика незаконной рубки лесных насаждений: понятие и структурные элементы // Сибирский юридический вестник. 2010. № 2. С. 173–177.

³ Шаповалов Н. Э. Личность преступника и мотивация преступного поведения при совершении незаконной рубки лесных насаждений. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26433367> (дата обращения: 11.03.2021).

На основе изложенного можно сделать вывод о том, что структура криминалистической характеристики методики расследования незаконной рубки лесных насаждений состоит из элементов, включающих в себя следующие сведения: об обстановке совершения преступления; о способе совершения преступления; о личности вероятного преступника; о следах и механизме их образования; о предмете преступного посягательства.

М. Г. Кублова

(Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя)

Проблема доказывания сбыта наркотических средств и психотропных веществ, совершенного при использовании современных технологий

Показатели наркоситуации в Российской Федерации продолжительное время остаются достаточно высокими. Об этом свидетельствуют статистические данные ГИАЦ МВД России: в период с января по декабрь 2020 г. выявлено 189,9 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, из них с использованием сети Интернет — 47,1 тыс. (+90,7%)¹. Особое внимание правоохранительными органами уделяется преступлениям, совершенным при использовании информационно-телекоммуникационных сетей (далее — ИТКС). Так, в связи с увеличением числа преступлений с использованием интернет-ресурсов, по итогам Коллегии МВД России в конце 2019 г. было принято решение о создании подразделений по борьбе с наркоугрозой в сети Интернет, которые начали функционировать на базе подразделений по контролю за оборотом наркотиков.

Посредством ИТКС происходит сбыт наркотических средств и психотропных веществ через интернет-магазины, мессенджеры «WhatsApp», «Viber», «Jabber», «Telegram» и др. Также преступными группами и сообществами при сбыте наркотиков применяется программное обеспечение, позволяющее обходить заблокированные государственными органами ресурсы и электронные платежные системы, позволяющие совершать валютные операции на расстоянии. Злоумышленники внедряют в преступную среду технические инструменты, способные обеспечить конфиденциальность и невозможность установления местоположения лица.

Особое внимание в научных трудах и в практической деятельности правоохранительных органов уделяется исследованию современных электронных платежных средств, которые активно используются пре-

---

¹ URL: <https://xn-blaew--plai/reports/item/22678184> (дата обращения: 17.02.2021).

ступниками. Одними из самых распространенных являются криптовалюты, которые принимаются к оплате за товар, за работу лиц, причастных к незаконному обороту наркотиков (курьеров, закладчиков разного уровня, it-специалистов и менеджеров), участвуют в схеме легализации денежных средств от противоправной деятельности. При расследовании преступлений возникает трудность в идентификации лиц, осуществляющих виртуальные платежи, поскольку такие средства платежа, как криптовалюты, позиционируют себя как анонимные². Электронные валюты на финансовых рынках получили широкое распространение в XXI в., именно поэтому вопрос правового регулирования криптовалют и ответственность за их использование рассматривается во многих научных исследованиях. Основная проблема состоит в правильном понимании природы криптовалюты и принципов ее функционирования, которые должны быть разъяснены на законодательном уровне³.

В большинстве случаев интернет-магазины по продаже наркотиков функционируют через веб-браузер Tor, позволяющий скрывать данные лица, им пользующегося, сохраняя его полную анонимность и местоположение. Оплата за запрещенные вещества производится на торговых площадках исключительно криптовалютой Bitcoin. Привлекательность криптовалюты обусловлена следующими свойствами: децентрализация, необратимость транзакций, отсутствие контроля со стороны государственных органов, высокий уровень защиты, трансграничность и высокая степень анонимности.

На наш взгляд, одной из эффективных мер по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ при использовании криптовалют является блокирование Роскомнадзором доступа к сайтам, занимающимся незаконным оборотом наркотиков. Также необходимы разработка и принятие нормативной правовой базы по противодействию преступлениям по линии незаконного оборота наркотиков, совершенных при использовании ИКТС. Кроме того, нужно разработать и внедрить технические средства и программы, которые позволят нарушить анонимность противоправной деятельности, раскрыть персональные данные лиц, их местоположение и иные сведения, представляющие оперативный интерес.

---

² Кублова М. Г. Современное состояние противодействия легализации доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков // Евразийский юридический журнал. 2020. № 11(150). С. 228–229.

³ Долгиева М. М. Проблемы квалификации преступлений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4(48). С. 125–131.

Р. А. Макаров

(Омская академия МВД России)

Хищения с банковских карт, совершенные дистанционно с использованием IP-телефонии (SIP-телефонии)

Развитие информационно-телекоммуникационных технологий значительно расширило возможности злоумышленников при совершении и сокрытии дистанционных хищений с банковских карт.

Согласно анализу материалов уголовных дел, возбужденных на территории г. Кургана в 2020 г., каждые 7 из 10 дистанционных хищений происходят с использованием IP (SIP)-телефонии*.

До появления средств интернет-коммуникации и возможностей виртуальных переводов денежных средств приготовление к рассматриваемым хищениям включало:

- приобретение сим-карт, оформленных на несуществующих либо третьих лиц;
- приобретение банковских карт, эмитированных на третьих лиц;
- открытие электронных кошельков, зарегистрированных на несуществующих либо третьих лиц.

В настоящее время ситуация изменилась в связи с использованием современных технологий. Коммуникация злоумышленника и пострадавшего полностью перешла в виртуальное пространство.

SIP-телефония — протокол передачи данных, при котором все звонки поступают на персональный компьютер или смартфон через специальное приложение. Отличие от сотовой связи заключается в том, что для этого не требуется наличия сотового телефона и подключения к базовой станции. Абонентский номер SIP-телефонии не имеет физического носителя (сим-карты), он виртуальный. В этом случае невозможно получить информацию о расположении базовой станции, которой регистрировалось соединение телефонного звонка злоумышленника и пострадавшего. Допускается получение данных лишь об IP-адресах, которые были использованы злоумышленником для подключения к приложению (сайту) по работе с SIP-провайдерами.

Нередко при совершении хищений с использованием IP (SIP)-телефонии в целях сокрытия преступления на стадии его совершения используют программу по подмене абонентского номера, например, на официальный номер организации, от лица которой происходит звонок

---

* *Практические материалы деятельности отдела по расследованию мошенничеств, совершенных с использованием средств сотовой связи, СУ УМВД России по г. Кургану за 2021 г.*

(банковские, государственные, коммерческие организации, правоохранительные органы и т. д.). Факт подмены можно установить только после истребования и статистики входящих и исходящих соединений (детализации) пострадавшего и злоумышленника. Если в детализации будет отсутствовать трафик соединений за интересующий период времени, то это будет свидетельствовать о том, что использовалась программа по подмене абонентского номера.

Особую сложность при расследовании хищений, совершенных с использованием IP (SIP)-телефонии, представляет использование VPN технологий (виртуальная частная сеть). Перед тем, как выйти на сайт, злоумышленники подключаются к серверу третьего лица, как правило, находящегося на территории другого государства. Цель использования VPN-технологий состоит в исключении возможности идентификации и установления местонахождения злоумышленника.

Хищения с банковских карт, совершаемые дистанционно с использованием IP (SIP)-телефонии, являются новым видом преступного посягательства и представляют особую сложность в раскрытии и расследовании.

Д. С. Мерлаков

(Омская академия МВД России)

Содержание и пределы уголовно-процессуальной компетенции субъектов досудебного производства

В статье 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ) не раскрывается понятие «компетенция». Вместе с тем выражение «в пределах компетенции» применительно к субъектам уголовного досудебного производства используется неоднократно (напр., ч. 3 ст. 11, ч. 1 ст. 37, ч. 1 ст. 38, ч. 1 ст. 144, ч. 1 ст. 146 УПК РФ) и имеет различные смысловые оттенки. В связи с этим важно понять, что включается в определение «компетенция», и выяснить, чем она ограничивается (ее пределы).

В толковых словарях предлагается два значения слова «компетенция»: 1. Осведомленность в каком-нибудь круге вопросов, какой-нибудь области знаний. 2. Круг чьих-нибудь полномочий, прав¹. Следует учитывать, что в законе используются словосочетания, связанные с первым значением термина, а именно: «профессиональная компетенция» (ч. 1

---

¹ См., напр.: Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. 3-е изд. М., 2001. С. 342; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1999. С. 288.

ст. 58 УПК РФ), «компетентность» или «некомпетентность» (переводчика, эксперта, специалиста) (ч. 2 ст. 69, п. 3 ч. 2 ст. 70, ч. 2 ст. 168, ч. 2 ст. 169 УПК РФ). Однако применительно к субъектам, ведущим уголовное досудебное производство, фразу «в пределах компетенции» следует использовать во втором значении, т. е. «в пределах установленных полномочий, прав и обязанностей».

Указанный вариант толкования применим к нормам УПК РФ, закрепляющим правовой статус субъектов досудебного производства. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 37 УПК РФ прокурор *уполномочен в пределах установленной компетенции* осуществлять от имени государства *функции* уголовного преследования и надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, в ч. 2 данной нормы перечислены *полномочия* прокурора в ходе досудебного производства, а в чч. 3 и 4 определена его *обязанность* по поддержанию обвинения и *право* мотивированного отказа от осуществления уголовного преследования. Также согласно ч. 1 ст. 38 УПК РФ следователь является должностным лицом, *уполномоченным в пределах предусмотренной компетенции* осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а в ч. 2 этой статьи перечислен круг полномочий следователя.

Вместе с тем обозначенный выше подход к рассматриваемому термину («круг полномочий, прав, обязанностей») нерезонно применять по отношению к ч. 1 ст. 144 и ч. 1 ст. 146 УПК РФ. Данные нормы предусматривают обязанность субъектов досудебного производства принять, проверить сообщение о преступлении и *в пределах установленной компетенции* разрешить его (при наличии повода и основания — возбудить уголовное дело). Поскольку, например, следователь уполномочен возбуждать уголовное дело (п. 1 ч. 2 ст. 38 УПК РФ), то формулировка «следователь в пределах компетенции возбуждает уголовное дело» (ст. 146 УПК РФ) должна нести новый смысл, иметь дополняющее значение. Она может указывать на возможность реализации рассматриваемого полномочия в определенных рамках, границах. Такими пределами использования полномочия о возбуждении уголовного дела выступают правила подследственности, которые характеризуют отношения между органом расследования и уголовным делом, выражают совокупность признаков уголовного дела, позволяющих установить орган, уполномоченный его расследовать². Закрепляя правила подследственности (ст. ст. 150, 151, 152 УПК РФ), законодатель ограничивает компетенцию органов предвари-

---

² Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник . 4-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 356–357.

тельного расследования по предмету ведения (квалификация), категории преследуемых лиц и потерпевших (персоны), территории и др. Правила подследственности сосредоточены в главе 21 УПК РФ «Общие условия предварительного расследования» и распространяются на деятельность по уголовному делу. Прием сообщений о преступлениях должен осуществляться всеми (любыми) органами дознания и предварительного следствия вне зависимости от того, относится ли к компетенции этих органов разрешение сообщения. Но при вынесении постановления о начале расследования компетенция ограничивается, поскольку в данный момент выявляются признаки определенного преступления, выясняется место совершения общественно опасного деяния, а возможно, устанавливаются и особенности статуса участников будущего расследования. Иначе говоря, уже при разрешении сообщения о преступлении выясняются признаки, влияющие на компетенцию по расследованию уголовного дела. Более того, закон предусматривает специальные правила возбуждения уголовного дела по некоторым составам преступлений (чч. 2 и 4 ст. 20, чч. 7–9 ст. 144 УПК РФ) и в отношении отдельных категорий лиц (ч. 5 ст. 146, ст. 448 УПК РФ). Наконец, следует учитывать, что на первоначальной стадии процесса гипотетическая оценка содеянного осуществляется неоднократно и в различных формах³. В связи с этим установление особого предмета ведения и специальных субъектов в ходе предварительной проверки позволяет передавать сообщения по подследственности (подсудности) в порядке п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ.

Таким образом, закрепление обязанности должностных лиц принимать решения по сообщениям о преступлениях, возбуждать уголовные дела *в пределах компетенции* (ч. 1 ст. 144, ч. 1 ст. 146 УПК РФ) предполагает ограничение их полномочий признаками подследственности. В порядке исключения законодатель допускает возбуждение уголовного дела «чужой» подследственности (п. 3 ст. 149, ч. 5 ст. 152, ч. 1 ст. 157 УПК РФ).

Сделаем вывод, что содержанием уголовно-процессуальной компетенции субъектов досудебного производства является совокупность полномочий, направленных на реализацию принадлежащих им правоохранительных функций. Пределы компетенции органов, ведущих уголовное производство, очерчиваются предметом ведения (квалификацией), персональными, территориальными и иными признаками, т. е. определяются правилами подследственности. На наш взгляд, в ч. 1

---

³ Муравьев К. В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2017. С. 220.

ст. 144 и ч. 1 ст. 146 УПК РФ категорию «в пределах компетенции» следует заменить словами «в пределах подсудственности», которая более четко отражает замысел законодателя о возможности использования полномочий по разрешению сообщений о преступлениях (возбуждению уголовного дела).

А. Н. Савченко

(Омская академия МВД России)

Видеозапись следственного действия как доказательство в уголовном процессе

Протоколы следственных и судебных действий в соответствии со ст. 74 УПК РФ являются доказательствами и в качестве приложений могут содержать различные видеозаписи и электронные носители информации. Сама по себе видеозапись следственного действия не рассматривается как самостоятельное доказательство, в то же время представляет собой часть протоколов и используется при доказывании.

Производя некоторые следственные действия, например, допрос, следователь слышит речь, фиксирует ее в сознании, затем на бумаге, в соответствии с установленным законом порядком закрепления доказательств.

«Мыслительные образы дознавателя, следователя, судьи, формируемые посредством вербальных способов познания, отличаются от результатов научно-образного восприятия как представления о мире слепого и зрячего человека. Слова и другие вербальные средства общения передают образ объективной действительности в том ракурсе, в котором она представлена в сознании свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, эксперта и других лиц, и с учетом того смысла, который вкладывает в содержание этих слов сам субъект познания»¹. Иными словами, следователь, дознаватель в результате следственного действия, например, допроса отражает на бумаге информацию, преобразованную его субъективным восприятием, и смысл услышанного им от участника уголовного процесса может быть отражен недостаточно точно.

В результате этого в практике нередки случаи отказа участников судопроизводства от данных ими показаний по причине неверного их толкования в протоколе.

---

¹ Россинский С. Б. Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу: монография. М., 2015. 224 с.

В связи с этим возникает обоснованная потребность в применении видеозаписи при производстве следственного действия, для чего необходимо признание ее доказательством наравне с обычным протоколом следственного действия.

Так, ч. 2 ст. 104 Уголовно-процессуального кодекса Украины (далее — УПК Украины) допускает возможность не фиксировать показания с использованием бумажного протокола, если допрос был произведен с помощью технических средств². Уголовно-процессуальным кодексом Китайской Народной Республики в перечень доказательств включены видео-, аудиоматериалы и электронные данные.

В 2015 г. под влиянием норм международного права и практики Европейского суда по правам человека в УПК РФ внесены изменения, предусматривающие обязательное применение видеозаписи или киносъемки при проведении ряда следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, за исключением случаев, когда несовершеннолетний либо его законный представитель против этого возражают.

В соответствии с положениями ч. 6 ст. 281 и ч. 5 ст. 191 УПК РФ суд не вызывает несовершеннолетнего потерпевшего, свидетеля в судебное заседание для допроса и оглашает его показания, данные в ходе досудебного расследования, если при получении этих показаний применялась видеозапись. При отсутствии видеофиксации следственного действия и возражения против оглашения показаний несовершеннолетнего потерпевшего, свидетеля суд может отказать в удовлетворении ходатайства о вызове несовершеннолетнего только при наличии оснований опасаться за его психическое здоровье и психологическое состояние. В случае невозможности проведения допроса несовершеннолетнего суд вправе огласить показания, полученные в ходе досудебного производства, при наличии в материалах уголовного дела видеозаписи следственного действия.

Таким образом, видеозапись следственных действий с участием несовершеннолетних свидетелей и потерпевших приобретает особое значение.

Несоблюдение правил на стадии предварительного расследования приводит к отмене обвинительных приговоров. Так, судебной коллегией по уголовным делам Восьмого кассационного суда от 16 июля 2020 г. отменен приговор Исилькульского городского суда Омской области в отно-

---

² Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI. URL: <http://continent-online.com> (дата обращения: 24.03.2021).

шении А., осужденного за совершение преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ, к 9 годам лишения свободы, и соответствующим апелляционным определением Омского областного суда решение суда первой инстанции оставлено без изменения. Основанием для вмешательства послужило то, что в основу обвинения судом были положены показания несовершеннолетней потерпевшей при отсутствии в деле видеосъемки допроса, а также медицинских документов о наличии опасений за ее психическое и психологическое состояние. Между тем сторона защиты настаивала на вызове потерпевшей в судебное заседание.

Указанный пример наглядно демонстрирует важную роль видеосъемки при производстве следственных действий. Признание видеосъемки равным по статусу с протоколом следственного действия доказательством поможет избежать недостатков досудебного расследования, появится возможность собирать доказательства в электронном виде, представляя суду информацию, не преобразованную следователем, а точно отображающую показания, поведение и эмоции участников процесса.

Д. В. Свинов

(Омская академия МВД России)

Об актуальности определения места и роли руководителя территориального органа внутренних дел в оперативно-розыскном процессе

Сохраняющийся в настоящее время в России высокий уровень преступности вызывает справедливое недовольство общества процессом реагирования правоохранительной системы на ее организованность, мобильность, гибкость и быструю приспособляемость к изменяющимся факторам среды функционирования.

Исследования показывают, что государственная правоохранительная система осуществляет целенаправленную деятельность по сдерживанию преступности, в том числе путем совершенствования оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) уполномоченных органов, однако существующие недостатки современной правовой базы и недостаточная изученность способов координации данной деятельности не позволяют в достаточной степени влиять на сформировавшееся положение дел в обозначенной сфере.

Полагаем, что одной из главных причин, препятствующих более результативному функционированию системы борьбы с преступностью,

является недостаточная эффективность реализации своих полномочий руководителями органов ОРД, несоответствие ее организации и функционирования тенденциям развития общества, а также трансформации современной преступности.

Необходимость решения проблем, препятствующих процессу совершенствования ОРД, актуализируются с учетом требований Президента РФ о важности существенно активизировать работу по целому ряду направлений деятельности, в том числе используя оперативный потенциал, «чтобы выйти на новые рубежи в повышении уровня безопасности людей, в обеспечении надежной защиты их прав, свобод и собственности. И прежде всего наступательно бороться с криминальной угрозой»¹.

Актуальность рассмотрения данного вопроса обуславливается также экстраполирующимся в стране процессом совершенствования системы государственного управления, который предъявляет повышенные требования к руководителю государственной организации, в том числе к начальнику территориального ОВД.

При этом данный процесс совершенствования диктует необходимость уточнения его правового статуса и возможностей управленческого воздействия на все подчиненные ему структурные элементы возглавляемого им органа и направления его деятельности, включая, как мы полагаем, ОРД.

Значимость исследования вопросов определения места руководителя территориального органа внутренних дел в оперативно-розыскном процессе возрастает также с учетом известного постулата о его роли в данном процессе по координации действий различных органов оперативно-розыскной деятельности, структурно включенных в состав возглавляемого им территориального органа внутренних дел и должностных лиц².

В то же время Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», определяя полномочия и обязанности руководителя оперативно-розыскного органа, не содержит понятие и термин «руководитель оперативно-розыскного органа», что, в свою очередь, не создает достаточно полного и ясного представления о его правовом статусе и роли в системе организации ОРД.

---

¹ *Выступление* Президента Российской Федерации В. В. Путина на расширенном заседании Коллегии МВД России 3 марта 2021 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/65090> (дата обращения: 21.03.2021).

² *Самоделкин А. С.* Место и роль руководителей оперативных подразделений в координации оперативно-розыскной деятельности // *Общество и право.* 2016. № 1. С. 215–220.

Представляется, что существующее законодательство, регулирующее сферу ОРД, не в полной мере отвечает современным требованиям борьбы с преступностью и практическому аспекту работы руководителя по реализации возложенных на него полномочий в рассматриваемой сфере, нуждаясь в дальнейшем коррегировании.

По-нашему мнению, исследование проблем теории и практики функционирования руководителя территориального ОВД, определение его роли в оперативно-розыскном процессе является ключевым фактором в организации ОРД.

Таким образом, разработка теоретических, правовых и организационных вопросов в целях решения ряда проблем, таких как формирование научно обоснованной точки зрения о понятии «руководитель органа оперативно-розыскной деятельности» и наиболее полного представления о его правовом статусе; уточнение функций руководителя территориального ОВД как участника ОРД; определение его роли в оперативно-розыскном процессе как организатора этого процесса и гаранта законности при его осуществлении, а также ряд других аспектов предопределяют необходимость соответствующего изучения.

При этом важно заметить, что определению сущности ОРД, в том числе определению круга его участников и их роли в процессе реализации данной деятельности, посвящены труды многих исследователей. Среди них выделяются труды В. М. Аتماжитова, И. И. Басецкого, О. А. Вагина, К. К. Горяинова, В. А. Гусева, Е. А. Доля, Н. С. Железняк, В. С. Овчинского, А. Е. Чечётин и др.

В то же время непосредственно вопросам проблематики места руководителя территориального ОВД в оперативно-розыскном процессе и его роли как участника ОРД посвящено небольшое количество исследований, в которых данные позиции рассматриваются в большей степени обособленно. Среди них можно отметить работы Б. Е. Власова, И. Н. Железняк, В. Ф. Луговика, А. С. Самоделкина, А. Д. Ульянова и др.

Полагаем, что современный этап реформирования системы государственного управления и предъявление новых требований к руководителю генерируют необходимость определения места руководителя территориального ОВД в оперативно-розыскном процессе, его роли как участника оперативно-розыскной деятельности и его места в оперативно-розыскном процессе и формирования его образа как непосредственного организатора данной деятельности. С этой позиции указанный субъект ОРД должным образом еще не рассматривался и не нашел отражения в научной литературе. На наш взгляд, необходимость в этом назрела.

Н. Э. Сороколетова

(Барнаульский юридический институт МВД России)

О необходимости применения специальных знаний при проведении оперативно-розыскного мероприятия «исследование предметов и документов» по делам экономической направленности

Развитие науки и технологий наталкивает преступную среду на разработку новых видов преступлений, а также на модернизацию способов их совершения. Преступления экономической направленности не являются исключением.

Исследование документов в рамках оперативно-розыскного мероприятия (далее — ОРМ) «исследование предметов и документов» часто применяется при расследовании по экономическим делам. В связи с этим необходимо привлечение специалистов, обладающих специальными знаниями в различных сферах человеческой жизнедеятельности. Этот факт в очередной раз отражает важность наличия института специальных знаний.

В настоящее время законодательное закрепление понятия «специальные знания» отсутствует. Несмотря на это, свои труды, касающиеся вопросов использования и применения специальных знаний в процессе раскрытия и расследования преступлений, посвятили многие ученые, такие как Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, А. И. Винберг, А. Ф. Волынский, Г. И. Грамович, Е. И. Зуев, Е. Р. Россинская и др. Тем не менее единого подхода к пониманию рассматриваемого понятия в настоящее время нет. Каждый ученый выделяет и подчеркивает лишь его определенные свойства.

Существует несколько видов помощи специалистов для раскрытия и расследования преступлений: консультация; документальная ревизия (проверка); судебно-экономическая экспертиза¹.

Так как оперативные сотрудники в силу специфики своей деятельности не обладают знаниями, которые требуются для изучения документов в определенных областях, то в основном для раскрытия и расследования преступлений экономической направленности они обращаются к специалистам за консультативной помощью и в целях проведения документальной проверки.

---

¹ Мартынова И. Г. Содействие специалиста при расследовании мошенничеств, совершаемых в отношении юридических лиц в сфере экономики // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. № 1–2. С. 194–198.

На этапе консультативной помощи оперативные сотрудники получают от специалистов отделов документальных исследований информацию о том, какие документы (например, бухгалтерские) необходимы для дальнейшего положительного результата по итогам проведения документальной проверки в рамках ОРМ «исследование предметов и документов», направленной на установление преступной деятельности юридических лиц. Как правило, такая форма взаимодействия между специалистом и оперативным сотрудником документально не оформляется.

В период документальной проверки по рапорту представителя оперативного подразделения сотрудники документальных исследований осуществляют ОРМ «исследование предметов и документов». В рапорте обозначается, какой именно объект направляется на исследование (его качественные характеристики (оригинал/копия), перечень документов); отражаются предполагаемые или установленные факты нарушения законодательства; указываются вопросы, подлежащие выяснению в ходе проведения оперативного исследования по этим объектам.

Методы документальных исследований включают в себя:

1. Формальный — визуальный осмотр документа, изучение реквизитов. Данный метод позволяет установить подлинность документов, а также сделать выводы о достоверности сведений, которые в нем отражены. Недостаток заключается в том, что это поверхностное изучение материалов.

2. Нормативный — метод, при котором содержание документов сопоставляется с нормативными правилами, а также законодательством. Этот метод позволяет выявить документы, которые исполнены некачественно и являются незаконными по своему содержанию, например, подлог.

3. Арифметический — метод, при котором исследуются количественные показатели отраженных операций, выявляются их несоответствия. При его использовании можно выявить интеллектуальный и материальный подлоги.

4. Взаимосвязанная проверка документов — метод, который состоит из встречной проверки и взаимного контроля².

К сожалению, результаты проверок, осуществляемых специалистами-ревизорами отделов документальных исследований, имеют особый статус, в связи с этим образуется проблема, связанная с возможностью их использования в качестве доказательств по уголовному делу.

---

² Шубочкина Е. В. Методы документальных исследований мошеннических явлений в сфере кредитования // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 3(27). С. 316–321.

П. М. Титов

(Уральский юридический институт МВД России, г. Екатеринбург)

Электронная форма уголовного судопроизводства: на примере дел частного обвинения

Реализация в Российской Федерации различных форм уголовно-процессуального производства подчеркнута демократическими преобразованиями, происходившими ранее в различных сферах жизни общества. В сложившихся условиях очевидна необходимость разумного соотношения в уголовном судопроизводстве публичных и частных начал. В свою очередь рост статистики по делам частного обвинения убедительно показывает, что граждане все увереннее самостоятельно защищают свои нарушенные интересы с помощью уголовно-процессуальных механизмов. Так, дел частного обвинения, возбужденных по заявлениям, в 2019 г. поступившим в суд непосредственно от граждан и переданным из других органов, составляет 7348, а дел частного обвинения с обвинительным заключением, обвинительным актом или обвинительным постановлением — 5128¹. Количество дел частного обвинения за I полугодие 2020 г. составило около 5 000 таких дел².

Одним из затруднительных факторов обращения с заявлением в правоохранительные органы по нарушенным правам является нежелание включаться в бюрократический механизм. В условиях развития информационных технологий, всеобщей информатизации общества люди постепенно перестают пользоваться бумажными носителями и переходят в электронную среду. В настоящее время государственные органы масштабно переходят на электронный документооборот, в том числе и в сфере обеспечения охраны прав и свобод человека и гражданина, гарантированных Конституцией РФ. При этом в 2016 г. законодатель ввел в уголовно-процессуальную деятельность элементы механизма использования электронных документов в уголовном судопроизводстве. Можно сказать, что уголовный процесс внедряет цифровые технологии. Так, в работе «Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве»³ рассматривались актуальные проблемы развития инфор-

---

¹ Судебная статистика Российской Федерации за 2019 год. URL: <http://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/11/s/1> (дата обращения: 16.12.2020).

² Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за I полугодие 2020 года. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461> (дата обращения: 16.12.2020).

³ Балакишин В. С., Вехов В. Б., Григорьев В. Н. [и др.] Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве. М., 2018. 248 с.

мационных технологий в уголовном судопроизводстве, положительные моменты информатизации уголовного судопроизводства.

Рост использования в уголовном судопроизводстве современных технологий пришелся на 2020 г. в период пандемии⁴. Актуальность электронной формы уголовного судопроизводства очевидна по делам частного обвинения (ч. 2 ст. 20 УПК РФ). Это обусловлено в первую очередь тем, что уголовные дела по данной категории обладают своей уникальной спецификой, что кардинально отличает их от других форм уголовного преследования по законодательству РФ. Выражается это в том, что документ, именуемый заявлением, по делам частного обвинения выполняет сразу несколько функций:

- 1) заявление по такой категории дел выступает единственным поводом для возбуждения уголовного дела;
- 2) заявление выполняет функцию обвинительного акта.

Все это подчеркивает значимость заявления по делам частного обвинения. В настоящее время имеется возможность обратиться с заявлением в правоохранительные органы или в суд по этой категории дел в электронной форме, однако лицо будет вызвано в тот орган, куда подано заявление для очного участия в тех или иных действиях (дача объяснения, подписание соответствующих документов и т. д.). На наш взгляд, такой необходимости нет. Все действия можно выполнить с помощью электронной формы судопроизводства.

При этом определение места электронной информации как вида доказательств — одна из актуальных тем научного сообщества⁵ и законодателя. В большей степени доказательства по делам частного обвинения в настоящее время собираются и закрепляются в электронном формате. Для заверения сведений, которые в последующем найдут свое отражение как доказательства по уголовному делу, может применяться аутентификация.

Способы аутентификации личности могли бы найти свое применение в электронной форме уголовного судопроизводства, особенно в такой категории дел, как частное обвинение. При этом необходимо учитывать опыт стран мира, которые уже ведут производство в форме электрон-

---

⁴ *Титов П. М.* Будущее электронного заявления по делам частного обвинения // Технологии XXI века в юриспруденции : мат-лы второй междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Д. В. Бахтеева. Екатеринбург, 2020. С. 323–326.

⁵ *Стельмах В. Ю.* Электронная информация в доказывании по уголовным делам: способы получения и место в системе доказательств // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 3(38). С. 93–100.

ного документооборота. В России по истечении определенного времени уголовное судопроизводство перейдет в электронный формат, но, чтобы преодолеть определенные трудности и проблемы переходного периода, следует своевременно законодательно закрепить изменения, касающиеся электронной формы уголовного судопроизводства.

Подводя итог, нужно обратить внимание, что обозначенные проблемы носят практический характер. Современные новеллы будут постоянно проникать в нормы уголовно-процессуального законодательства, и нет поводов откладывать назревающие изменения законодательства. В свою очередь, изменения должны быть структурными и полноценными, пригодными для использования без нарушения основополагающих принципов и норм права.

Е. С. Ткачёва

(Омская академия МВД России)

О понятии и признаках ограничения прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве РФ

В научной литературе по теории государства и права, конституционного права понятие «ограничение прав» раскрывается по-разному: как сужение рамок, границ (объема) прав и свобод¹; как установление пределов реализации и осуществления прав и свобод²; как сокращение правомочий и установление дополнительных правовых условий для реализации тех или иных правомочий³; как система изъятий⁴.

Наиболее общее и комплексное определение дает А. В. Малько, который под правовым ограничением понимает «правовое сдерживание

---

¹ Беломестных Л. Л. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: теоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 7.

² См., напр.: Агеев В. Н. Конституционные ограничения основных прав и свобод личности в Российской Федерации: теория, история, практика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. С. 10 ; Новиков М. В. Сущность конституционных ограничений правового статуса личности. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Кондрашев А. А. Ограничение конституционных прав в Российской Федерации: теоретические подходы и политико-правовая практика. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Зайцев А. А. Ограничение прав и свобод человека в конституционной теории и практике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2014. С. 7.

противозаконного деяния, создающее условие для удовлетворения интересов контрsubjекта и общественных интересов в охране и защите; это установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать...»⁵.

Поддерживая позицию комплексного подхода к определению рассматриваемого понятия, отметим, что ограничение прав осуществляется в разных целях и разными способами, а значит связано с задачами определенной отрасли права, в которой оно применяется.

В теории частного (гражданского) права ограничение связывается, в том числе, с воздействием на общественные отношения, приводящим к изменению пределов субъективного права в сторону уменьшения вариантов гарантированного свободного поведения правообладателя⁶.

В административном праве понятие «ограничение прав граждан» включает как определение пределов (границ) реализации гражданином своих прав и свобод, так и правомерные изъятия из правомочий, входящих в объем правового статуса граждан, а также правомерное возложение на гражданина дополнительных юридических обязанностей, с возможностью применения к гражданину мер физического воздействия⁷.

Таким образом, наличие у должностных лиц, ограничивающих права и свободы личности, возможности применения принуждения (физического, психического) значительно расширяет само понятие.

В законодательстве РФ рассматриваемое понятие не закреплено. Конституционным судом РФ предпринята попытка раскрыть его содержание через предъявление к ограничивающим нормам права требований⁸, которые, на наш взгляд, следует рассматривать как признаки ограничения прав:

— ограничения конституционных прав должны быть необходимыми и соразмерными конституционно признаваемым целям;

---

⁵ Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. М., 2003. С. 91.

⁶ Тикк О. К. О понятии «ограничение гражданских прав». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-ogranichenie-grazhdanskih-prav> (дата обращения: 10.03.2021).

⁷ Мельников В. А. Проблемы определения понятия «административно-правовой механизм ограничения прав граждан». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-opredeleniya-ponyatiya-administrativno-pravovoy-mehanizm-ogranicheniya-prav-grazhdan> (дата обращения: 15.03.2020).

⁸ По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С. А. Бунтмана, К. А. Катаняна и К. С. Рожкова : постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 г. № 15-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

- устанавливаемое ограничение не может посягать на само существо того или иного права и приводить к утрате его реального содержания;
- использование только необходимых и строго обусловленных целям ограничения мер;
- ограничения должны отвечать требованиям справедливости, являться адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей.

На наш взгляд, определяя понятие «ограничение прав и свобод личности в уголовном процессе» и в частности в досудебном производстве, не следует употреблять термин изъятие, так как он указывает на действие по уменьшению содержания прав и свобод в силу каких-то причин и может рассматриваться как посягательство на само существо права. Характер уголовно-процессуальной деятельности не имеет отношения к установлению объема прав и обязанностей, он связан с обеспечением их реализации, охраны и защиты, поэтому ограничение в данном случае следует рассматривать как уменьшение возможности использования (реализации) определенного права, а не изъятием его части.

Таким образом, под ограничением прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе следует понимать временное уменьшение возможности реализации в полном объеме прав и свобод участников уголовного процесса, принудительное воздействие на их поведение, осуществляемое уполномоченными должностными лицами, в целях обеспечения прав и свобод других лиц, процесса доказывания по уголовному делу, а также достижения назначения уголовного судопроизводства, осуществляемое законно, обоснованно, соразмерно и с сохранением сущностного содержания конкретного права.

А. Е. Цепилов

(Омская академия МВД России)

Обеспечение законности в деятельности оперативных сотрудников подразделений ЭБиПК по выявлению, предупреждению и раскрытию хищений бюджетных денежных средств при осуществлении госзакупок

В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД) одним из основных принципов, на которых основывается оперативно-розыскная деятельность (далее — ОРД) является законность.

Она составляет основу правоотношений между субъектами ОРД и лицами, оказавшимися в зоне выполнения ее функций.

Изучив и проанализировав особенности обеспечения законности в деятельности подразделений ЭБиПК по выявлению, предупреждению и раскрытию хищений бюджетных денежных средств при осуществлении государственных закупок, мы пришли к выводу, что основными причинами допускаемых нарушений являются: большой круг задач и полномочий оперативных сотрудников и отсутствие в связи с этим времени для качественной подготовки их решения и осуществления; обилие нормативных актов, составляющих правовую основу деятельности оперуполномоченного, и их разрозненность; пробелы в законодательстве и неурегулированность отдельных действий сотрудниками оперативных подразделений; существенное снижение квалификации оперуполномоченных; оценка работы оперуполномоченных по статистическим показателям.

В теории ОРД рассматриваются различные варианты решения данных вопросов, однако наиболее плодотворным из них представляется подход, основанный на анализе гарантий соблюдения норм права. Одним из первых указанные проблемы с позиций оперативно-розыскной науки исследовал Д. В. Гребельский, который к таким гарантиям относил: урегулированность ОРД нормативными правовыми актами; прокурорский надзор; внутриведомственный контроль; четкое разделение следственных действий и ОРМ¹. По нашему мнению, к гарантиям обеспечения законности в деятельности подразделений ЭБиПК по выявлению, предупреждению и раскрытию хищений бюджетных денежных средств при осуществлении государственных закупок следует отнести: совершенствование норм права; ведомственный контроль, прокурорский надзор, судебный контроль.

Совершенствование норм права, на наш взгляд, необходимо по следующим вопросам: привлечение оперативных сотрудников к решению задач, не связанных с ОРД; закрепление критериев оценки деятельности оперуполномоченных.

Современное законодательство не определяет порядок задействования оперативных сотрудников в решении задач, не связанных с ОРД. Это приводит к их привлечению к охране общественного порядка (например, при проведении спортивных или праздничных мероприятий); производству следственных действий по уголовным делам; выполнению технической работы в виде нумерации листов уголовных дел, их сшива-

---

¹ Гребельский Д. В. Теоретические основы и организационно-правовые проблемы ОРД ОВД : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1977. С. 10.

ния и составления описей. Считаем такой отрыв оперуполномоченных от их непосредственной работы должен иметь место в исключительных случаях и быть мотивирован невозможностью решения поставленных задач без участия оперативных подразделений. С этой целью полагаем целесообразным дополнить ст. 16 Закона об ОРД частью 7 следующего содержания: «Привлечение должностного лица, уполномоченного на осуществление оперативно-розыскной деятельности, к решению иных задач или выполнению других функций может иметь место в исключительных случаях при невозможности их решения (выполнения) без его участия».

Другим пробелом является отсутствие в Законе об ОРД нормы, регламентирующей критерии оценки деятельности оперуполномоченных, что приводит к принятию за основу закрепленных в ведомственных нормативных правовых актах показателей работы в целом органа внутренних дел. При этом, не имея возможности официально наказать подчиненных за их невыполнение, руководители подразделений иницируют служебные проверки по нарушению режима секретности или неисполнению ведомственных приказов, закрепляющих ведение дел оперативного учета. Сложившаяся практика, на наш взгляд, не выдерживает никакой критики. Более справедливым выглядит предложение С. М. Луговича оценивать деятельность каждого оперуполномоченного по качеству проведения ОРМ по делу оперативного учета, соблюдению законности, прав и свобод человека и гражданина, отсутствию обоснованных жалоб со стороны граждан². Полагаем, что необходимо дополнить Закон об ОРД статьей 14.1 «Оценка оперативно-розыскной деятельности лиц, уполномоченных на ее осуществление» следующего содержания: «Оперативно-розыскная деятельность должностных лиц, уполномоченных на ее осуществление, оценивается специально создаваемой комиссией. Порядок ее создания и полномочия, а также критерии оценки регламентируются ведомственными нормативными правовыми актами. Запрещается использовать в качестве критерия оценки количественные показатели». При этом приказом МВД России закрепить, что оценка деятельности оперуполномоченных осуществляется на основании изучения членами комиссии дел, находившихся в производстве оперативного сотрудника за оцениваемый период времени.

Отметим, что предлагаемые законодательные изменения позволят оперативным сотрудникам подразделений ЭБиПК сосредоточить свои

---

² Лугович С. М. Правовой статус оперуполномоченного при проведении оперативно-розыскных мероприятий : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2018. С. 54.

усилия на качественном выполнении задач ОРД, что, несомненно, положительным образом отразится на законности их деятельности по выявлению, предупреждению и раскрытию хищений бюджетных денежных средств при проведении государственных закупок.

Ю. А. Черкасова

(Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя)

Наделение процессуальным статусом секретаря судебного заседания: нововведение в действующее уголовно-процессуальное законодательство

В настоящее время в теории уголовно-процессуального права все чаще поднимается вопрос, связанный с регламентацией участников уголовного судопроизводства, которые не обладают процессуальной самостоятельностью. Не вызывает сомнений актуальность данной проблемы, так как в соответствии со ст. 2 Конституции РФ государство возлагает на себя обязанность по обеспечению прав и свобод человека и гражданина. Применительно к сфере уголовного процесса уполномоченные лица должны разъяснять каждому привлекаемому по уголовному делу участнику элементы приобретенного процессуального статуса, а также особенности его участия при производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий.

В статье 245 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ) законодателем упоминается секретарь судебного заседания, который осуществляет свои функции только на стадии судебного разбирательства, но при этом самостоятельным процессуальным статусом в полном объеме не обладает. Это подтверждается отсутствием, во-первых, данного понятия в ст. 5 УПК РФ, во-вторых, исчерпывающего перечня его прав и обязанностей как в содержании ст. 245 УПК РФ, так и в ряде других статей действующего уголовно-процессуального законодательства.

Отсутствие понятия «секретарь судебного заседания» не только оказывает влияние на практическую деятельность действующих сотрудников, которые разъясняют основное предназначение конкретного участника, но и вызывает множество дискуссий в теории уголовно-процессуального права. Полагаем, что необходимо дополнить статью 5 УПК РФ (а именно, п. 41.2) следующим содержанием: «Секретарь судебного заседания — лицо, привлекаемое на стадии судебного заседания

в целях осуществления протоколирования судебного разбирательства и реализации иных процессуальных функций».

Согласимся с мнением Е. А. Волобуевой, считающей, что «секретарь судебного заседания — это должностное лицо, осуществляющее ведение протокола судебного заседания»¹. А. А. Васяев в своих научных трудах отмечает, что статус исследуемого нами участника целесообразно закрепить в главе 8 УПК РФ, так как он осуществляет в судебном заседании вспомогательные функции². Считаем, что секретарь судебного заседания не является самостоятельным участником уголовного судопроизводства и относится к категории лиц, которые обладают неопределенным правовым положением. Несмотря на то что секретарь упоминается в ст. 245 УПК РФ, в ней не отражаются в полном объеме процессуальные гарантии (права, обязанности, ответственность). В связи с этим целесообразно закрепить на законодательном уровне процессуальный статус, а именно, дополнить ст. 245 УПК РФ следующими положениями:

«3. Секретарь судебного заседания имеет право:

1) знакомиться с иными документами, определяющими его права и обязанности;

2) пользоваться предоставленными организационно-техническими условиями и средствами;

3) в соответствии с занимаемой должностью получать необходимые материалы, информацию и сведения по уголовному делу;

4) пользоваться иными правами, предусмотренными УПК РФ;

4. Секретарь судебного заседания обязан:

1) получать иски материалы от помощников судей;

2) заниматься оформлением уголовных дел, в том числе подшивать материалы и дополнительные документы и осуществлять за ними контроль;

3) направлять копии определений лицам, участвующим в деле;

4) осуществлять проверку лиц и докладывать о явке, а также по указанию знакомить их с материалами дела;

5) вести протокол судебного заседания;

6) готовить и вывешивать списки дел, а также заполнять регистрационные журналы, статистические карточки;

---

¹ *Волобуева Е. А.* Проблемы регламентации процессуального статуса секретаря судебного заседания в УПК России и стран-участников СНГ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2011. №1. С. 116–124.

² *Васяев А. А.* К вопросу о статусе секретаря судебного заседания // Администратор суда. 2007. № 4. С. 47.

- 7) проводить отбор кандидатов в присяжные заседатели;
- 8) осуществлять иную работу по поручению председательствующего».

Следует отметить, что секретарь судебного заседания не только выполняет определенные вспомогательные функции на стадии судебного разбирательства, но и является самостоятельным участником уголовного судопроизводства. В соответствии со ст. 83 УПК РФ протокол судебного заседания может быть допущен в качестве доказательства по уголовному делу, а значит его отсутствие или наличие его с определенными ошибками могут повлечь ряд процессуальных последствий: утрату доказательственной базы, прекращение уголовного дела, нарушение основополагающих принципов и т. д. В связи с этим значимость процессуальной документации не только не вызывает сомнений, но и усиливает важность лица, осуществляющего фиксацию судебного заседания — секретаря судебного заседания. Секретарь судебного заседания принимает участие в уголовном процессе, а именно, в организации и проведении судебного заседания. Его действия направлены на создание таких условий, при которых суд сможет вынести законное и обоснованное решение, а также на освобождение судей от организационных и технических мероприятий. Предложенные поправки и изменения будут способствовать регламентации не только его правового положения, но и закреплению основных процессуальных прав и обязанностей.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ; КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО; ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Андреев Д. В. Особенности конфискации и изъятия алкогольной и спиртосодержащей продукции в административном законодательстве.	3
Баталов Д. Е. Президент Российской Федерации в механизме обеспечения национальной безопасности	5
Белоусова Е. В. Договор строительного подряда в условиях пандемии	7
Веренич А. В. Участие несовершеннолетних в несанкционированных митингах	9
Волк-Леонович С. О. О власти и управлении в Древнерусском государстве в трудах Александра Магнуса Фромгольда фон Рейца. . .	12
Волков К. С. Значение информационно-аналитической работы в нормотворческой деятельности органов внутренних дел Российской Федерации	14
Гоман О. С. Административная ответственность владельцев гражданского оружия, допустивших его утрату: проблемы и перспективы	15
Красилова Е. В. Об отдельных аспектах правозащитной деятельности Федерального Собрания Российской Федерации.	18

Кротова Е. Н. Проблемы определения состава неправомерного деяния	20
Мамонтова А. А. Принцип справедливости в трактовке представителей теории «возрожденного» естественного права России	22
Мушаков В. Е. «Право на забвение»: к вопросу о правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации	24
Никитина А. Е. Последствия Октябрьской революции 1917 года: смена государственной политики в отношении права на свободу совести	26

РАЗДЕЛ II. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Анетулы Б. Уголовно-правовая характеристика превышения должностных полномочий или превышения власти в Республике Казахстан	29
Бойко В. П. Информационно-телекоммуникационные технологии в незаконном обороте наркотиков	31
Дизер О. А. Оправдывает ли провокатора потенциальная угроза преступления?	33
Дорожинский А. А. Перспективы применения в российском законодательстве службы пробации как института предупреждения повторной преступности на примере опыта зарубежных стран	36
Квасников Е. С. Факторы, обуславливающие уголовную ответственность за нарушение требований охраны труда (ст. 143 УК РФ)	38
Кельм С. И. Организационные факторы, детерминирующие преступность в сфере жилищно-коммунального хозяйства	40
Князев К. С. Борьба с массовыми беспорядками в социальных сетях и мессенджерах	43
Конев Д. А. Международное сотрудничество в сфере обеспечения криминологической безопасности цифровых технологий	45
Лазарчук О. С. Правовая регламентация самоуправных действий в уголовном законодательстве стран ближнего зарубежья	47

Лозовская Т. А. Оценка деяния как малозначительного по Уголовному кодексу Монголии	50
Огорелков Д. А. Механизм исчисления штрафа в уголовном законодательстве стран закавказского региона	52
Петрова И. В. К вопросу о причинах и условиях совершения преступлений в сфере недвижимости	54
Рюмшин И. С. Исторические предпосылки возникновения уголовной ответственности за мелкое хищение в досоветский период развития законодательства	55
Симонова Т. А. Коррупция как проблема современной России	57
Суверов С. Е. Заглаживание причиненного потерпевшему вреда — факультативное условие применения статьи 76 Уголовного кодекса РФ	59
Унукович А. С. Преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: основные тенденции.	61
Шиманович Е. В. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных об обстоятельствах, смягчающих наказание	63

РАЗДЕЛ III. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Абрамова Л. Л. Становление и развитие фактических оснований для начала предварительного расследования в отечественном законодательстве	66
Андриенко Ю. А. О системном подходе к исследованию проблем обеспечения быстроты и полноты досудебного производства	69
Баязитов Т. Т. Защита имущественных интересов подозреваемого, обвиняемого, заключенных под стражу	72
Богатырев Д. В. Состав злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве	74
Бойкова К. О. К вопросу о назначении сроков досудебного производства по уголовным делам	76

Бондаренко А. А. Выделение в отдельное производство уголовного дела или его материалов при установлении в ходе предварительного расследования нового преступления	78
Буламбай С. Б. Совершенствование правовой регламентации судебных запретов при применении мер уголовно-процессуального принуждения	81
Валюлин Р. Р. Влияние постановления Правительства РФ на решение вопроса о содержании под стражей подозреваемого, обвиняемого в порядке ч. 1 ¹ ст. 110 УПК РФ	83
Герасименко Е. В. Реализация права на получение квалифицированной юридической помощи в оперативно-розыскной деятельности	85
Дивольд В. Е. Использование результатов картографического анализа о состоянии преступности	87
Дорош Е. Ю. Основания применения мер принуждения при проведении оперативно-розыскных мероприятий	90
Дударева М. А. Актуальные вопросы совершенствования порядка защиты сведений о частной жизни человека в уголовном процессе	92
Еркалов А. А. Акты применения норм оперативно-розыскного права	94
Зенькин Д. В. Ведомственный контроль за соблюдением законности при производстве по делам оперативного учета	96
Карлов А. Л. Условия и обязательства досудебного соглашения о сотрудничестве	98
Криворучкина Е. А. К вопросу о структуре криминалистической характеристики незаконной рубки лесных насаждений	100
Кублова М. Г. Проблема доказывания сбыта наркотических средств и психотропных веществ, совершенного при использовании современных технологий	103
Макаров Р. А. Хищения с банковских карт, совершенные дистанционно с использованием IP-телефонии (SIP-телефонии) . . .	105
Мерлаков Д. С. Содержание и пределы уголовно-процессуальной компетенции субъектов досудебного производства	106
Савченко А. Н. Видеозапись следственного действия как доказательство в уголовном процессе	109

Свинов Д. В. Об актуальности определения места и роли руководителя территориального органа внутренних дел в оперативно-розыскном процессе.	111
Сороколетова Н. Э. О необходимости применения специальных знаний при проведении оперативно-розыскного мероприятия «исследование предметов и документов» по делам экономической направленности	114
Титов П. М. Электронная форма уголовного судопроизводства: на примере дел частного обвинения.	116
Ткачёва Е. С. О понятии и признаках ограничения прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве РФ.	118
Цепилов А. Е. Обеспечение законности в деятельности оперативных сотрудников подразделений ЭБиПК по выявлению, предупреждению и раскрытию хищений бюджетных денежных средств при осуществлении госзакупок.	120
Черкасова Ю. А. Наделение процессуальным статусом секретаря судебного заседания: нововведение в действующее уголовно-процессуальное законодательство	123

Научное издание

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВАЦИИ
В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

*Материалы всероссийской научной конференции
адъюнктов, аспирантов и соискателей*

Редактор Е. А. Жукова

Корректор Л. И. Замулло

Технический редактор П. В. Ярославцева

ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.

Подписано в печать 18.10.2021. Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 7,7. Уч.-изд. л. 7,3. Тираж 120 экз. Заказ № 232.

Редакционно-издательский отдел
Отделение полиграфической и оперативной печати
644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7